

4

РУССКАЯ РЕЧЬ 1980

ИЮЛЬ Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

АВГУСТ

В номере:

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 100-летию А. С. Грина

А. И. Горшков. Тайна соседства слов (заметки о языке повести «Алые паруса»)	3
Н. А. Кобзев. Диалог у А. Грина	9
М. А. Бакина. О некоторых поэтических традициях в творчестве Ю. Мориц	15
Л. Н. Синельникова и др. «С любимыми не расставайтесь!» (лингвостилистический анализ стихотворения)	21
В. И. Коньков. Прямая речь и цитата в тексте	25

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

А. С. Грин. Судьба первого взвода. Игрушки. Атака. Встречи и приключения	29
--	----

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

В. М. Мокшенок. <i>Гол как сокол</i>	35
В. Н. Вакуров. <i>Лапти плетть — лыко драть</i>	41

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

К 600-летию Куликовской битвы

В. В. Кусков. Великий подвиг русского народа	46
Д. С. Лихачев. Победа на Куликовом поле...	52
Е. С. Отин. Топонимия поля Куликова	56

КУЛЬТУРА РЕЧИ

К. С. Горбачевич. Русское ударение. V	62
С. И. Виноградов. Отвечает служба языка (зав. кафедрой или завкафедрой?)	68

В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ

Н. Н. Кохтев. «Для каждого рода речи пригоден особый стиль»	71
Л. И. Скворцов. Об ораторском искусстве С. М. Кирова	78

ЛЕКСИКА

- Д. К. Нуржанова. *Выгоняют лук, свеклу, петрушку...* (использование общеупотребительных слов в сельскохозяйственной терминологии) 85
- Н. Г. Юсупова. Обезьяна — обезьяний, обезьянничать (зоонимы и их производные) 88
-

СРЕДИ КНИГ

- В. И. Кодохов. Введение в языкознание 92
- В. Н. Сергеев. Новые значения старых слов 93
-

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕКСИКОГРАФИИ

- Е. П. Шейнина. А. Н. Островский — лексикограф 95
-

В ИНСТИТУТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

99

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

- М. В. Орешкина. Равный среди равных 102
-

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- И. Б. Еськова. Русский язык в Норвегии 106
-

ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ

- Л. П. Жуковская, Ф. П. Филин. «Влесова книга»... Почему не Велесова? (об одной подделке) 111
-

НА КАРТЕ РОДИНЫ

- По золотому кольцу России*
- М. В. Горбаневский, В. Ю. Дукельский. Язык земли, язык России 119
-

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- А. А. Брагина. Мишка олимпийский 129
- Г. И. Миськевич, Ю. Ф. Хаустова. Регион 134
- А. И. Мойсеев. Шар-мазло 138
- М. А. Буряков. *Плакать* — значит «лить слезы» 142
- В. В. Введенский. Робот 146
- М. В. Каплунов. Как вас теперь называть? 149
-

- В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий 153
-

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

- Каратэ — каратист; Гвоздь программы, сезона... 157
- Кроссворд 156
-

На обложке рисунок Б. Захарова

к **100-**
ЛЕТИЮ
А. ГРИНА

ТАЙНА СОСЕДСТВА СЛОВ

Заметки о языке повести «Алые паруса»

В повести («феерии», как определил жанр произведения сам писатель) «Алые паруса» прекрасное творчество А. Грина раскрывается не только во всей глубине и многогранности содержания, но и в полном блеске художественной формы. Об «Алых парусах» К. Г. Паустовский сказал, что это — «поэма, утверждающая силу человеческого духа, просвеченная насквозь, как утренним солнцем, любовью к жизни, к душевной юности и верой в то, что человек в порыве к счастью способен своими же руками совершать чудеса». Красочность, образность этой оценки можно, конечно, отнести на счет писательской манеры

К. Г. Паустовского. Но правильнее будет считать, что образность эта навеяна самой повестью А. Грина.

Автор «Алых парусов» сравнивает Ассоль с живым стихотворением «со всеми чудесами его созвучий и образов, с тайной соседства слов, во всей взаимности их теней и света, падающих от одного на другое». Этот поэтический образ вполне научно точен в отношении того, что лингвисты называют языковым строем художественного (не только стихотворного, но и прозаического) текста. Сопоставим представления писателя с суждениями ученого: «В „образе автора“, в его речевой структуре объединяются все качества и особенности стиля художественного произведения: распределение света и тени при помощи выразительных речевых средств, переходы от одного стиля изложения к другому, переливы и сочетания словесных красок, характер оценок, выражаемых посредством подбора и смены слов и фраз, своеобразия синтаксического движения» (В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959). В. В. Виноградов более подробно и дифференцированно, чем А. Грин, характеризует определяющие языковые черты художественного произведения. Но в высказываниях того и другого равно подчеркнуто, какую большую организующую роль имеют расположение слов по отношению друг к другу на протяжении всего текста («тайна соседства слов»), неразрывные, хотя порой и очень тонкие, смысловые и экспрессивные связи слов между собой, взаимные «наложения» значений и ассоциативные сближения слов («взаимность их теней и света, падающих от одного на другое»).

Попробуем в наших заметках осветить именно эту сторону языка повести А. Грина на материале словесных рядов, которыми строится и развивается вынесенный в заглавие образ — алые паруса.

● Однажды днем, «когда окружающая дорогу чаща полна солнечным ливнем, цветами и тишиной», Ассоль шла в город, чтобы продать игрушки, сделанные ее отцом, и «присела у дороги съесть кусок пирога, положенного в корзинку на завтрак. Закусывая, она перебирала игрушки; из них две-три оказались новинкой для нее; Лонгрен сделал их ночью. Одна такая новинка была миниатюрной гоночной яхтой; белое суденышко это несло алые паруса, сделанные из обрезков шелка, употреблявшегося Лонгреном для оклейки пароходных кают — игрушек богатого покупателя. Здесь, видимо, сделав яхту, он не нашел подходящего

материала на паруса, употребив, что было — лоскутки алого шелка. Ассоль пришла в восхищение. Пламенный веселый цвет так ярко горел в ее руке, как будто она держала огонь». Когда Ассоль пустила яхту в ручей, «паруса тотчас сверкнули алым отражением в прозрачной воде; свет, пронизывая материю, лег дрожащим розовым излучением на белых камнях дна». Девочка бежала за яхтой, боясь потерять из виду «алое сверканье парусов».

Так возникает в повести образ алых парусов. Появляется он в подчеркнута естественной, обыденной обстановке, в сопровождении подробного разъяснения, почему паруса игрушечной яхты оказались именно алыми; но в то же время это образ необыкновенный, пленительный, вызывающий восхищение. Отсюда — две группы соседствующих слов и словосочетаний. С одной стороны — *обрезки, лоскутки шелка, подходящий материал, оклейка, употреблять*; с другой — *солнечный ливень, огонь, свет, сверканье, излучение, гореть, сверкать, пламенный, веселый цвет*.

На берегу моря Ассоль встречает собирателя песен, легенд, преданий и сказок старика Эгля, который произносит чудесное предсказание:

«— ...Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнет алый парус. Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе... Корабль подойдет величественно к самому берегу под звуки прекрасной музыки; нарядная, в коврах, в золоте и цветах, поплывет от него быстрая лодка... Тогда ты увидишь храброго красивого принца, он будет стоять и протягивать к тебе руки. «Здравствуй, Ассоль! — скажет он. — Далеко-далеко отсюда я увидел тебя во сне и приехал, чтобы увезти тебя навсегда в свое царство...»

В предсказании Эгля «склонность к мифотворчеству» определяет развитие сказочной, чудесной стороны образа алых парусов и соответствующих ассоциаций. Появляется красивый принц. Корабль подходит под звуки прекрасной музыки. Для композиционного движения словесных рядов очень важны такие детали: «...двинется, *рассекая волны, прямо к тебе*» и «*под солнцем сверкнет алый парус*». Именно через образы солнца и рассекающего волну корабля, а не прямо через образ алых парусов, происходит сближение сюжетных линий Ассоль и Грэй, которому тоже нечто предсказано.

● В винных подвалах замка, где растет мальчик Грэй, хранятся бочки со старинным вином. На обручах надпись:

«Меня выпьет Грэй, когда будет в раю». Подвыпивший погребщик так рассуждает по поводу этого предсказания:

«— Как понять? Выпьет, когда умрет, что ли? Странно... Допустим, что «рай» означает счастье. Но раз так поставлен вопрос, всякое счастье утратит половину своих блестящих перышек, когда счастливец искренне спросит себя: рай ли оно?.. Есть еще третье предположение: что когда-нибудь Грэй допьется до блаженно-райского состояния и дерзко опустошит бочечку. Но это, мальчик, было бы не исполнение предсказания, а трактирный дебош».

У мальчика же свое представление о рае: «Вот рай!.. Он у меня, видишь? — Грэй тихо засмеялся, раскрыв свою маленькую руку. Нежная, но твердых очертаний ладонь озарилась солнцем, и мальчик сжал пальцы в кулак. — Вот он, здесь!.. То тут, то опять нет...»

Позже, когда Грэй стал капитаном, увидел спящую Ассоль и узнал о предсказании Эгля, «он подставил руку, ладонью вверх, знойному солнцу, как сделал это однажды мальчиком в винном погребе».

Так сходит по существу на нет образ «рая», уступая место образу счастья и солнца. А образ солнца уже с самого начала повести неотделим от образа алых парусов.

Другая цепь ассоциаций связана с картиной, поразившей детское воображение Грэя: «Картина изображала корабль, вздымающийся на гребень морского вала... Корабль шел прямо на зрителя... Гребень вала, распластанный корабельным килем, напоминал крылья гигантской птицы. Пена неслась в воздух. Паруса, туманно видимые из-за бакборта и выше бугшприта, полные неистовой силы шторма, валились всей громадой назад, чтобы, перейдя вал, выпрямиться, а затем, склоняясь над бездной, мчат судно к новым лавинам. Разорванные облака низко трепетали над океаном. Тусклый свет обреченно боролся с надвигающейся тьмой ночи. Но всего замечательнее была в этой картине фигура человека, стоящего на баке, спиной к зрителю... Богатство костюма выказывало в нем капитана...»

Оставляя в стороне прозрачный в своей символике образ капитана, обратим внимание на то, что паруса, «полные неистовой силы шторма», изображаются, как «туманно видимые». И вообще не только паруса, но вся картина как бы лишена цвета: «Тусклый свет обреченно боролся с надвигающейся тьмой ночи». Это не случайно. Картина символизирует мужество и отвагу капитана, мощь корабля, преодолевающего шторм. Паруса напряжены, чтобы «мчат

судно к новым лавинам». Но они пока не мчат никого к счастью и никому счастья не несут. Это — предназначение *алых* парусов.

● Уже взрослая Ассоль «уходила ночью на морской берег, где, выждав рассвет, совершенно серьезно высматривала корабль с Алыми Парусами. Эти минуты были для нее счастьем». И вот однажды в лучах восходящего солнца ей привиделся корабль, который «остановился по самой середине зари. Из этой дали он был виден ясно, как облака. Разбрасывая веселье, он плыл, как вино, роза, кровь, уста, алый бархат и пунцовый огонь. Корабль шел прямо к Ассоль. Крылья пены трепетали под мощным напором его киля». Две последние фразы прямо связывают воедино предсказание Эгля, картину в замке Грэй и живое видение Ассоль. Сопоставим: «Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе» — «Корабль шел прямо на зрителя... Гребень вала, распластанный корабельным килем, напоминал крылья гигантской птицы» — «Корабль шел прямо к Ассоль. Крылья пены трепетали под мощным напором его киля». И еще сравним: цвет парусов игрушечной яхты был пламенный и *веселый*, и корабль в видении Ассоль плыл, разбрасывая *веселье*. Ассоциативный ряд алого цвета умножается: *вино, роза, кровь, уста, алый бархат и пунцовый огонь*. И хотя это пока только игра утреннего солнечного света в облаках, уже близок вполне реальный корабль, который капитан Грэй восторженно, но вполне деловито оснащает алыми парусами.

Вокруг образа алых парусов опять, как и в сцене с игрушечной яхтой, выстраиваются два словесных ряда. Один отражает, если так можно выразиться, материальную сторону дела: «Грэй побыл в трех лавках... Он терпеливо разбирал свертки, откладывал, сдвигал, развешивал и смотрел на свет...»; «Грэй... высчитал карандашом на бумаге требуемое количество.— Две тысячи метров»; когда лавочник «изошел восторгом, Грэй договорился с ним о доставке, взяв на свой счет издержки, уплатил по счету и ушел»; «— Мы стоим в устье реки до тех пор, пока не сменим весь такелаж. Вы видели, что привезен красный шелк. Из него под руководством парусного мастера Блен-мастерят «Секрету» новые паруса».

Другой словесный ряд развивает образно-символическую трактовку алого цвета с заметным движением в сторону духовной, нравственной сферы: «Роясь в легком со-

противлении шелка, он различал цвета: красный, бледный, розовый и розовый темный; густые закипы вишневых, оранжевых и мрачно-рыжих тонов; здесь были оттенки всех сил и значений, различные в своем мнимом родстве, подобном словам: «очаровательно» — «прекрасно» — «великолепно» — «совершенно»; в складках таились намеки, недоступные языку зрения, но истинный алый цвет долго не представлялся глазам нашего капитана... Наконец, один цвет привлек обезоруженное внимание покупателя...

Этот совершенно чистый, как алая утренняя струя, полный благородного веселья и царственности цвет являлся именно тем гордым цветом, какой разыскивал Грэй. В нем не было смешанных оттенков огня, лепестков магнолии, игры фиолетовых или лиловых намеков; не было также ни синевы, ни тени, ничего, что вызывает сомнение. Он рдел, как улыбка, прелестью духовного отражения». И вот паруса установлены на корабле: «...воздушный напор усилился, рассеял туман и вылился по реям в легкие алые формы, полные роз. Розовые тени скользили по белизне мачт и снастей, все было белым, кроме раскинутых, плавно двинутых парусов — цвета глубокой радости».

● Когда, наконец, полностью сбывается предсказание Эгля, зримый образ алых парусов постепенно затухает и в повести на первый план выступает образно-тематическое поле счастья.

«Ассоль зажмурилась; затем, быстро открыв глаза, смело улыбнулась его сияющему лицу и, запыхавшись, сказала:

— Совершенно такой.

...Счастье сидело в ней пушистым котенком».

На корабль доставили легендарное фамильное вино с потерявшей теперь свою загадочность надписью. «Грэй поднялся вверх, дал знак оркестру и, сняв фуражку, первый зачерпнул граненым стаканом, в песне золотых труб, святое вино».

Кончается повесть «Алые паруса», как мы все знаем, словом *счастье*. Это то самое счастье, в порыве к которому человек своими руками способен совершать чудеса.

А. И. ГОРШКОВ

Рисунок Ю. Космынина

ДИАЛОГ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. ГРИНА

Диалог в романах А. Грина выполняет очень ответственные задачи, особенно, когда автору необходимо показать какое-либо острое сюжетное противоречие. Примером тому могут служить «моменты наивысшего напряжения» действия романов А. Грина.

Но не только моменты наивысшего напряжения воспроизводит А. Грин при помощи диалога. Художественное действие гриновских романов насыщено острыми поворотами, сценами, ситуациями. Подавляющее большинство их зафиксировано в диалоге. Реализуя конфликт, диалог стимулирует также развитие самого романтического действия.

Продукты вымысла создаются романтиком А. Грином в соответствии с принципами художественной правды. Писатель стремится к достижению жизненности в обрисовке героев своих романов. Даже второстепенные действующие лица выписаны им с большой старательностью. Большинство из них появляется в произведении лишь один раз. Но этого вполне достаточно, чтобы персонаж остался в нашей памяти.

Своеобразие речевых характеристик «народонаселения» гриновских романов состоит в том, что в них запечатлены основные черты характеров. Например, в романе «Дорога никуда» слуга Фирс произносит всего четыре реплики. Но они характеризуют его исчерпывающе: перед нами недалекий, ограниченный человек, к тому же самовлюбленный, лишенный чувства юмора. «Он [хозяин] мне сказал на днях: „Фирс как вы поймали луну?“ В ведре с водой, понимаете, отражалась луна, так он просил, чтобы я не выплеснул ее на цветы. Заметьте, не няя, нет! Я только обернулся, а затем отвернулся. Не люблю я таких шуток. Выходит, что я — глупее его?».

Впечатляющая сила высказываний эпизодических персонажей состоит в насыщенности их «словесным жестом», то есть они обладают такой живостью и неповторимостью интонации, которая позволяет представить зрительно мимику, облик и движения говорящего. Колорит образов достигается писателем не столько подбором специфических слов или так называемых «неправильностей», сколько разговорной интонацией, структурой фразы и свободной энергией речи.

В отличие от диалогов второстепенных лиц речь главных героев характеризуется иным уровнем эмоционально-интеллектуального восприятия мира. В ней, при разговорном строении реплик, усиливается смысловая наполненность высказываний, возрастает процент абстрактно-поэтической лексики.

Своеобразной приметой гриновского диалога является то, что отдельные реплики главных героев часто перерастают в монологи, выполняющие многообразные функции в сюжете. Но, прежде всего, они фиксируют главное — мировоззрение героя. Монолог, произнесенный им в решающих обстоятельствах, то есть в моменты наивысшего напряжения действия, исчерпывающе представляет коренные убеждения персонажа. Здесь нет недосказанности: взгляды героя изложены ясно и отчетливо. Типичным примером такого монолога могут служить речи Руны и Друда (Блестающий мир), в которых со всей отчетливостью и завершенностью представлено взаимоисключающее миропонимание героев.

Монолог фиксирует также отдельные точки зрения, нравственно-этические представления, философские взгляды, эстетические воззрения ведущих персонажей. Кроме того, он обстоятельно информирует читателя о тех событиях в жизни романтического героя, которые произошли за пределами художественного действия; он вносит полную ясность в те сюжетные линии, которые остались не до конца раскрытыми ходом повествования.

Диалог у А. Грина отличается своеобразием формы. Это, как правило, лаконичный разговор. Реплики героев отличаются известной словесной скупостью, иногда они уменьшаются до одного слова. Фразы простые, фиксирующие обычно какое-то конкретное душевное движение. Каждая реплика, насыщенная живой устно-разговорной интонацией, полна эмоциональной экспрессии.

В монологах фраза сохраняет свою лаконичную синтаксическую структуру. Здесь писатель применяет, главным образом, нераспространенное предложение. Но когда границы его переходят известный ритмо-мелодический предел, тогда предложение пересекается точкой с запятой на ряд интонационно и синтаксически законченных фрагментов. Это своего рода «рубленая» фраза, заключенная в границы одного предложения. Примером может служить монолог Друда, обращенный к Тави: «—Сейчас ты станешь сама собой, Тави; туман рассеется и все будет ни чудесным, ни странным; все просто, когда двое думают об одном. Смотри,— стол; на нем хлеб, яичница, кофейник и чашки; в помещении этом живет смотритель маяка, Стеббс; плохой поэт, но хороший друг» (Блещающий мир).

Высокое мастерство присуще А. Грину и в умении вести разговор, то есть сочетать реплики говорящих. В диалоге нередко участвуют больше двух собеседников. Роман «Бегущая по волнам», написанный в форме рассказа от первого лица, в особенности насыщен разговором. Прежде чем ввести в беседу то или иное действующее лицо, автор знакомит нас через восприятие Гарвея с обстановкой, людьми, коротко представляя их. Диалог начинает развиваться исподволь, сопровождаемый постоянным комментированием всего происходящего рассказчиком. Развернув беседу, писатель следит за тем, чтобы диалог не заслонял личность повествователя. Ему важно не упустить повествовательную нить от первого лица. А в обстановке, где говорят многие, это представляет для художника определенную трудность. Разговор, как правило, ограничивается темой, касающейся непосредственно интереса Гарвея. К нему прямо и косвенно адресуются все реплики, причем он не всегда обязан отвечать. Ответные реплики — соображения могут быть высказаны кем угодно из окружающих. Чтобы диалог не носил характера сплошного разговора и не наскучил читателю, Грин то и дело прерывает его описательными фрагментами, в которых предоставляется слово повествовавшему лицу. Иначе говоря, чужая реплика предстает не в форме прямой речи, а в форме косвенной, — переданной словами рассказчика. Многие реплики самого повествователя тоже передаются в косвенном изложении. Они исходят от того же первого лица, но не в разговорной манере, а в описательной, — без сохранения инто-

национно-ритмической характеристики устной речи. Это позволяет автору постоянно держать повествование в форме от первого лица и очень свободно, без всяких натяжек «включать» в разговор голос любого участника событий. Следует подчеркнуть, что в репликах, которые воспроизводятся в косвенной форме, сохраняются своеобразие мышления и сами мысли окружающих, при этом они органически сливаются с отношением к ним первого лица.

Работе над диалогом А. Грин уделял всегда большое внимание. Он ставил своей целью найти единственно необходимые слова героя, сообразованные не только с его внутренней сущностью, особенностями ситуации, но и с общим характером повествования. В черновиках «Бегущей по волнам» сцена разговора Гарвея и Фрези Грант в открытом море переписывалась автором много раз. Отвергнутые варианты не имели того «главного», что характерно для последней редакции: всесторонней гармонии диалога, тонкого поэтического взаимопонимания говорящих. В окончательной сцене нет ни одного лишнего слова, словесного жеста или вопроса; нет ни чрезмерного удивления, ни любопытства, ни долгого непонимания происходящего. Вот небольшой фрагмент одного из ранних диалогов Гарвея и Фрези Грант:

— Как произошло,— спросил я,— что вы, женщина, вынуждены делить со мной риск?

— Едва ли вас удовлетворит какое бы то ни было объяснение,— сказала она задумчиво,— Вы поражены...

Она говорила так спокойно, как при переезде через бухту. Я рассердился.

— Может быть, вам мое общество неприятно?

— Этого нет. Но если бы было так?

— Тогда я уйду.

— Наш разговор нелеп и безумен,— сказал я, начиная подозревать, что женщина душевно повреждена...

— Вы очень возмущены? — спросила женщина.— Отвечайте, я сяду к рулю, я слушаю вас».

Об этом разговоре можно сказать только одно: он находится на стадии первичных попыток автора установить подлинные взаимоотношения героев. Тут они еще не чувствуют друг друга; они как бы внутренне «глухи», не готовы к такой встрече. Поэтому и разговор у них не ладится. Он развивается явно не в том направлении и далек от того «главного», что впоследствии объединит героев. Когда Гарвей почувствует в этой встрече осуществление своего „Несбывшегося“ (одного из гриновских определений мечты), тогда и разговор изменит свою окраску: в нем найдут отражение те незримые, духовные контакты, которые и

сообщат всему диалогу удивительную поэтическую мягкость и привлекательность. Неопишное чувство бережности и благоговения лежит в основе всей сцены.

Отточенностью, емкостью и «единственностью» слова отличаются все диалоги писателя. Сила идейно-эстетического воздействия гриновского диалога в том, что художник постоянно разнообразит его структуру, умело воспроизводит характер и строение живой речи. Каждое слово диалога продумано, взвешено, за каждой фразой — живой образ. Такие свойства гриновский диалог обрел лишь в романах писателя, то есть в послеоктябрьском творчестве. В дореволюционной новелле все внимание автора было поглощено центральным романтическим героем. Сопутствующие действующие лица не находили обстоятельной разработки. Герои говорили одинаковым языком. Ощутимая индивидуализация речи персонажей появляется впервые в знаменитых «Алых парусах» (1921). Феерия — первое широко развернутое романтическое полотно А. Грина со многими действующими лицами. Появилась необходимость в индивидуализации речи героев. Вот один наглядный пример из романа «Алые паруса». Циммер рекомендует Грэю музыкантов:

«— Вот, — сказал Циммер, — это — тромбон; не играет, а палит, как из пушки. Эти два безусых молодца — фанфары; как заиграют, так сейчас же хочется воевать. Затем кларнет, корнет-а-пистон и вторая скрипка... А вот и главный хозяин нашего веселого ремесла — Фриц, барабанщик. У барабанщиков, знаете, обычно — разочарованный вид, но этот бьет с достоинством, с увлечением. В его игре есть что-то открытое и прямое, как его палки. Так ли все сделано, капитан Грэй?»

— Изумительно, — сказал Грэй. — Всем вам отведено место в трюме, который на этот раз, значит, будет погружен разными „скерцо“, „адажио“ и „фортиссимо“».

В словах Циммера заметно ощутим не только речевой стиль музыканта-профессионала, но и юмористический склад ума, неиссякаемый оптимизм человека, выдавшего виды, прожившего трудную жизнь. В тон Циммеру окрашивается и речь Грэя, раскрывая тем самым его способность хорошо понимать и чувствовать людей. Герои «Алых парусов» уже ощутимо обретают индивидуальный речевой стиль. Так, речь Хина Меннерса, трактирщика, груба («Опять ты нагружился, вельбот проклятый!»), исполнена презрения к простым людям, выдает в нем «жуткое достоинство боида».

Романтик А. Грин ищет способ выражения, который передавал бы «не внешние ухищрения речи», а «убежденную внутреннюю постройку человека» (А. Серафимович). И пусть речи героев

«Алых парусов» еще не одинаково характеристичны, все же общая тенденция к индивидуализации речевого стиля в феерии обозначилась уже довольно отчетливо.

Обильное оснащение сюжета диалогом, то есть своеобразно драматизированными сценами, сообщает и без того динамичному действию гриновских романов дополнительное ускорение. Только в быстротекущих обстоятельствах может жить, действовать и выявлять свои высокие нравственно-этические качества гриновский романтический герой.

Н. А. КОБЗЕВ
Кишинев

Рисунок Ю. Космынина

Грин был не только великолепным пейзажистом и мастером сюжета, но был еще и очень тонким психологом. Он писал о самопожертвовании, мужестве — героических чертах, заложенных в самых обыкновенных людях. Он писал о любви к труду, к своей профессии, о неизученности и могуществе природы. Наконец, очень немногие писатели так чисто, бережно и взволнованно писали о любви к женщине, как это делал Грин.

К. Г. Паустовский

Иногда говорят, что творчество Грина представляет собой подражание Эдгару По, Амброзу Бирсу. Как можно подражать выдумке? Ведь надо же выдумать! Он не подражает им, он их равен, он так же уникален, как они.

Ю. Олеша

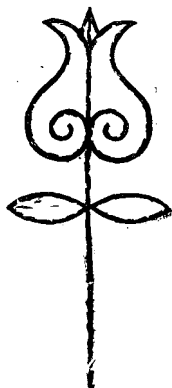
Это писатель замечательный, молодеющий с годами. Его будут читать многие поколения после нас...

М. Шагинян

Александр Грин — писатель солнечный и, несмотря на трудную судьбу, счастливый, потому что через все его произведения победно проходит глубокая и светлая вера в человека, в добрые начала человеческой души, вера в любовь, дружбу, верность и осуществимость мечты... и каждый прочитавший его становится чем-то богаче и чище.

В. Кетлинская

О НЕКОТОРЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. МОРИЦ

В современной поэзии немалую роль играют поэтические традиции. Среди них — приемы употребления общезыковой фразеологии. Многие фразеологизмы с течением времени утрачивают свою первоначальную образность, и, очевидно, поэтому в русской поэзии издавна существует ряд приемов их обновления, выявления в них новых выразительных возможностей. В результате может усиливаться эмоционально-экспрессивное содержание устойчивого сочетания, осязатее восприниматься его образная основа.

Эти приемы в той или иной мере можно найти в творчестве ряда поэтов XIX и первой половины XX веков. В современной поэзии эта традиция прослеживается у таких поэтов, как Л. Мартынов, Б. Слуцкий, А. Вознесенский, Р. Рождественский, А. Межиров, Е. Евтушенко, Н. Рубцов, Вл. Соколов, Н. Матвеева и др.

В статье будут рассмотрены примеры употребления общезыковой фразеологии в стихотворениях Юнны Мориц, которая принадлежит к поэтам, активно использующим стилистические и образные возможности фразеологии. Лишь немногие из привлекаемых ею фразеологизмов включаются в текст в общеупотребительной форме и в обычном значении. Но и в этом случае поэтесса старается создать такой контекст, который способствует усилению эмоционально-экспрессивного наполнения устойчивого сочетания.

Такого рода усиление может осуществляться повтором одного и того же фразеологизма, например *денно и ночью* в стихотворении «Снегопад»: «Снега выпадают и денно и ночью, Стремятся на землю, дома огибая. По городу бродят и денно и ночью Я, черная птица, и ты, голубая»; повторением общего смысла или общих эмоций, выраженных разными сочетаниями: «Не свергнуть, с рук не сбить, не сбросить с плеч Добычу золотую, дар избытка» (Золотое руно) — фразеологизмы *с рук не сбить* (не избавиться от кого-, чего-нибудь) и *не сбросить с плеч* (не освободиться от чего-нибудь обременительного); «Тетрадь изведу, но

оставлю преданье, И выверну душу, и счеты сведу В бреду и ознобе на койке в аду...» (Земляничная поляна) — *вывернуть душу* (о полном и глубоком самораскрытии перед кем-н.) и *сводить счеты* (рассчитаться с кем-нибудь за обиду, оскорбление).

Использование в одном контексте нескольких сочетаний — явление распространенное в творчестве Мориц. Они могут быть однородными, уточняющими значение друг друга, а могут вступать между собой в различные лексико-синтаксические отношения. Одно из сочетаний может выступать в роли подлежащего, другое — в роли сказуемого или обстоятельства, относящегося к другому сочетанию. Таково, например, употребление двух фразеологизмов в сочетании *льнула душа, разрываясь на части*, ср.: *льнуть душой к кому-либо* (о чувстве расположенности к кому-либо) и *разрываться на части* (стараться всюду успеть):

И ветер, и тополь, и вопли метели,
И вихри, летящие мимо окон,
Старались и выразить что-то хотели,
Но только не нашим, своим языком.

И льнула душа, разрываясь на части,
Ко вьюге и тополю там, за прудом,
И было дикарское чистое счастье
От близости с тополем, вьюгой и льдом.

Вьюга

Большую часть привлекаемого фразеологического материала Мориц подвергает различного рода изменениям. В ее стихотворениях можно найти иллюстрации ко всем существующим в поэзии способам грамматических, смысловых, лексических и стилистических преобразований общезыковой фразеологии. Наиболее распространенными являются видоизменения исходной формы фразеологизма, а также его обыгрывание.

При изменении фразеологизмов значение исходного сочетания может остаться прежним, если не изменяется его образная основа. При этом происходит лишь выделение составных частей, которое способствует усилению выразительности фразеологизма. Так, общезыковое значение *ловить в сети* (обманывать) остается неизменным в преобразованном выражении *сети, ловящие*:

Мы существуем однократно,
Сюда никто не вхож обратно,
Бессмертье — это анекдот,
Воображаемые сети,
Ловящие на этом свете
Тех, кто отправится на тот.

Вместо сноски

Вместе с тем превращение существительного *сети* в логическое подлежащее вносит определенного рода изменения в сочетании; углубляя его образную структуру.

Выражение *испытать горькую чашу* в значении «испытывать

несчастья» преобразовано в стихотворении «Когда утерла полночь брызги быта...» в сочетании *ту чашу горечи, которая испита* с тем же значением:

Когда утерла полночь брызги быта,
Бсльем и содой накормив корыта,
Мы пили чай, не зная, как назвать
Ту чашу горечи, которая испита.

Однако столкновение в одном контексте выражений *пить чай* и *испить чашу горечи* способствует оживлению фразеологизма, образ «пития чаши» подчеркнут питьем чая. Приведенный пример необычен и сферой своего употребления. Книжно-поэтическое сочетание *испить чашу*, в котором сохранен элемент приподнятости — в современных словарях оно имеет стилистическую помету «высокое»), контрастирует с описанием быта, данным в окружающем контексте.

Еще на вокзале, с вещами,
В толкучке, внушающей грусть,
Я вздрогнула — кто-то клещами
Раздавливал горло и грудь.

Ялта

Здесь безличная форма глагола — (*как*) *клещами сжало, сдавило грудь* — заменяется личной — *кто-то клещами раздавливал грудь*. Такая замена помогает поэтессе ощутимее передать внутреннее напряжение лирического героя.

Перефразирование устойчивого сочетания может привести и к изменениям его значения. Наблюдается это обычно в том случае, когда происходит замена одного или двух компонентов фразеологизма общеязыковым или контекстуальным синонимами.

И мне любая книга по карману.
И никому я денег не должна.
Как посуху, пройду по океану
Хоть кровь из горла — только не война.

В конце концов

В сочетании *хоть кровь из носу* (во что бы то ни стало, несмотря ни на какие трудности, препятствия) дополнение *из носу* заменяется *из горла*. В общем языке названное сочетание употребляется при категорическом требовании сделать, выполнить что-либо, а обновленная форма означает «готовность на любую крайность, даже на смерть»: *кровь из горла* — метонимическое обозначение смерти, готовность все преодолеть, все перенести — «только не война».

Значительную часть фразеологизмов у Ю. Моризц составляют устойчивые сочетания, имеющие омонимичные обороты с прямым значением. Эти сочетания обладают потенциальной возможностью обыгрывания прямых и переносных значений. Вот пример упот-

ребления фразеологизма *кот в мешке* (о ком-, чем-нибудь никому не известном, тающем неожиданности):

Любимый! Видишь, как стараюсь
Счастливой быть в твоём гнезде,
Где моего — лишь я сама,
И кот в мешке, он пень заводит,
Он по цепи известной ходит
И день, и ночь вокруг холма
Черновиков, вокруг письма...

Над тетрадью ,

Оживление первоначального (прямого) значения происходит в результате разложения фразеологизма и употребления слова *кот* как самостоятельного, вступающего в различные связи с другими словами: «он пень заводит, он по цепи известной ходит». Однако одновременно сохраняется и переносное значение выражения — «таящая любые неожиданности поэтическая деятельность лирического героя». Этому немало способствуют и известные пушкинские строки: «Златая цепь на дубе том: И днём и ночью кот учёный Все ходит по цепи кругом» (Руслан и Людмила). Могут обыгрываться не только готовые устойчивые сочетания, привлечённые без изменения, но и преобразованные.

Оттого, что скучны вечера,
Этот клён волновался вчера,
А сегодня зима наступила.
Наступила такая пора,
Что понятно, с какого двора
Дул сквозняк и деревья знобило.

Причины холодов

Сочетание *понятно, с какого двора дул сквозняк* представляет собой изменение общераспространённого фразеологизма *ясно (понятно, известно), откуда ветер дует* (понятна причина этого явления). В стихотворении оно употребляется метафорически: ясны причины грустного настроения. Однако вместе с преобладающим образным планом сочетания текст поддерживает и прямое значение слов *дул сквозняк: «и деревья знобило»*, а также последующие строки того же стихотворения: «Было грустно вчера и прохладно, Дуло в комнате с разных сторон».

Другой пример.

Солнце жёлтое мне освещает порой
Золотое отчаянье бездны второй,
Там три пуда тончайшей поваренной соли
Я съедаю, водой запивая сырой.

При свете звезд

В основу сочетания *три пуда тончайшей поваренной соли съедаю* положен фразеологизм *пуд соли съест с кем-нибудь*

(прожить долгое время вместе, хорошо и давно знать кого-либо). Известно, что многие фразеологизмы имеют устойчивые синтаксические формы. Так, в сочетании *пуд соли съест с кем-нибудь* обязательно употребление глагола *съест* в совершенном виде и наличие у этого глагола дополнения: *съест с кем*. В приведенном примере происходит разрушение формы фразеологизма (глагол употреблен в несовершенном виде и не имеет дополнения) и усиление конкретности образа. Это достигнуто включением новых слов, определяющих все три части сочетания: *пуда — три, соли — тончайшей поваренной, съедаю — водой запивая сырой*. В результате происходит самостоятельное употребление каждого компонента фразеологизма, но это не мешает сохранению смысла целого сочетания.

Общеязыковая фразеология Мориц иногда становится основой для образного стержня всего произведения. Например, стихотворение «Дух осени» построено на обыгрывании выражения *подлить (подливать) масла в огонь* в значении «активизировать что-либо, усилить какое-либо явление»:

Безвестная личность кусты утончает,
Скорлупное золото внутрь назначает
Столовыми ложками, быть приучает
Снаружи — простым, а внутри — золотым,
Холодными пальцами в полдень качает
Пустые качели над садом пустым
И масло в огонь подливать не скупает.
Растительный мир, как дракон, источает
Сквозь медные поздри затмительный дым.

Видоизмененное сочетание или его компоненты повторяются несколько раз в тексте. Одни из них имеют одновременно буквальное и метафорическое значения («И масло вливают в огонь художный, Чтоб он продолжался в природе живой... И масло они подливают в огни...»), значение других распалось и входит в иносказательный образ безвестной личности — осени («Так нежно, так розово масло льняное — Подлива, в которой продление огня!»). Цветовой образ осени поддерживается и усиливается целым рядом слов, несущих значение желтого цвета, желтизны.

Стихотворение «Дух осени» построено на развитии образа, лежащего в основе одного устойчивого сочетания, а «Снежная осень» — нескольких сочетаний. Достаточно сказать, что в этом стихотворении, содержащем 11 строф, их встречается десять:

То обстоятельство, что выпал снег в саду,
Хотя стоит девятый месяц года,
Нам говорит, что некую узду,
На всем скаку оборвала природа.

Меж тем носился в воздухе намек
На то, что мы хлебнем от героини

Огонь и воду, и собьемся с ног,
Пока найдем подход к ее гордыне.
Она рвала поводья всякий раз,
Как только веский довод календарный
Кленовой кровью застилал ей глаз,
Обуздывая образ легендарный.

И стыли не по дням, а по часам
У нас, внизу, хрусталики акаций.

Узда, в которой содержали явь,
Чтоб не гульнула в мир воображенья,—
По швам трещала! В бег, и влет, и вплавь
Осуществлялся замысел сраженья.
В конце концов раздался звон в ушах,
И хлынул снег из рухнувшей рутины...

Наряду с фразеологизмами, употребленными в общепринятых форме и значении: *носился в воздухе; собьемся с ног; не по дням, а по часам; по швам трещала; в конце концов*, здесь встречаются и преобразованные устойчивые сочетания. Олицетворением образа природы является образ коня, и слова, в смысловом плане связанные со словом *конь*, приводятся несколько раз: *узда, хrap конский, дико развевающаяся грива, поводья*; неоднократно используется и фразеологизм *держать в узде* (держать в строгости, в повиновении).

Новые формы названного устойчивого сочетания имеют одно и то же смысловое содержание: «некую узду на всем скаку оборвала природа» (вышла из повиновения), «она рвала поводья всякий раз» (выходила из повиновения), «узда, в которой содержали явь, по швам трещала» (находилась под угрозой разрушения, что тоже было следствием неповиновения). *Хлебнем огонь и воду* — соединение двух фразеологизмов: *хлебнуть горя* (испытать много неприятного, тяжелого) и *пройти огонь и воду* (перенести в жизни многое, побывать в различных трудных положениях). Сочетание *хлебнем огонь и воду* и следующее за ним *собьемся с ног* имеют один и тот же смысл — «натерпимся».

Проанализированные примеры убедительно говорят о том, что общезыковая фразеология может играть существенную роль в создании эмоциональной тональности стихотворения и его образности.

М. А. БАКИНА

«С любимыми не расставайтесь!»

Лингвостилистический анализ стихотворения

Важное свойство поэзии состоит в том, что настоящие ее образцы — это всегда миг постижения истины, миг пронзительного осознания какого-то ранее необъяснимого и недоступного закона бытия. Стихотворение А. С. Кочеткова «С любимыми не расставайтесь!» — это миг постижения великого, вечно волнующего противопоставления, борьбы и одновременно единства двух начал — любви, то есть жизни, и смерти. Все стихотворение — размышление над великой загадкой бытия.

Импульсом для поэтических размышлений, представленных в стихотворении, послужил конкретный случай из жизни поэта, когда Кочетков случайно остался жив, сдав билет на поезд, потерпевший крушение.

Тема стихотворения настолько всеобъемлюща, что даже название «Баллада о прокуренном вагоне», явно говорящее о конкретном случае, не сдвигает стихотворение с его вневременной и внепространственной оси (не случайно авторское название «Баллада о прокуренном вагоне» единодушно заменяется более общим и более лиричным — «С любимыми не расставайтесь!»).

— Как больно, милая, как странно!
Сроднясь в земле, сплетаясь ветвями,
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой!
Не зарастет на сердце рана —
Прольемся чистыми слезами,
Не зарастет на сердце рана —
Прольемся пламенной смолой.

Пока жива, с тобой я буду —
Душа и кровь неразделимы.
Пока жива, с тобой я буду —
Любовь и смерть всегда вдвоем.
Ты понесешь с собой повсюду —
Не забывай меня, любимый!
Ты понесешь с собой повсюду
Родную землю, милый дом.

— Но если мне укрыться нечем
От жалости неисцелимой?
Но если мне укрыться нечем
От холода и темноты?
За расставаньем будет встреча,
Не забывай меня, любимый!
За расставаньем будет встреча.
Вернемся оба — я и ты.

— Но если я безвестно кану —
Короткий свет луча дневного?
Но если я безвестно кану
За звездный пояс, в млечный дым?
— Я за тебя молиться стану,
Чтоб не забыл пути земного,
Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим.

Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он стал бездонным и смиренным.
Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он полуплакал, полусмал,
Когда состав на скользком склоне
Вдруг изогнулся страшным креном,
Когда состав на скользком склоне
От рельс колеса оторвал...

Нечеловеческая сила,
В одной давиле всех калеча,
Нечеловеческая сила
Земное сбросила с земли.
И никого не защитила
Вдали обещанная встреча.
И никого не защитила
Рука, зовущая вдали.

С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них —
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!

С первых строк стихотворения возникает противопоставление жизни — любви (понятия для данного произведения равноценные и неразрывные, выраженные аллегорически фразой «сроднясь в земле, сплетясь ветвями») и разлуки — смерти. Мотив раздвоения, трагизма, невозвратности отчетливо выражен в сочетании «раздваиваться под пилой». Первое восьмистишие можно считать, с одной стороны, «объективной», авторской аллегорией (раздваивание дерева символизирует предстоящее расставание влюбленных), с другой стороны — началом диалога двух расстающихся людей.

Эта заложенная в самом тексте двойственная возможность понимания начала стихотворения обусловила наличие или отсутствие тире перед первой строфой в разных редакциях стихотворения (см. «День поэзии», 1976 и ж. «Юность», 1978, № 2).

Если в первой строфе звучит мысль о неизбежности прощания навек, то следующие строфы снимают это ощущение: «За расставаньем будет встреча», что делает художественное размышление оптимистичным, многомерным. Поэтому четвертую строфу следует рассматривать в ином временном плане. Поскольку уже предопределена гибель в первой строфе, то и строку «Но если я безвестно кану... За звездный пояс, в млечный дым» следует отнести к уже свершенному, состоявшемуся, прошлому. Прошлое, настоящее и будущее становятся единосрими. Двойной план стихотворения — символический и реальный — углубляет эстетическую перспективу стихотворения, создает эффект «скольжения» на грани реального и символического с явным перевесом в сторону символического (ср. сочетания *скользящий склон, страшный креп* в седьмой строфе. То же в сочетаниях *Не защитила... встреча, Не защитила... рука*, отражающих «смещенный» смысл вместо обычных «не защитила стена, броня» и под.).

Стихотворение представляется нам диалогом двух любящих людей. Их внутренняя речь созвучна и выражена в тексте постоянными повторами, при этом третий повтор несет максимальную эмоционально-экспрессивную нагрузку и символизирует единство

их мысли, после поочередного, обоюдного, словно эхо, повторения — «С любимыми не расставайтесь!».

Повторы в стихотворении играют роль своеобразных экспрессивно насыщенных спелений, придают стихотворению необходимую цельность, организуют движение мысли в ее нарастании и углублении. Строка «Трясаясь в прокуренном вагоне» создает резкий композиционный, смысловой и интонационный излом. Заключительная строфа подводит итог внутреннему монологу-диалогу. Она звучит как заклинание, обращение ко всем.

В стихотворении можно выделить ряд интересных сочетаний. Так, в словосочетании *пламенная смола* выразительность эпитета усиливается тем, что он предметно контрастен определяемому слову. Но эпитет и существительное объединяет в данном случае общий эмоциональный смысл. Выразительность образа углубляется и благодаря фоническому созвучию (*пламенная смола*). Сближенные через слово *прольемся* словосочетания *чистые слезы* и *пламенная смола* создают образ чего-то светлого и яркого. В словосочетании *короткий свет луча земного* сближаются предметно несовместимые понятия (*свет* как что-то протяженное, вечное и *короткий* — конкретное, пространственно ограниченное). Эта своеобразная антонимия придает словосочетанию трагический оттенок.

Тема неразрывности влюбленных, их духовного единства звучит в аллегорических выражениях. «Сроднясь в земле, сплетаясь ветвями», «Всей кровью прорастайте в них», «Душа и кровь неразделимы», «Любовь и смерть всегда вдвоем». Этому духовному единству влюбленных противопоставит судьба, сила, случай в их аллегорическом выражении «нечеловеческая сила», «раздваиваться под пилой», «за звездный пояс, в млечный дым». Столкновение силы любви с силой судьбы может привести либо к «раздваиванию» человека, уже неспособного в одиночестве ощущать полноту чувств — «полуплакал, полуспал», либо к физической смерти одного из влюбленных (или обоих) — «И никого не защитила вдали обещанная встреча. И никого не защитила рука, зовущая вдали». Идея неразрывности двух влюбленных сердец — центральная в стихотворении. Она, в свою очередь, своеобразно соотносится с другими темами произведения А. С. Кочеткова.

Л. Н. СИНЕЛЬНИКОВА, Т. ГЛАДЧЕНКО,
И. ЛЕВЧЕНКО, Т. НИКОЛАЕНКО,
В. ПЕТРУШЕНКО

ПРЯМАЯ РЕЧЬ И ЦИТАТА В ТЕКСТЕ

Прямая речь — один из способов изображения речи литературных героев, которая строится автором от первого лица и включает в себя синтаксические и лексические элементы устной речи. Тем самым создается впечатление дословной передачи как бы сказанных кем-то слов. Однако нельзя забывать, что речь героев создается автором, является воплощением его творческого замысла, как и весь текст литературного произведения. Прямая речь в художественном произведении не является записью высказываний реальных людей. Покажем, как говорит один и тот же герой у разных писателей.

В повести А. С. Пушкина «Арап Петра Великого» и в романе А. П. Толстого «Петр I» есть такие эпизоды: приезд Петра I со сватовством в дом Гаврилы Афанасьевича Ржевского (в повести А. С. Пушкина) и приезд Петра I с той же целью к Ивану Артемичу Бровкину (в романе А. Н. Толстого). Вот отдельные реплики Петра I у А. Пушкина:

— Здорово, господа.

— Ты час от часу хорошеешь.

— Что же? Я вам помешал. Вы обедали; прошу садиться опять, а мне, Гаврила Афанасьевич, дай-ка аписовой водки.

— Гаврила Афанасьевич! Мне нужно с тобой поговорить наедине.

А это слова Петра I из романа А. Толстого:

— Иван, был я раз у тебя сватом. Вдругорядь быть хочу. Кланяйся.

— Иван, приведи сына.

— Что ж ты, Иван, такого мо-

лодца от меня прячешь? Я бьюсь бесчеловечно, а они — вот они...
Грамоте разумеешь?

— Мать честная! Ну-ка еще!

— Ну, скажите! Ах, молодчина! Ах, ах! Ну, спасибо, Иван, за подарок. С мальчишкой простись, брат, теперь. Но не пожалееете: погодите, скоро за ум графами стану жаловать...

— Не пойду наверх. Здесь теплее. Странуха, мечи что ни есть из печи...

Сравнение этих реплик показывает их интонационные различия. В романе «Петр I» они представлены определенно-личными предложениями, что делает текст экспрессивным и динамичным. Многие слова имеют ярко выраженную разговорную окраску, текст насыщен междометиями. У А. Пушкина речь Петра ближе к стилистически нейтральным построениям, к авторскому повествованию. Таким образом, разговорный язык в литературном произведении подвергается художественной обработке в соответствии с нормами индивидуального авторского стиля. Различие реплик Петра I у А. Пушкина и А. Толстого очевидно.

Прямая речь является элементом художественного произведения и создается автором специально для данного произведения. Изобразительные возможности ее чрезвычайно велики. Часто речи героя придаются постоянные и характерные лексические, синтаксические и фонетические черты, отличающие его от других персонажей. В репликах героя выражается авторская оценка.

В рассказе И. С. Тургенева «Бурмистр» читаем: «Позавтракавши плотно и с видимым удовольствием, Аркадий Павлыч налил себе рюмку красного вина, поднес ее к губам и вдруг нахмурился».

— Отчего вино не нагрето? — спросил он довольно резким голосом одного из камердинеров.

Камердинер смешался, остановился как вкопанный и побледнел.

— Ведь я тебя спрашиваю, любезный мой? — спокойно продолжал Аркадий Павлыч, не спуская с него глаз.

Несчастный камердинер помялся на месте, покрутил салфеткой и не сказал ни слова. Аркадий Павлыч потупил голову и задумчиво посмотрел на него исподлобья».

Здесь намеренно спокойная форма прямой речи противопоставляется психологической напряженности ситуации. А это приводит к более глубокой характеристике героев.

*

Цитату можно определить как включение в данный текст элементов другого текста с определенной целью: читатель должен

з а м е т и т ь части другого текста. По объему цитата может представлять собой слово, словосочетание, части простых и сложных предложений, целые предложения. Цитироваться могут и такие значительные части текста, как абзацы, главы.

В отличие от прямой речи, создаваемой автором произвольно, цитирование требует абсолютной точности. Цитата должна сохранять не только содержание, но и свою первоначальную форму. В художественной литературе точность цитирования лежит в основе специального приема, когда в произведение вводятся реальные документы (например, в текст романа В. Богомолова «В августе сорок четвертого» включено множество донесений, шифровок и других документов). Поэтому изображаемые события приобретают достоверность и конкретность.

Цитироваться может не только письменный текст, но и устное высказывание. Например: «Карточная игра была очень распространена в Петербурге в пушкинское время. „Страсть к игре есть самая сильная из страстей“, — сказал как-то Пушкин в разговоре с Вяземским» (А. Гессен. Набережная Мойки, 12). Слова Пушкина в этом примере не являются прямой речью, это — цитата из устного высказывания, не зафиксированного на письме.

Цитирование художественных произведений — явление более сложное, так как язык художественной речи, помимо информативной, обладает еще и эстетической функцией. «Вдали, у Цепного моста, показался „пустынный памятник тирана“ — Михайловский замок, построенный по проекту гениального зодчего В. И. Баженова» (А. Гессен. Набережная Мойки, 12). Чтобы полностью понять смысл приведенного предложения с включенной в него цитатой, необходимо знать произведение А. С. Пушкина, из которого она взята, — оду «Вольность».

Цитаты широко используются в эпиграфах. При этом происходит сближение двух сложных идейных и художественных структур на основе ассоциаций образов, идей. Для читателя такой эпиграф является своего рода указателем, определяющим направление восприятия книги. Как один из примеров взаимодействия художественной речи и научного стиля можно отметить эпиграф В. И. Вернадского к очерку «Биосфера в космосе»: «Невозмутимый строй во всем, Созвучье полное в природе». Это строки из стихотворения Ф. И. Тютчева «Певучесть есть в морских волнах...».

А вот пример употребления цитаты в заглавии. Одна из глав книги А. И. Гессена о Пушкине «Набережная Мойки, 12» названа: «Погиб поэт!». Идейный, образный и эмоциональный строй стихотворения М. Ю. Лермонтова, из которого взяты эти слова, придает заглавию экспрессивность и особую оценку.

Еще более сложная картина возникает при взаимодействии двух художественных текстов. В стихотворении Р. Гамзатова «Родной язык» есть строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Сон». Тем самым образы произведения М. Ю. Лермонтова как бы включаются в стихотворение Р. Гамзатова:

Всегда во сне нелепо все и странно.
Приснилась мне сегодня смерть моя.
*В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я.*

*

Перечислить все способы использования цитаты в художественной литературе невозможно. Существуют явления типичны повторяющиеся, но много и частных, индивидуальных случаев, тоже по-своему интересных. Укажем на использование цитат при создании литературных пародий. К. Симонов рассказал о том, как на одно из первых его произведений, в котором очень заметно подражание известным писателям, была написана пародия, заканчивающаяся такими строчками («Вопросы литературы», 1973, № 9):

Да, были люди в наше время,
Когда весенний первый гром,
Не то что нынешнее племя
В тумане моря голубом!

В приведенном четверостишии нет авторского текста, это извлечения из широко известных произведений. Значения использованных словосочетаний и предложений переосмыслены, но связь с текстом не утрачена, что и служит основой для построения пародии.

*В. И. КОНЬКОВ
Ленинград*

А. С. ГРИН

СУДЬБА ПЕРВОГО ВЗВОДА

Первый взвод первой роты Черкшайрского полка отправился на весьма трудную разведку. Взвод к тому времени, побывав в боях, состоял из семи человек, считая унтера и ефрейтора. Теперь я должен заявить, что буду рассказывать об этом взводе, как об одном человеке — он будет в рассказе живой единицей, без деления на отдельных людей, с одной душой и одним телом.

Стояла лунная ночь. Взвод карабкался по отлогому лесному хребту, надеясь высмотреть передвижение встречных отрядов неприятеля.

Живые тени мелькнули среди деревьев. То были австрийские солдаты, идущие на соединение с левым флангом своих траншей. Наш взвод был замечен ими и подвергся обстрелу.

Битва в лесу, ночью, при голубом лунном свете, длилась около часа. Взвод яростно отстреливался. Небольшой сплоченной кучкой отступал он шаг за шагом к спасительным каменистым гребням, за которыми неприятель не рискнул бы его преследовать в силу условий местности, неудобной для передвижения роты, но очень удобной для горсти людей.

Свершилось! Взвод благополучно исчез в каменных оврагах. К тому времени он узнал все, что следовало узнать, и собрался домой, к своему полку, но заблудился. Двое суток блуждал взвод, питаясь ягодами и водой, в непролазных стремнинах. Наконец ему удалось ориентироваться и выбраться на чистые места — не совсем удачно — под обстрел кавалерии.

Измученный, израненный взвод дрался отлично — много пало кавалеристов под его меткими выстрелами — ну и взвод был не без потерь. Схватка кончилась позорным бегством остатка кавалеристов. Взвод был уже очень близко от наших войск, как вдруг тяжелый снаряд разорвался в трех шагах от него. Взвод все-таки боролся с судьбой до конца. Он выбрал самые потайные, скрытые уголки местности и, пробираясь ими, благополучно вернулся, исполнив возложенное на него поручение.

Это было очень важное поручение, и генерал захотел лично наградить взвод. По его приказанию рота выстроилась. Ротному командиру, человеку сурового понятия о долге, даже в голову не пришло видеть в своем первом взводе что-либо удивительное, хотя оно, конечно, было. Эффект получился изрядный.

— Первый взвод — шаг вперед! — скомандовал капитан.

И выступил один человек, ефрейтор Иван Корзухин.

Генерал понял в чем дело. На глазах его заблестели слезы. Он обнял солдата и приколот ему крест.

Теперь и читателю ясно, что от взвода уцелел один человек. А что с другими? Но мы обещали говорить о взводе, как о едином лице, и сдержали свое обещание — формально и фактически мы правы: Корзухин представлял собой, стоя перед генералом, весь первый взвод.

ИГРУШКИ

В одном из пограничных французских городков, занятом немцами, жил некто Альваж, человек с темным прошлым, не в худом смысле этого слова, а в таком, что никто не знал о его жизни решительно ничего.

Альваж был усталый человек. Действительность смертельно надоела ему. Он жил очень уединенно, скрытно; единственным счастьем его жизни были игрушки, которыми Альваж заменил сложную и тягостную действительность. У него были великолепные картонные фермы с коровками и колодцами; целые городки, крепостцы, пушки, стреляющие горохом, деревянные солдатки, кавалеристы, кораблики и пароходы. Альваж часто устраивал меж двумя игрушечными армиями примерные сражения, расставляя армии на двух ломберных столах в разных концах комнаты и стреляя из пушечек моченым горохом. У Альважа был партнер в этом безобидном занятии — глухонемой парень Симония; но Симония был недавно расстрелян пруссаками, и старик развлекался один.

Пруссаки, как сказано, заняли город. На пятый день оккупации капитан Пупенсон отправился вечером в ратушу, или мэрию, руководить расстрелом тридцати французов, взятых заложниками.

Путь Пупенсона лежал мимо дома Альважа. Весьма удивленный тем, что, несмотря на запрещение, в окне бокового фасада горит послевоосьмичасовой огонь, Пупенсон перелез палисад, под-

крался к окну и заглянул внутрь. Он увидел диковинную картину: тщедушный старик в ночном колпаке и халате заряжал вершковую пушечку, приговаривая: — «Всех разнесу, постой!» И горошина с треском положила несколько березовых рядовых, упавших навтыяжку, руки по швам.

Пупенсон, гремя саблей, полез в окно. Альваж не испугался, он ждал, что дальше.

— Вы что делаете? — сказал Пупенсон. — Что вы, ребенок, что ли?

— Как хотите! — возразил Альваж. — Вам нравится ваша игра, мне — моя. Моя лучше. Не хотите ли сыграть партию?

Пупенсон, пожимая плечами и улыбаясь, рассматривал армии, составленные вполне правильно, со всеми комплектами артиллерии, обозов, кавалерии и саперии. Игрушки делал сам Альваж.

— Ну, ну! — снисходительно сказал Пупенсон, вертя в руках пушечку. — Как она действует? Так, что ли?!

Велика притягательность новизны и оригинальности!

Прошел час, другой... В комнате сидели двое: увлеченный, разгорячившийся Пупенсон и торжествующий Альваж; он, как более наметавший руку, непрерывно поражал армию Пупенсона прежде, чем тот успевал подстрелить у него десяток — другой. Героих, подскакивая, неистово прыгал по полу и столам.

Наконец Пупенсон вспомнил о деле и с сожалением покинул Альважа с его любезными армиями. Но он опоздал — полчаса назад расстрел заложников был отменен (ибо пригрозили в соседнем городе расстрелять немецких заложников). А не опоздай он — все было бы кончено для тридцати человек раньше, чем цришла бы отмена казни.

Отличные игрушки старика Альважа следовало бы завести всем воинственно настроенным людям.

АТАКА

Почти немисливо описать всю бурю переживаний, весь гром, весь хаос звуков, все бешенство нервов и смятение ума, возникающих во время атаки.

Я расскажу случай, доказывающий, сколь мало мы знаем сами себя, и как возможно, что в моменты сильнейших потрясений дух человеческий теряет сознание действительности, продолжая уже окончившиеся события силой воображения.

Я участвовал в атаке рассыпным строем. Мы, целый батальон безудержно рвущихся в бой людей, бросились на германские окопы под огнем гранат и шрапнели, разрывавшихся с глухим треском над нашими головами. Это было нечто умопомрачительное. Мы бежали, задыхаясь от ветра и собственного движения к узким полосам черной земли, из коих, бичуя пространство, с визгом летели пули. Наконец мы были у цели. Я прыгнул в окоп вместе с рядовыми Михальченко, Урусовым и Кабановым.

Остальные, где в одиночку, где кучками, дрались уже, стиснув зубы, с упорным врагом, встретившим нас прикладами и штыками. Прыгнув в окоп, я был разъярен, как тигр; не преувеличивая, я готов был биться до последнего издыхания.

Осмотревшись, я увидел, что на Михальченко напали два рослых шваба, и он, притиснутый к стене окопа, отбивается от них ружьем без штыка — штык сломался. Я бросился на ближайшего немца. Он, увидев, что я замахнулся, оставил Михальченко и повернулся ко мне, в то время, как его товарищ продолжал атаковать Михальченко. Я обманул немца, упав на колено; пока его штык пронесся над моей головой и вернулся обратно, я пронзил врага в бедро, и он, заскакав на одной ноге, упал.

В густоте и сумятице боя, настолько тесного, что многие, кипевшие жаждой драки, не в силах были даже взмахнуть ружьем, — так плотно, спина к спине, грудь к груди набились люди в траншее, — я увидел сквозь случайный просвет среди дерущихся, как Урусов, человек громадного роста, стряхивал со штыка заколотого немца. Сбоку от меня работал Кабанов, и я присоединился к нему. Наши штыки мелькали в пыли окопа, как молнии, стуча о встречную сталь. Никто не рассчитывал и не изощрял ударов: били как придется, и куда придется, и кого придется, и вся эта страшная кадрили напоминала прыганье кофейных зерен в воронке ручной мельницы — скрывались, исчезали одни, появлялись другие... Вдруг я заметил, что вокруг творится что-то неладное... Я увидел, что все вокруг меня без ружей, и не понять было мне — кто это: русские или немцы... Наконец, я различил русский язык, крики, брань, угрозы, возгласы удивления. Я опомнился. Словно пелена спала с моих глаз, и я увидел, что нахожусь только среди своих, возбужденно тыча штыком во все стороны.

— Где немцы? Куда они девались? — закричал я.

— Э! Померещилось! — сказал Урусов, бережно, на всякий случай, схватив меня за руки. — Немцы, как мы в окопы повскакали, чичас все утекли, а ты кричишь и кругом кидаешься... Это тебе привиделось.

Он говорил правду. Но я и сейчас, ясно, до мельчайших подробностей помню все вышеописанное.

ВСТРЕЧИ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

В апреле 1927 года в Феодосию пришел парусник капитана Дюка — «Марианна», и я уже уговорился с ним о поездке на этом судне до Мессины, откуда имел уже телеграмму от капитана Грея, сообщавшую, что его судно «Секрет» будет ожидать меня для выполнения нашей общей затеи: посещения Зурбагана, Лисса, Сан-Риоля, Покета и иных мест, где произошли события, описанные мною в книгах «Алые паруса», «Золотая цепь», «Блестящий мир» и проч.

Я прибыл на «Марианне» в Мессину 16 мая. Со мной ехали Томас Гарвей и его жена Деви, история которых описана мной в еще не вышедшем романе «Бегущая по волнам». Я снова увидел Ассоль; ничто не изменилось в ней, кроме возраста, но об этих вещах говорить печатно, вне форм литературного произведения, недопустимо. Я ограничусь кратким отчетом.

Прощаясь с Дюком, я взял от него обещание, что в следующий его рейс на Черное море он съездит со мной в Москву. Прибыв в Лисс, мы застали честно дождавшихся нас Санди Пруэли, Дюрюка и Молли. Тогда же я послал телеграмму Друду в Тух, близ Покета, получив краткий ответ от его жены Тави: «Здравствуйте и прощайте». Ничего более не было сообщено нам, причем несколько позже Гарвей получил известие от доктора Филатра, гласившее, что Друд отсутствует и вернется в Тух не раньше июня.

2 июня «Секрет» прибыл в Каперну, сслезие, так взбудораженное несколько лет назад явлением «Алых парусов». Ассоль не захотела сойти на берег, так же поступил и Грей. Мы ограничились тем, что послали гонца и шлюпку за Летикой, уже давно жившим в Каперне, женатым и по-прежнему говорящим стихами; как умею, перевожу его новости: «Там, где домик был уютный, бедный, дикий и простой, поселился дачник мутный, домик снес, построил свой. Вас, Ассоль, с волнением вижу; помнить горд и видеть рад; вас ничем я не обижу, потому, что я — камрад. Видеть Грея, капитана, с вами — для меня равно, что из прошлого тумана выдвигается звено. Будьте счастливы и верьте, что единственный наш путь — помнить о друзьях до смерти, любящих — не обмануть».

Его взяли с собой, и дальше мы следовали в дружном обществе в Зурбаган. Уже я знал о гибели Хоггея, крупного миллионера, бесчеловечные опыты которого с живыми людьми (см. «Пропащее солнце») возбудили наконец судебный процесс. Хоггей застрелился, приказав, чтобы его сердце было помещено в вырезанный из целого хрусталия сосуд с надписью: «Оно не боялось ни зла, ни добра». Там же, тщательно разыскивая адреса, я нашел Режи,

«королеву ресниц». Ее матерьяльное положение было ужасно, и мы сделали для нее, что могли.

Самое сильное впечатление произвело на меня посещение Лисса, а в частности дворца Ганувера на мысе Гардена, и его могилы, носящей следы тщательной заботы Дюрока и Молли. Вся могила была в цветах: в желтых розах, символах золота и любви.

Самый дворец, отошедший по сложному иску к сомнительному наследнику Ганувера, который даже не жил в нем, стал нам доступен лишь после особой любезности управляющего, Генри Симпсона, которому, как и всем, помогавшим мне, считаю обязанностью выразить живейшую благодарность.

Мы посетили залу с падающими стенами, но ток был закрыт, и Дези тщетно ощупывала чешуйчатые колонны, добиваясь того эффекта, какой описан в «Золотой цепи». Во всяком случае, она с удовольствием осмотрела дом. Молли ушла; ее воспоминания были еще тяжелы и сильны. Смотря на большую дверь, я снова представил, как она стремительно появилась тогда, сказав в особой тишине полного гостями зала: «Я пришла, как обещала. Не печальтесь теперь».

Санди Пруэль — теперь здоровый 28-летний лейтенант флота — сказал мне, что осенью состоится его брак с другой Молли — дочерью бывшего слуги Ганувера — Паркера.

В Лиссе мы начали разъезжаться. Ассоль и Грей отправились домой на своем «Секрете»; Молли и Дюрок выехали поездом в Сан-Риоль. Дези и Гарвей остались со мной. Летика проигрался в каком-то притоне, и ему пришлось дать денег на возвращение.

Самые глубокие впечатления остались у меня от этой поездки, которые я надеюсь переработать в небольшую книгу. Я лично возвратился пароходом в Суэц, откуда меня доставил в Одессу «Теодор Нетте», и, вместе с паломниками, я благополучно достиг порта. В Феодосии я был уже 3 сентября 1927 г. Некоторые подробности будут сообщены позднее, чтобы они были, как сказала однажды Дези Гарвей о сухарях, «приятно спечены».

*Печатается по изданию: А. С. Грин.
Собрание сочинений в 6-ти томах. М., 1965.*

Сскол издревле был на Руси птицей чрезвычайно популярной. В народной поэзии он символ мужества, верной дружбы и товарищества, удалства, зоркости и быстроты. Ясным соколом, соколиком невесты называли своих женихов, юноши — преданных друзей, родители — любимых сыновей. Во время Великой Отечественной войны *ссколами* называли отважных советских летчиков. Такая символика во многом восходит к временам соколиной охоты в древней Руси. Не случайно образ сокола постоянно пересмыслиется поэтически в древнерусской литературе.

В «Слове о полку Игореве», например, *сокол* — постоянный эпитет и к князю Игорю, и к другим князьям: Игорь бежит из плена «соколомъ подь мьглами избивая гуси и лебеди, завтроку, и обьду, и ужинь», а князья Роман и Мстислав так же высоко заносятся в своей «буести», как сокол, который, «хотя птицю въ буйствѣ одолѣти», парит в воздухе, готовясь к нападению на намеченную жертву. В Ипатьевской летописи (под 1231 годом) с соколом сравниваются русские воины: „Приехавшим же соколомъ стрелцемъ, и не стерпевъшим же людемъ, избиша е и роздрашася». В Лаврентьевской летописи (под 1097 годом) это сравнение имеет большую выразительность, ибо в нем соколу противопоставляется

галица (галка): «Боняк же разделися на 3 полкы, и сбиша угры акы в мячь, яко се сокол сбивает галице». Такое противопоставление характерно и для фольклора: *Был бы сокол, а вороны налетят; Плох сокол, что на воронье место сел и под.*

Таким образом, ни в древнеписьменной, ни в фольклорной символике нет и намека на то, что сокол может ассоциироваться с бедностью или нищетой — с тем, что отражает известное сравнение *гол как сокол*.

Кроме того, сокол сам по себе высоко ценился как охотничья птица. В эпоху средневековья хорошо обученные соколы широко использовались как ценные дары или выкуп. На Руси царские соколы специально выращивались и обучались в подмосковном заповедном бору, где проводились соколиные охоты, — *Сокольники* (это название сохранилось до сих пор за одним из районов нашей столицы).

*

Наиболее известное и часто встречаемое в пособиях по русскому языку толкование выражения *гол как сокол* основывается на омониме *сокол*. Так называлось в старину стенобитное орудие из чугуна и железа, длинное и широкое, как толстое бревно. Подвешивая его на цепях и раскачивая, им пробивали прочные крепостные ворота и каменные стены. Поверхность такого металлического тарана была гладкой, «голой».

Словом *сокол* (*сбкол*) называли и некоторые рабочие инструменты, также имевшие гладкую поверхность: большие железные ломы, трамбовочные «бабы» или песты для растирания зерна в ступе. Именно к значению «железный лом» возводит исходную мотивировку сравнения *гол как сокол* М. И. Михельсон (Русская мысль и речь. СПб., 1912).

Э. А. Вартамян в книге «Из жизни слов» (М., 1960) подвергает традиционное толкование, основанное на значении «стенобитное орудие», сомнению. «Не правильное ли нашу поговорку произносить „Гол как сукол“?» — пишет он и объясняет далее, что *сукол* в крестьянском обиходе обозначает «пары тесно сближенных кольев, которые поддерживают частокол, плетень, изгородь. Осенью, когда полевые ограды разрушаются, на полях остаются торчать только *голые суколы*; их грустный, сиротливый вид и впрямь мог легко сделать их образом печальной наготы, послужить для создания поговорки — характеристики крайне бедного человека» — заключает автор этой оригинальной этимологии.

Как видим, и то, и другое толкование выглядят весьма правдоподобными. Задача историка фразеологии — привести убедитель-

ные аргументы в пользу одного из них, доказать его объективность. Но прежде чем приступить к этому, следует обратить внимание читателей и на то, что видимая нелогичность образа «голо-го» сокола-птицы также не является абсолютно обоснованной. В этом легко убедиться, заглянув в орнитологическую литературу, в которой описывается жизнь этой хищной птицы.

Разумеется, по пернатости сокола никак нельзя назвать «голым». Зато гнездится он несколько своеобразно — чаще всего на обнаженных отвесных скалах. Соколиное гнездо обычно плоское и выглядит весьма неуютно. Нередко соколы вообще не выют собственных гнезд, а откладывают яйца прямо на скалы или на землю, а бывает, что используют и старые, брошенные гнезда других птиц. Как видим, если учесть эту «особенность быта» соколов, то в сравнение бедняка, не имеющего «ни кола ни двора», с соколом легко оправдать без обращения к омониму *сокол* или диалектизму *сукол*. Тем более, что и русская поговорка как будто подтверждает возможность такого толкования: *Гнездо соколье — дворянское подворье: кругом увито, а в нем пусто*.

*

В истории фразеологии часты случаи, когда этимологические версии, сами по себе весьма логичные, оказываются ненадежными при их проверке с помощью чисто языковых фактов. Давайте поэтому посмотрим, какая из трех приведенных версий способна сохранить надежность и после «испытания фактами». Особенно важна здесь проверка «на моделируемость», то есть соотнесение оборота *гол как сокол* с рядом русских и других славянских диалектных фразеологизмов, имеющих такое же значение и структуру.

В русских народных говорах встречаются два рифмованных сравнения, подобных рассматриваемому: *гол как [осиновый] кол* и *гол что мосол* (то есть большая кость). Кроме того, известны и нерифмованные сравнения со значением «крайне беден, нищ»: *гол как бубен, как прут, как перст, как сосенка, как лутбшка* (т. е. ободранная липка). Мотивировка каждого из них предельно ясна: и кол, и прут, и ободранная липка-лутошка, и сосенка, древесный ствол которой быстро очищается от веток, и туго натянутая на обод очищенная от шерстинок кожа легко вызывают представление о наготе и — переносно — об абсолютной бедности.

Переключка славянских сравнений подобного типа с русскими весьма показательна. Белорусскому *гол як сакол* соответствуют *гол як кол, гол як бізун* и *як бич*, то есть «как кнут, как плетка»; *голы як стой* «как кол» и *голы, як маці нарадзіла*. В украинском языке сравнение *гол як сокол* известно лишь как периферийное, но

зато в этом языке распространены такие обороты, как *голий як бубон* (барабан), *як [рѹда] мѣша* (мышь), *як долоня* (ладонь), реже — *як бизун, як бич, як пляшка* (бутылка), *як пень, як мѣч* (меч), *як кістка* (косточка) и *голий як турецький святий*. В польском, чешском и словацком языках сравнения, связанные с прилагательными *голу, holу* «гол» образованы по тем же ассоциативным типам: «как липа», «как палец», «как мышь», «как кнут», «как ладонь», «как турецкий святой».

Большое сходство мотивировок обнаруживают и южнославянские языки. Во-первых, в болгарском мы находим прямое соответствие русскому обороту — *гол като сокол*, а в сербохорватском — поговорку *ако је и го, али је соко* («он хоть и гол, но зато — сокол»), которая может быть одним из вариантов такого сравнения. Во-вторых, многие болгарские и сербохорватские сравнения укладываются в уже известные нам семантические модели: болг. *гол като прѣст* (как палец), *като прѣт, като прѣчка* и *като тояга* (как прут, как палка), *като хурка* (как деревянная палка в прялке), *като тупан* и *като тѣпан* (как барабан); сербохорв. *го као липа, као прст, као шипка* (как прут).

Важно, что южнославянские языки дают целую серию устойчивых сравнений «военного» происхождения: болг. *гол като пищов* (как пистолет), *като пушка* (как ружье), *като фишек* (как гильза); сербохорв. *го као пиштољ* (как пистолет).

*

Попробуем суммировать этот разнообразный, но далеко не однородный в семантическом плане материал. Как он соотносится тремя возможными версиями о происхождении сравнения *гол как сокол*?

С точки зрения внутренней мотивированности, соблазнительно было бы принять гипотезу Э. А. Вартавяна: *сокол* — искаженное *сукбл*. Мотивировка «как кол», «как прут», «как палка», как мы видели, широко представлена в различных славянских языках и диалектах. Тем не менее от этой гипотезы приходится отказаться прежде всего потому, что само слово *сукбл* нигде не зафиксировано в той форме, в какой ее приводит Э. А. Вартавян.

Приходится отказаться и от мотивировки буквальной, то есть связанной с птицей: на фоне типовой мотивированности других славянских сравнений она выглядит индивидуально-поэтическим исключением.

Проведенный лингвистический анализ, следовательно, возвращает нас к традиционному объяснению истории русского устойчивого сравнения *гол как сокол*. Показательно, что именно в тех сла-

вянских языках, где оно известно, мы и находим образы, близкие к *сокол* «орудие с гладкой металлической поверхностью»: ведь такую поверхность имеют и болгарские *пищов* и *пушка*, и сербохорватский *пиштоль*, и даже болгарский *фишек* «гильза».

Может, конечно, возникнуть сомнение — правомерно ли ставить в один ряд такие различные виды оружия, как старинный стенобитный таран, ружье, пистолет и тем более — гильзу? Рассеять его помогает история слов, обозначающих эти виды оружия. Во-первых, старинная пушка по форме и материалу весьма напоминала таран. Это была, по определению В. И. Даля, «чугунная, железная, медная, стальная облая (т. е. круглая) колода, просверленная вдоль для заряда». Не случайно в начале прошлого века было в ходу такое шутовское толкование: «пушка — это дырка, обитая медью». Интересно, что одно из распространенных в прошлом веке значений слова *сокол* — «чугунный, четырехгранный кусок пудов в 6 весом, с одной стороны с ушком, а по оси куска круглая дыра; за ушко сокол привешивается на веревки, а в дыру вставляется рычаг. Им заколачивают железные клинья при закреплении колес на валу» (Картотека «Словаря русских народных говоров»).

Это сходство тем более закономерно, что в средневековье *соколом* (польск. *sokol*) называли пушку, стрелявшую шестифунтовыми ядрами. Здесь название *сокол* — буквальный перевод французского военного термина *fauson*, обозначающего именно такие орудия-фокёны. Пушка же, стрелявшая однофунтовыми ядрами, называлась *фальконетом*, что в переводе с итальянского (*falconetto*) значит «соколик». Характерно, что в старопольском языке и этот термин употреблялся в дословном переводе — *sokołek*. В России фальконеты весом около 250 кг были впервые отлиты в 1547 году. *Соколь* в значении «артиллерийское орудие» впервые отмечается в русских памятниках XVII века: «Пищаль соколь вѣсу в немъ семь контариевъ [контарь равен приблизительно 40 кг — В. М.] ядро железное или свинчатое вѣсомъ два фунта» (Устав ратных дел, том 2, 1621 год — материал картотеки «Словаря русского языка XI—XVII веков»).

*

Замена наименований пушки, ружья и пистолета в славянском ряду названных оборотов не случайна. В старину эти виды огнестрельного оружия и по форме, и по назначению были довольно близки, что и вело к смешению их названий. Так, слово *пушка* не только в болгарском и сербохорватском, но и в чешском и словацком языках обозначает не артиллерийское орудие, а ружье или

винтовку. В древнерусском языке *пушькой* также называли не только большое огнестрельное орудие, но и ручное метательное — самострел или арбалет. В «Хождении за три моря Афанасия Никитина», например, встречаем такое описание: «Оболочать их [слонов] в доспех булатный, да на них учинены городки, да в городке по 12 человек в доспесех, да все с пушками да стрелами». Точно так же в старину слово *пищаль* обозначало не только большую пушку, но и различные виды ручного огнестрельного оружия, а в обиходе — даже охотничьи ружья. Более того, *пищаль* — через посредство чешского *pištála* — родственно слову *пистолет*, что еще более сближает ряд южнославянских сравнений, которые можно связать с выражением *гол как сокол*. Впрочем, подобное прямое родство можно найти и в рамках современного русского языка: *пушкой* в просторечии называют револьвер, особенно револьвер системы наган.

Как видим, «военная» мотивировка нашего сравнения вполне доказуема как с языковой, так и с исторической точки зрения. Возможно лишь, что в традиционное объяснение следует внести одну небольшую семантическую коррективу: под *соколом* в нашем обороте подразумевается не старинный таран, а средневековая шести-фунтовая пушка, имеющая гладкую металлическую поверхность.

Как видим, сравнение *гол как сокол* в своих истоках не имеет ничего общего с соколом-птицей. Но было бы ошибкой недооценивать влияние всей богатой фольклорной орнитологической символики на развитие, а главное — активную употребительность этого оборота. Только тем, что представления о молодцеватом, отважном и потому в какой-то мере беспечном соколе очень популярны в русском фольклоре и живой речи, и можно объяснить известность сравнения *гол как сокол*. Первичное представление о соколе-таране или старинной пушке было накрепко забыто, и сравнение *гол как сокол* стало ассоциироваться с героем соколиных охот, сказок, песен и пословиц. Рифма и фольклорный образный фон обеспечили сохранность этому древнему восточно- и южнославянскому фразеологическому историуму.

В. М. МОКИЕНКО

Ленинград

Рисунок С. Гавриловой

ЛАПТИ ПЛЕСТЬ —

— ЛЫКО ДРАТЬ

«... Лес встречал русского человека при появлении на свет и безотлучно провожал его через все возрастные этапы: зыбка младенца и первая обувка, орех и земляника, кубарь, банный веник и балалайка, лучина на девичьих посиделках и расписная свадебная дуга, даровые пасеки и бобровые гоны, рыбацкая шляпка или воинский струг...» — так живописно говорит о лесе Л. Леонов в книге «Русский лес».

*

Не последняя в лесном царстве красавица липа. Цветет она в июле — неповторимый аромат кругом. Поэтому именовали в Древней Руси этот месяц словом *липец*. Также назывался и липовый мед.

Выручала липа в неурожайные, голодные годы, когда простому люду приходилось употреблять в пищу липовые листья и кору с молодых деревьев.

Древесина липы, мягкая, легкая, не дающая трещин, была незаменимым материалом для изготовления посуды. Применялась она и в плотницком деле: из нее делали карнизы и наличники. В русских говорах словом *липа* называют верхние дверные и оконные косяки. В наши дни из липовой древесины делают чертежные

доски и карандаши высших сортов. Встарь на мягкой липовой доске гравировались лубочные картины. Отсюда и слова *лубок*, *лубочный*.

Луб — это подкорье, то есть волокнистая внутренняя часть коры липы и некоторых других лиственных деревьев. Он шел на кровли, а с молодых деревьев на лыко — материал для изготовления лаптей, лукошек, тесов, рогож и т. п.

Даже такая ответственная часть ветряной мельницы, как крылья, делалась из луба. Помните описание Белогорской крепости в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»? Вот оно: «Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видал, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирда сена, полузанесенные снегом; с другой скривившаяся мельница, с лубочными и крыльями, лениво опущенными».

Как строительный материал упоминается луб в русской народной сказке «Лиса, заяц и петух»: «У лисицы была избенка ледяная, а у зайчика лубяная...».

Использовался луб также в медицине: его накладывали на место костного перелома. Уже давно в этих целях используются другие материалы, но такая накладка до сих пор носит название *лубок*.

При изготовлении конской сбруи из-за нужды применяли лычагу, то есть веревку, свитую из лыка. Ясно, она не выдерживала конкуренции с ременной упряжью. На Руси говорили: *Лыко с ремешком не вяжись*.

Лыком заменяли кожаные ремни при изготовлении не только упряжи, но и опоясок, плетей и др. Из лыка плели также котомки. Сведения об этом можно почерпнуть из художественной литературы: «Выше пояса замочена Одежка лесника, Борода густая сложена, Лычко вместо пояса» (Н. А. Некрасов. Коробейники); «По деревне проходил странник. Полушубок на нем древний, из дыр овчина торчит, лыковая котомка за плечами» (А. Н. Толстой. Странник и змей); «Телега застряла в глубокой колее; остервенев, мужик истрепал лычную плеть о лошадиный крестец» (С. П. Бородин. Дмитрий Донской).

Лыко шло также на изготовление циновок. Интересно, что само слово *циновка* было образовано от глагола *циновать* «разрезать лыко на узкие ленты». Если в наши дни циновки изготавливают из полосок ткани, из тростника, соломы, то первоначально их делали из лыка.

Основным же изделием из лыка были лапти, или *лычники*, как их называли в некоторых местах. Недаром древние смолокуры создали поговорку: «Сосна кормит, лыко обувает». Лапти делали не только из лыка. Большой знаток крестьянского быта В. И. Даль перечисляет материалы, из которых плели лапти: «из коры ракиты,

ивы (верзни, ивняки), тала (шелужники), вяза (вязовики), березы (берестяники), дуба (дубовики), из тонких корней (коренники), из драни молодого дуба (дубачи), из пеньковых очёсков, разбитых ветхих веревок (курпы, крутцы, чуни, шептуны), из конских грив и хвостов (волосяники), наконец из соломы (соломеники)». Но это сырьё применялось намного реже, чем липовое подкорье. Слово *лапти* вошло в целый ряд пословиц и поговорок.

В просторечии используется фразеологизм *Лаптем щи хлебать* «жить, прозябать в нищете, невежестве; быть отсталым, некультурным», например: «Ну, секрет ихний мы сразу переняли. Мы тоже не лаптем щи хлебаем.., по семь класть» (Н. И. Кочин. Парни). В этом же значении употреблялось выражение *И мы не на руку лапоть обувает*.

Не умеючи, и лаптя не сплетешь — утверждает поговорка. И все же плетение лаптей было для крестьян делом нехитрым, привычным. Не случайно о сложном деле говорят: *Это не лапоть сплести*. Понятно, почему в языке родилось выражение *Плести (плесть) лапти* — «неумело, бестолково делать что-либо, путать», например: «— Вы, ваше превосходительство, в карты лапти изволите плести; где же это видано, чтоб с короля козырять, когда у меня туз один» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки). О бестолковом человеке говорят: *Путаает, словно кашу в лапти обувает*.

Лапти плести — не дом вести. Если человек не в состоянии делать даже такое простое дело, значит он сильно пьян, или, по поговорке, — *Лыка не вяжет*, например: «— Позвать Синегубова. — Они лыка не вяжут... — Пьян? — Ну, черт с ним» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина).

Для плетения лаптей брали не всякое лыко, а только от молодой лишки, гладкое. Бракованное не ставили в строку, то есть в ряд плетения. Отсюда и родилась поговорка *Не всякое лыко в строку* — «нельзя всякую ошибку ставить в вину», например: «— Пожалуйста, не прими этого за допытывание, за допрос; не ставь всякого лыка в строку» (И. А. Гончаров. Обрыв).

В стихотворении Н. А. Некрасова «Калистрат» встречаем такие строки:

А хозяйка занимается
На нагих детишек стиркою,
Пуще мужа наряжается —
Носит лапти с подковыркою!

Что же это за лапти с подковыркою? В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» пишет: «*Лапти с подковыркой*, двойные, проплетенные; они же писанные, коли подковырка сделана узором, изредка даже цветным, а в сказках есть *подко-*

вырка чистого золота». О щеголе, франте когда-то говорили: *Парень с подковыркой*.

Как известно, на лыко для пары лаптей обдирали три молоденьких липовых деревца. Поэтому вполне понятно появление поговорки *Обчистить (облупить) как липку* — «отобрать, отнять все дочиста, ограбить», например: «Вместо того, чтобы поощрять в вас... ну, как бы это сказать получше?.. благородные чувства, что ли? я вас стану обдирать как липку? Это не в моих привычках» (И. С. Тургенев. *Вешние воды*).

*

Изделия из лыка были признаком бедности. Поэтому когда хотели сказать о нищете, употребляли поговорки *Горе лыковое, Горе лыком подпоясанное*. Аналогично происхождение выражения *Лыком шит* «неотесанный, простой, не имеющий знаний», например: «Идет [Алексей] и слышит, как ведут про него пересуды...— Ишь ты! Лыком шит, совсем как есть деревенщина, а тоже пароходчик!» (П. И. Мельников-Печерский. *В лесах*). О человеке, который не хуже других, который не лишен знаний, способностей, говорят: *Он не лыком шит*, например: «[П о д х а л ю з и н:] Конечно, мол, Алимшияда Самсоновна барышня образованная, да ведь и я, Самсон Силыч, не лыком шит...» (А. Н. Островский. *Свои люди — сочтемся*).

Вся крестьянская Русь ходила в лаптях. Не случайно слово *лапотник* стало синонимом слов *крестьянин, мужик*:

С утра встречались странникам
Все больше люди малые:
Свой брат крестьянин-лапотник,
Мастеровые, нищие,
Солдаты, ямщики.

Н. А. Некрасов.
Кому на Руси жить хорошо

Вот теперь с тобой,
Барин-батюшка,
Мужик-лапотник
Посчитается...

И. С. Никитин. Мщенье

Ходить в сапогах было признаком достатка, богатства. Этот социальный контраст отражен и в поговорках: *Правда в лаптях, а кривда в сапогах; Лапоть знай лаптя, а сапог сапога; Переобуть из сапогов в лапти; Не осуди в лаптях, сапоги в санях* (в шутку говорит гость, входя в избу).

В предисловии к сборнику «Пословицы русского народа» В. И. Даль писал, что простой русский человек выразил свое мнение о многих предметах мирского и семейного быта и «...если предмет близок этому быту, если входит в насущную его жизнь, то народ — в этом можете быть уверены — разглядел и обсудил его кругом и со всех сторон, составил об этом устные приговоры свои, пустил их в ход...».

Древесина липы, кора и особенно изделия из лыка были предметами, близкими быту простого люда. Поэтому не случайно в языке было создано много ярких, метких пословиц и поговорок со словами *липа*, *лыко*, *лапти*. Сохранились они потому, что народ вложил в них метафорический, обобщенный смысл.

В. Н. ВАКУРОВ

Рисунок С. Гавриловой

Борода что помело, да ума не лычка.

Хоть лыком шит, да мылом мыт.

Лыком по парче не шьют.

Из избы лыка не надерешь.

Не берись лапти плести,
не надравши лыка.

Жениться — не лапти плести.

Путает, словно кашу в лапти
обувает.

Сокол мал, да удал.

Не пугай сокола вороной.

Плох сокол, что на воронье место
сел.

Соколу лес не в (на) диво.

Рожею сокол, а умом тетерев.

Сердце (яръсть) соколье,
да смельство воронье.

600 лет назад, 8 (21) сентября 1380 года, за Доном, на реке Непрядве, на поле Куликовом русские воины во главе с московским князем Дмитрием Ивановичем сошлись в кровавой сече с бесчисленными полчищами татарского хана Мамая.

С 1237 года хозяйничали на Руси татаро-монгольские завоеватели: «язык немилостив, язык лют, язык не щадящъ красы уны, немощь старец, младости детей», — так характеризовал их один из современников и очевидцев на шествия — Серапион, епископ Владимирский. Опустошив, разрушив и испепелив русские города и села, завоеватели наложили «дань тяжку» на покоренные земли. Русские князья стали данниками ханов, получая из их рук «ярлык» на великое княжение. Идя на поклон в Орду, князья везли с собой богатые «поминки» (подарки). Порою в Орде разыгрывались кровавые драмы, когда туда «искать великого княжения» приходило сразу несколько князей-претендентов. Нередки были опустошительные набеги на Русь золотоордынских ханов, возвращавшихся в Орду с богатой добычей и многочисленным полонем — живым товаром.

Однако русский народ не складывал оружия и в упорном непрерывном сопротивлении поработителям закалял свой национальный характер, вырабатывая стойкость, мужество, терпение и волю к борьбе. В народе зрело сознание необходимости сплочения сил всех русских княжеств вокруг единого политического центра. Таким центром в

Прошло уже шесть столетий,
как отзвенели мечи русских
ратников, отстоявших
в Куликовской битве родную
землю от нашествия татарских
полчищ Мамаю.
«Символическим
событием русской истории»
назвал эту битву А. Блок,
посвятив ей стихотворение
«На поле Куликовом».
Куликово поле, наряду
с такими именами,
как Полтава и Бородино,
стало символом патриотизма
и героизма русского народа.

Как емкую метафору
употребил
его и наш современник
Е. Евтушенко
в стихотворении
«На красном
снегу уссурийском»:
Владимир и Киев,
вы видите — в сумерках
чадных
у новых батыев
качаются бомбы в колчанах.
Но если накатят —
ударит набат колоколен
И витязей хватит
для новых полей куликовых.

XIV столетии становится Москва. Внуку Ивана Калиты — московскому князю Дмитрию удается сплотить под своими знаменами силы русского народа и вступить в решительную схватку с поработителями.

11 (24) августа 1378 года на реке Воже, за Окой, войска Дмитрия Ивановича встретились с полчищами татарского мурзы Бегича, посланного на Русь Мамаем. Переправившись через реку, они с гиканьем устремились на русские полки. Однако их напор был отбит. Дмитрий московский, Даниил пронский и окольный Тимофей, увлекая своих воинов личной отвагой, повели их против вражеской конницы. И дрогнули враги: побросав копья, устремились они назад, вплавь перебираясь через реку.

Разъяренный Мамай опустошил с оставшимися войсками Рязанскую землю и стал готовиться к новому походу на Русь, желая повторить Батыево нашествие. Он заручился поддержкой великого князя литовского Ягайла, а также напуганного опустошительным татарским набегом рязанского князя Олега. Узнав о приготовлениях Мамаю, великий князь московский собрал в Коломне под свои знамена полки ростовских, ярославских и белозерских князей. Даже давний соперник московского князя тверской князь прислал к Дмитрию свои войска во главе с Иваном Холмским. На помощь великому князю пришли также братья Ягайла — Дмитрий Брянский и Андрей Полоцкий, сыновья Ольгерда. Такой огромной рати (150000 бойцов)

никогда прежде не видела Русь. Достигнув Дона, князь Дмитрий и его двоюродный брат Владимир Андреевич Серпуховской в ночь на 7-е (20) сентября 1380 года переправились на другой берег и двинули свои войска к устью реки Непрядвы, оставив в засаде «в дуброве зеленой» полки Боброка Волынца и Владимира Серпуховского.

Битва началась на поле Куликовом в 12-ом часу дня и, как свидетельствуют современники, «бысть сеча велика и брань крепка и трус велик зело, яко от начала не бывала такова сеча князем Русским... Пролия же кровь, яко дождевна туча, обоих, христиан и татар». К концу третьего часа непрерывного боя стали изнемогать русские воины... И тогда из засады выступили новые полки. Враги обратились в бегство. Так была одержана блистательная победа над завоевателями. Она показала непрочность их власти, вселила в сердца русских людей веру в свои силы, в способность сбросить с плеч ненавистное иго. Победа, одержанная русским народом, воодушевляла южных и западных славян на борьбу с завоевателями: турецкими и немецкими феодалами. И хотя в 1382 году Москва была опустошена и сожжена полчищами хана Тохтамыша, русские люди жили сознанием своей победы на поле Куликовом, сознанием близкого и окончательного падения ига (это произошло сто лет спустя, в 1480 году), сознанием того, что период «туги и скорби» уже миновал.

*

Одержанная победа дала могучий толчок росту национального самосознания, что не могло не сказаться на развитии русской культуры того времени. Именно на конец XIV — начало XV веков падает расцвет творчества знаменитых художников Феофана Грека, Прохора с Городца, Даниила Черного и Андрея Рублева, выдающихся древнерусских писателей Епифания Премудрого, Софония Рязанца.

События 1380 года нашли широкое отражение в памятниках письменности конца XIV — первой половины XV веков. По «горячим следам» создается краткое летописное сказание, входившее в состав погибшей Троицкой летописи (1409), затем возникает «Летописная повесть», поэтическая «Задонщина» и, наконец, «Сказание о Мамаевом побоище». Эти произведения, различные по содержанию, жанрам и стилю, близки друг другу общим патрио-

тическим пафосом, настроением всеобщей радости по поводу победы над врагом, одержанной в результате единения русских сил.

*

Самым ярким и значительным поэтическим произведением является «Задонщина», написанная рязанским старцем Софонием (в некоторых списках Софроний).

По своему жанру «Задонщина» представляет собой героическую песню во славу победителей — русских воинов и замечательных полководцев: Дмитрия Ивановича Донского и Владимира Андреевича Храброго. Так прозвал народ московского и серпуховского князей в память о великой битве. Вместе с тем «Задонщина» — это горестный плач о павших на поле боя мужественных русских бойцах.

«Задонщина» дошла до нас в шести списках и двух редакциях. Ее автор опирается на непревзойденный образец древнерусской поэзии — «Слово о полку Игореве», подчеркивая неразрывную связь времен: прошлого с настоящим. Вспоминая «первых лет времена», «Задонщина» подчеркивает, что прославляемые ею современные герои достойны славы своих предков — «прадеда своего великого князя Владимира Киевского». Борьба с татарами осмысливается в «Задонщине» как продолжение той борьбы со «степью», «диким полем», которую вели киевские князья во имя интересов Русской земли, ее национальной независимости. На поле Куликовом русские воины воодушевлены единым стремлением, единой целью — «хотят сильно главы своя положити за землю Русскую и за веру христианскую», они «ищут себе чести и славного имени» в самоотверженной борьбе с врагами. И хотя победа доставалась дорогой ценой («Дон река три дня кровью текла»), русские люди добились «чести и славного имени»: «Шибла слава к морю, к Железным вратам, ко Орначи, к Кафе, оттоле к Царюграду на похвалу: Русь одолела рать татарскую на поле Куликове», — так оценивает «Задонщина» международное значение одержанной победы. В результате ее — ликует Русская земля «... и вознесся слава русская над поганых хулою».

«Задонщина» не давала полного обстоятельного освещения подробностей исторического события. Ее главная цель состояла в том, чтобы выразить политическую оценку одержанной победы поэтическими средствами. В этом пла-

не «Задонщину» дополняют «Летописная повесть» и «Сказание о Мамаевом побоище». Обращает на себя внимание одно весьма любопытное обстоятельство: чем более удалено по времени произведение от события, тем большими подробностями оно «обрастает». С этой стороны весьма интересна пространная редакция «Сказания о Мамаевом побоище», появившаяся в конце 70-х годов XV века.

*

О популярности «Сказания» свидетельствует огромное количество его списков (свыше 100), наличие летописной, основной и пространной редакций (См.: Л. А. Дмитриев. Обзор редакций «Сказания о Мамаевом побоище» в М. Повести о Куликовской битве. М., 1959). При этом в «Сказании» явно обнаруживается тенденция к беллетризации повествования, что проявляется в наличии исторических анахронизмов (литовский князь Ягайло заменен в большинстве списков Ольгердом, умершим в 1377 году; митрополит Киприан — в Москве, хотя на самом деле в 1380 году он находился в Киеве), обилии монологов, раскрывающих благородные намерения Дмитрия и его сподвижников и хитрые замыслы Мамаю, Ольгерда и Олега рязанского; введением «документов» — писем, которыми обмениваются Ольгерд, Олег и Мамай.

Отдельные эпизоды, очевидно, были взяты из преданий, которые долго жили в народной памяти. Таковы, например, рассказы о русском посольстве к Мамаю во главе с молодым боярином, умным и находчивым дипломатом Захарием Тютчевым, предком знаменитого поэта Ф. И. Тютчева, о посещении князем Дмитрием Троицкого монастыря и благословении его Сергием Радонежским, о разведке, которую в ночь на 8 (21) сентября ведет сам князь Дмитрий Иванович и Боброк Волынец: они слушают землю, всматриваются в костры неприятельского лагеря; о поединке инока-богатыря Пересвета с татарским исполнителем, который в поздних списках получает имя Чилибея (Темир-мурзы); об обмене платьем великого князя с воеводой Бренком, и заключительный эпизод, когда после боя войны долго ищут Дмитрия Ивановича и, наконец, находят израненного князя под срубленной березой среди павших ратников.

В «Сказании» резко противопоставлены благородство и мужество московского князя и его сторонников заносчи-

вости и коварству Мамаю и его пособников — Ольгерда и Олега рязанского, предательство которого особенно резко осуждается.

*

Составитель «Сказания о Мамаевом побоище» не выходит за рамки средневековых представлений: он убежден, что победа одержана русским войском благодаря особому покровительству небесных сил. Поэтому в «Сказании» широко употребляются монологи-молитвы, вводятся религиозно-фантастические картины-видения. Однако за внешней религиозной оболочкой, столь типичной для средневековья, нетрудно заметить и другие чувства автора — гордость за Русскую землю, восхищение мужеством ратников, не щадивших своей жизни во имя свободы Родины.

Учитывая значение Куликовской битвы, «Сказание о Мамаевом побоище» было включено в состав первого сборника по русской истории — «Киевского синопсиса», вышедшего в 1674 году (греч. synopsis — обозрение). К этому событию в 1752 году обратился М. В. Ломоносов (трагедия «Тамира и Селим»), в начале XIX века — драматург В. А. Озеров (трагедия «Дмитрий Донской»), поэт-декабрист К. Ф. Рылеев («Дума»), а в XX веке — Александр Блок — цикл стихотворений «На поле Куликовом» (1908), в примечаниях к которому поэт писал: «Куликовская битва принадлежит... к символическим событиям русской истории... Разгадка их еще впереди».

В. В. КУСКОВ

В самом начале «Задонщины», в предисловии, есть интересная строчка: «Снидемся, братья и друзи и сынове руские, составим слово к слову..!» Так сказано в списке «Задонщины» Ундольского, близко к этому читается строчка и в других списках (Исторического музея, Библиотеки Академии наук, Синодальном), кроме тех, в которых отсутствует начало или текст сокращен большими кусками.

Выражение «составим слово к слову» обычно понимается как «создадим произведение», однако с этим значением оно нигде больше в древнерусских текстах не отмечено. Написание нового произведения, сочинительство, никогда не представлялось в древней Руси как «соединение слов». Да и странно как-то приглашать многочисленных авторов на коллективное сочинение нового произведения...

Вместе с тем выражения *приложить слово к слову, составить слово, оставить слово*, где *слово* означает «произведение», встречается довольно часто. Например, в «Киево-печерском патерике» мы читаем: «Сиде же бысть вещь (такой случился случай) по смерти блаженнаго отца нашего Феодосия, от преслушания сътворенное. Иже аще и несть зде лепо исповедати ея, но обаче по вспомновении того приидохом и сему подобно слово к слову приложим» (Д. И. Абрамович. Киево-печерский патерик. К., 1931, с. 59); или выражение «оставим слово» (там же, с. 78) в значении «прекратим рассказ».

Отсюда следует, что словосочетание «составим слово к слову» в «Задонщине» необходимо писать так: «составим Слово к Слову» и переводить: присоединим одно «Слово» к другому «Слову», а может быть, сопоставим одно «Слово», вновь сочиненное, с другим «Словом», уже существовавшим ранее.

В связи с этим напомним, что «Задонщина» — это научное название известного произведения о Куликовской битве, а в полных списках (Ундольского и одного из списков Исторического музея) оно называется «Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю».

Название «Задонщина» употребляется только в одном списке — Кириллобелозерском, переписанном и отредактированном писцом Ефросином, который так назвал не произведение, а самую Куликовскую битву «За Доном»; согласно своей словообразовательной манере он и походы, и битвы именовал — «Меметяковщина», «Ахмыловщина» и пр. (Подробно об этом см.: Д. С. Лихачев. О названии «Задонщина». — Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященный 75-летию проф. С. Н. Валка. Л., 1964).

В чем же смысл этого составления или сопоставления старого «Слова» и нового, к которому автор привлекает внимание своих слушателей? Об этом прямо и пространно говорится далее: «...возвеселим Рускую землю и возверзем печаль на восточную страну в Симов жребий (т. е. на татар) и воздадим поганому Мамаю победу («победа» в данном случае означает «беду» — поражение), а великому князю Дмитрию Ивановичю похвалу и брати его князю Владимиру Андреевичю. И рцем таково Слово: Лудчи бо нам, брате, начати поведати иными словесы от похвальных сих и нынешних повестех похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брата его князя Владимира Андреевича, а внуки святого великаго князя Владимира Киевскаго. Начаша ти поведати по делом и по былинам. ~~У~~ проразимся мыслию по землями (очевидно, «по землям»), помянем первых лет времена, похвалим вещаннаго боярина гудца в Киеве. Тот боярин восклаша горазная своя персты на живыя струны, пояша руским князем славу: первому князю киевскому Игорю Бяриковичю, и великому князю Владимиру Всеславьевичю Киевскому, и великому князю Ярославу Володимировичю». Текст, как видите, сильно испорчен. Однако, при всей испорченности текста, ясно, что автор «Задонщины» сопоставляет свое произведение с другим, относящимся к Киевской Руси; автором этого старого произведения он считает «боярина» (по другим спискам — Бояна — сп. Кириллобелозерский, «боюна», «боинаго» — список Исторического музея).

Далее. Он хочет писать «о нынешних повестех», то есть о ~~нынешних~~ событиях, по приемам «вещаннаго боярина в Киеве», певшего славу старым русским князьям, «воскладая горазная своя персты на живыя струны». Автор «Задонщины» оправдывает такое сопоставление старого произведения с новым тем, что Дмитрий

Донской — потомок Владимира Киевского и киевских князей вообще. Победа Дмитрия Донского воспринимается им как закономерное явление, возродившее былую славу русского народа. Это мы поймем в дальнейшем, когда увидим, что автор «Задонщины» смотрел на Куликовскую битву как на отплату за поражение на реке Каяле-Калке.

Теперь обратим внимание на «культурную ситуацию» конца XIV—XV веков... После Куликовской победы начался бурный подъем всей русской культуры, причем внимание русских людей было обращено к временам независимой, домонгольской Киевской Руси. Высокая культура древнерусского государства становится созвучной переживаниям русского народа, его стремлениям увидеть Русь могущественной и свободной от иноземного владычества.

Это ясно отмечено в литературе, в политической и церковной жизни, в русском зодчестве, живописи, в обилии «реставрационных работ», даже в народном эпосе.

Здесь и восстановление храмов (во Владимире, Твери, Новгороде), и реставрация старых росписей (в Успенском соборе во Владимире), и циклизация русских былин вокруг князя Владимира Киевского, и идеи киевского и владимирского наследия в политической мысли и т. д. [Об этом подробнее см. кн.: Д. С. Лихачев. «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV вв.)» Л., 1962]. Обращение идет не только к временам независимости, но и ко всем произведениям, связанным с борьбой за независимость, к произведениям, отстаивающим идею единства Русской земли и ее мужественной обороны от внешних врагов.

В московском, тверском и нижегородском летописании могут быть отмечены обращения к «Повести временных лет», «Сказанию о Мамаевом побоище» (другом значительнейшем произведении о Куликовской битве), к «Повести о разорении Рязани Батыем», «Слову о гибели Русской земли», к «Похвале роду рязанских князей»; «Похвальному слову инока Фомы тверскому князю Борису Александровичу», к «Слову о Закопе и Благодати» киевского митрополита Илариона; к «Слову о царе и великом князе Дмитрии Ивановиче Московском», к «Похвале роду рязанских князей»; во всех исторических произведениях мы можем встретить обращение к «Житию Александра Невского» и т. д.

Не случайно, что и в «Задонщине», в отдельных или во всех списках, мы можем встретить выражения и образы из «Слова о гибели Русской земли», «Жития Александра Невского», «Повести о разорении Рязани Батыем» (Об этом будет опубликована отдельная работа), но, главное, — из «Слова о полку Игореве».

Эти подражания не просто увлечение красотой древней формы, героикой тех или иных образов: все они носят идеологический характер. Так, инок Фома хвалит своего князя Бориса Александровича словами Иларисна потому, что он ставит князя Бориса в один ряд с Владимиром I Святославичем и с Ярославом Мудрым. Не случайно и привлечение «Жития Александра Невского» к «Сказанию о Мамаевом побоище» — сопоставляются победы Дмитрия Донского с победами Александра Невского. С определенной целью введены элементы и «Слова о полку Игореве» в «Задонщину» — это уже противопоставление событий. «Задонщина», повествующая о победе русских, есть ответ на «Слово о полку Игореве», рассказывающее о поражении русских от степных народов. И об этом явно говорит не только строчка — «составим слово к слову», но и все содержание «Задонщины». В «Слове о полку Игореве» грозные предзнаменования сопровождают поход русских войск, которым грозит поражение. В «Задонщине» те же зловещие предзнаменования сопутствуют походу войск Мамаю.

В «Слове» — дети бесовы (половцы) кликом поля перегородили, в «Задонщине» — русские сыны широкие поля кликом огородили.

В «Слове» — черна земля посеяна костями русскими, в «Задонщине» — татарскими.

В «Слове» — кости и кровь русских всходят тугою по Русской земле, в «Задонщине» — восстанала земля татарская, бедами и тугою покрывшись.

В «Слове» — тоска разлилась по Русской земле, в «Задонщине» — по Русской земле простерлось веселие и буйство.

В «Слове» — «поганые» приходили со всех сторон с победами на землю Русскую, в «Задонщине» — «уныло царей их (татар), веселие и похвальба на Русскую землю».

Но не только к «Слову о полку Игореве» обращается автор «Задонщины». Например, в Кириллобелозерском списке — к «Слову о гибели Русской земли», а во всех остальных списках — к «Повести о разорении Рязани Батыем», правда, в этом случае связь менее отчетливая, но бесспорная.

Итак, Куликовская победа рассматривалась в «Задонщине» как отплата за былые поражения. Следовательно, под выражением «составим слово к слову» следует понимать желание автора «Задонщины» как бы продолжить «Слово о полку Игореве» другим рассказом — «Словом о великом князе Дмитрие Ивановиче и о его брате князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю, то есть «Задонщиной».

ТОПОНИМИЯ ПОЛЯ КУЛИКОВА

Битва русских дружин с полчищами Мамая произошла в сентябре 1380 года в месте слияния с Доном его правого притока Непрядвы, которое называлось полем Куликовым. Оно находилось у слабо заселенных «рязанских пределов» русских земель, естественной границей которых служило верхнее течение Дона. Его левый берег принадлежал Рязанскому княжеству, а на правом уже начинались владения золотоордынских ханов.

Основная часть русских окраинных поселений в этот период находилась к востоку от верхнего Дона — от устья Воронежа до берегов Хопра с его правым притоком Великой Вороной (так называемый Червленый, или Черленый, Яр), где уже приблизительно с 1360 года отмечается несение караульной службы русскими «сторожами». Однако и верхнее правобережное Подолье было издавна знакомо славянам, имевшим здесь еще до татаро-монгольского нашествия свои поселения. Игнатий Смолянин, составивший описание «хождения» митрополита Пимена в Царьград в 1389—1405 годах, отмечая полное запустение территории по верхнемуДону, в то же время обнаружил здесь и развалины городищ. Сам перечень встречающихся в «хождении» топонимов, относящихся к Дону, убедительно подтверждает вывод И. Д. Беляева о том, что «в степях в это время были уже постоянные стражи, хорошо знакомые с топографией степей, знавшие местность вдоль и поперек и, вероятно, жившие там в разных укреплениях и притинах» (И. Д. Беляев. О географических сведениях в древней России). Кроме Дона, здесь указаны такие географические названия, как *Меча, Сосна, Острая Лука, Кривой (Кривый) Бор, Чуры Махайловы, Воронеж, Тихая Сосна, Черленый Яр, Беток, Похорь (Похор)*, то есть *Хопер, Медведица, Горы Высокия река, Белый Яр река, Великая Лука и Булук* — всего 15 топонимов. Памятники, повествующие о Мамаевом побоище, дополняют этот список за счет таких имен, как *поле Куликово, поле за Доном, Непрядва, Быстрая Сосна, Мамаева, или Ордынская, земля, Гусиный брод* и других.

Рассматривая топонимию поля Куликова, следует иметь в виду неоднородность повествующих о ней источников, обусловившую и некоторые различия в составе географических названий. О битве 1380 года мы черпаем сведения как из летописей, засвидетельствовавших реальную топонимию места битвы, так и из литературно обработанных летописных сведений и народных преданий — целого цикла повестей о Куликовской битве, среди которых особое место занимают многочисленные списки «Задонщины». В последнем случае перед нами выступает уже особым образом организованная поэтическая топонимия художественного текста, не всегда совпадающая с ее реальной основой. «Первоначально краткие рассказы о кровопролитном сражении с татарами, — писал академик М. Н. Тихомиров, — позже обросли поэтическими вымыслами и литературными украшениями, и за их цветистой внешностью не всегда легко увидеть истину, даже представить себе с полной ясностью настоящий ход событий, связанных с битвой 1380 г.» (Повести о Куликовской битве. М., 1959).

ДОН-ДУНАЙ

В некоторых списках «Задонщины» поэтическим эквивалентом *Дона* выступает *Дунай*. Например, в описании утра перед битвой в «распространенной» редакции «Сказания» Софония Рязанца по списку XVII века: «И снималися полки ратных на рѣке *Дунае* великаго князя до царя Мамаея...». Или еще в списке по изданию Ундольского, включенном Ф. Буслаевым в его хрестоматию: «К славному граду Москвѣ съѣхалися вси князи руские, а ркуть таково слово: у *Дуная* стоять татаровя поганые, а Мамай царь на рѣки на Мечи...»; «Не тури възгрем ли у *Дунаю* великаго на полѣ Куликовѣ...» и т. д. Примечательно, что в этом же тексте рядом с *Дунаем* великим говорится и о *великом* или *быстром* *Доне*: «Грозно бо и жалостно, брате, в то время посмотрили, иже лежат трупы крестьянские у *Дуная великаго* на брези, и *Дон* рѣка три дни кровию текла». *Дунай-Дон* встречается и в тексте «Повести о Мамаевом побоище» по Лондонскому списку Вологодско-Пермской летописи.

Отмеченная особенность связана с тем, что *Дунай* в славянском фольклоре и диалектной речи славян нередко выступает как обозначение всякой реки или больших разливов воды. Такова функция топонима *Дунай* и в плаче Ярославны в «Слове о полку *Игореве*» — «Полечю, рече, зегзицею по *Дунаю*, омочу бегрянъ рукавъ в *Каяль рѣць*» — и, что особенно интересно, в песнях донских казаков, где *Дон* нередко заменяется *Дунаем*, иногда даже в сочетании с постоянным эпитетом *тихий*. Сравним начало песни: «Близко *Дона*, близко *Дона*, Близко *тихого Дуная*. Ой ли, ой ли, ой люди.

Близко тихого Дуная Молодец-казак гуляет»; «Дунай, Дунай, быстрая река! Ты, бывало, Дунай, быстрехонек течешь, А теперь ты стал смутехонек!». Дунай проникает и в традиционные зачины казачьих песен, где отмечаются разнообразные варианты этого слова — *Вздунай, Раздунай, Гор-Дунай, Дунай-най-най* и т. д. Эти факты свидетельствуют о преемственности и устойчивости данной народно-поэтической традиции, уходящей в глубину веков.

«ЗА ДОНОМ»

Во многих памятниках неоднократно встречается это описательное выражение, обозначающее местность на правом берегу Дона. Здесь, «За Доном» или «в поле за Доном» стоят татары перед битвой; московский князь Дмитрий, принимая окончательное решение дать бой татарам за рекой, «въниде... в землю их за Дон», тем самым отрезав себе путь к отступлению. Здесь была уже вражеская земля, которая в разных памятниках именуется еще «Мамаевой землей», «ордынскими землями», «татарскими полями», «полем чистым» или «полем за Доном».

Описательный топоним «За Доном» лежит в основе собственно имени *Задонщина*. Вначале оно возникло как название отрезка времени и связанного с ним события (хронотопим). В такой функции оно выступает в раннем — Кириллобелозерском списке повести Софония Рязанца (1470 г.), где после текста самого памятника следует вереница сообщений о позднейших событиях и при этом за точку отсчета принимается *Задонщина*, то есть победа русских над Мамаем в 1380 году. Наряду со словом *Задонщина* здесь употребляются и другие аналогичные образования — *Мамаевщина* (в тексте — *Мамаевщина*), *Таттамывшещина*.

*

В летописях зарегистрирован и другой хронотопим, по форме тождественный Задонщине, — Суздальщина. В 1445 году произошел «суздальский бой» великого князя Василия Васильевича с татарами, закончившийся поражением русских, пленением князя, пожаром Москвы. В Вологодско-Пермской летописи мы читаем: «Того же лѣта заложил Володимерь Ховрин на Москвѣ на своемъ дворѣ церковь камену Воздвижение честнаго креста на мѣсте первыя церкви каменя же, что палася (разрушилась) в пожар по Суздальщинѣ» (Полное собрание русских летописей. М. — Л., 1959).

Уже в прошлом веке в работах русских литературоведов собственное имя *Задонщина* стало употребляться в ином значении. «Этот термин был усвоен исследователями для обозначения... памят-

ника (сочинения Софония Рязанца по списку 1470 г. — *Е. О.*), по содержанию и по форме отличающегося вполне от пространной повести о Мамаевом Побойще, которую они называли *Поведанием*», — писал по этому поводу С. Шамбинаго (*Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1906*). Название это употреблялось неоднозначно и неупорядоченно. В. Н. Перетц именовал так летописную повесть о Мамаевом побойще, В. П. Адрианова-Перетц — восстановленную ею на основании различных списков первичную редакцию памятника. П. К. Симони распространял его на все списки XV—XVIII столетия (отсюда и форма множественного числа — *Задонщины*). Вовсе отказался от него С. Шамбинаго, который «писание Софонии» называл «Поведанием», основываясь на начальных строках его текста: «Людчи бо нам, братія, начати повѣдати иными словесы».

*

Слово *Задонщина* известно и как топоним. Такое имя получила деревня на правом берегу Дона вблизи устья Непрядвы (П. Кешпен. Города и селения Тульской губернии в 1857 году. СПб., 1858). По своему происхождению оно не связано ни с одним из рассмотренных значений этого слова. Географическое имя *Задонщина* содержит в себе суффикс *-щина*, присоединяемый к основам нарицательных существительных, топонимов или антропонимов. Примечательно, что недалеко от *Задонщины* мы находим *Монастырщину*, *Хованщину*, а чуть дальше, возле города Епифани, — *Вадбольщину*.

Описательным названием местности *За Доном* (т. е. на левобережье Дона) в свое время были мотивированы названия города *Задонск* (ниже Быстрой Сосны, сейчас — в Липецкой обл.), слободы *Задонская*, название южной части бывшей Области войска донского по левую сторону Дона — *Задонье* и населенного пункта в Узловском районе Тульской области (находится слева от верховьев Дона), города *Северо-Задонск* в Тульской области (к северу от Задонья) и др.

КУЛИКОВО ПОЛЕ

Место битвы русских с татарами в летописных текстах именуется «полем чистым» в устье реки Непрядвы, например в первой Новгородской, Львовской и Симеоновской летописях. Иногда оно как бы отграничивается от другого, гораздо более обширного сплошного пространства, находящегося за Доном, куда вступают полки московского князя. В Симеоновской летописи (по списку XVI века) это «поле чисто и велико зѣло». Именно к этой большой территории правобережья верхнего Дона, простирающейся на запад

вплоть до бассейна Оки, и относилось в старину название *поле Куликово*. Согласно «Книге Большому чертежу» (1627 г.), «из Куликова поля» брали начало такие реки верхнего Поочья, как Упа, Снежедь, Иста, Солова и Плава (Плова), а их истоки приходятся на целых пять районов нынешней Тульской области — Воловский, Чернский, Арсеньевский, Щекинский и Тепло-Огаревский. По-видимому, отсюда когда-то начиналась и Быстрая Сосна, один из правых притоков верхнего Дона, о чем свидетельствует название речки *Куликов Ржавец* в верховье Сосны. В свою очередь, *Куликово поле* было частью огромного пространства за пределами русских княжеств, которое в старину называлось просто *Подем* или *Диким подем*.

*

О «величестве поля» во время Ивана IV, а также о Куликовом поле как части его и о южной границе последнего в верхнем Подонье (где-то севернее правого притока Дона — реки Мечи, за которой начинались уже «сарацинские» земли) говорится в «Истории о Казанском царстве» по списку XVII века: «Поле же то великое зело, конца мало ходячи до дву морю, на востокъ до Хвалынского, а полудние до Чернаго, на немъ же русти гради и веси и села мнози стояху древле, и мнози бяху людие живущи в них, имеюще селение и водворение, и за полъ Куликово по Мечо реку, на оной же странъ реки тоя тако же мнози срацини, половци живяху, в веках своих качюючи» (Полное собрание русских летописей. СПб., 1903). Поэтому сообщение о «тесноте» Куликова поля, которые мы находим в некоторых повестях Куликовского цикла, нельзя понимать буквально: противоборствующим войскам могло быть тесно лишь на том участке Куликова поля, где происходила сеча — в месте слияния Непрядвы с Доном. О том, что указание на тесноту Куликова поля не что иное, как художественный прием — гипербола, свидетельствует и несовпадение его размеров в разных редакциях «Сказания» по спискам XVI — XVII вв.: «меж Доном и Непрядвою», «меж Доном и Мечею» или даже неопределенно «меж Дону и межю дву рѣк». Или, например, в тексте «Задонщины»: «И рече князь великий Дмитрий Ивановичь: Братия бояра и князи и дѣти боярские! То вам сужено мѣсто меж Доном и Непром на полъ Куликове на рече Напрядъ».

Куликово поле как территория, находящаяся в непосредственной близости от «рязанских мест», упоминается в летописях и позже — под 1542 годом, когда на нем были разбиты войска Сали-Гирея (Львовская летопись).

Итак, топоним *Куликово поле* употребляется для обозначения двух разновеликих объектов — обширного степного пространства между верхним Доном и Окой (части Дикого поля), например в «Книге Большому чертежу» (это значение сейчас утрачено), и какой-то ограниченной зоны этого степного пространства. Именно с таким значением употребляется топоним *Куликово поле* в повестях о Мамаевом побоище. Место битвы русских с татарами — это только одна из восточных окраин Куликова поля, названная его именем. Перед нами не что иное, как *синеждоха* — употребление названия целого вместо названия его части.

При дальнейшем заселении Куликова поля оно, распределяясь между отдельными населенными пунктами, постепенно перестает восприниматься как большое, нерасчлененное пространство. Каждый населенный пункт получал какую-то часть «своего» Куликова поля, что, например, видно из начальных слов межевого описания 1610 года, найденного в прошлом веке среди старинных крепостных столбцов: «Межа города Богородицкого Куликову полю...» «Н. Иванчин-Писарев. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1844).

Что касается происхождения названия *Куликово поле*, то его принято связывать с обилием болотной дичи в данной местности, в частности куликов. Однако не менее вероятна связь его с личным именем или прозвищем *Кулик*. Аналогичным образом названия таких «концов» города Данкова в прошлом веке, как *Орлова степь* или *Гусева поляна*, или же переправы через Дон — *Гусин брод*, — возле которой стоял Мамай накануне битвы, ожидая войска литовского князя Ягайла и рязанского князя Олега, скорее всего отразили местную антропонимию, нежели фауну (*Орел*, *Гусь* по не *орел*, *гусь*).

Целый ряд населенных пунктов, возникших в поле Куликовом в процессе его заселения, получают свои названия от его имени. Только в том месте, где в 1380 году происходила битва русских с татарами, по данным карты-трехверстки Тульской губернии 1861 года, возникли населенные пункты *Куликово*, *Куликовка* (Телятинка) и *Куликова* (Шаховская).

Е. С. ОТИН
Донецк

Рисунки Б. Захарова

РУССКОЕ УДАРЕНИЕ

Продолжение. Начало см.: 1979,
№ 1—3; 1980, № 1

V

Трудности в установлении места ударения наблюдаются и у многих прилагательных. У языковедов нередко спрашивают, как правильно: *заводский* или *заводской*, *запасный* или *запасной*, *сметливый* или *сметливый*, *хлёбный* или *холодный*, *мускулистый* или *мускулистый*? Кстати, относительно колебания ударения в последнем примере журнал „Русская речь“ еще в первом номере за 1967 год поместил примечательное высказывание специалиста по сценической речи И. П. Козляниновой. Вот как она отвечала на анкету, предложенную редакцией журнала: «У актеров всегда возникает вопрос: а почему? Действительно, почему словари под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова и последний словарь издания Академии наук рекомендуют произносить *мускулистый*, словарь под редакцией К. И. Былинского предлагает другое ударение — *мускулистый*, а в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова предлагаются два варианта, причем второй называется „разговорным“? Но ведь произношение „разговорно“ само по себе. Мы не наблюдали в жизни произношение: *мускулистый*».

Попробуем разобраться в этом достаточно сложном и спорном вопросе, поскольку вариантность ударения как у данного прилагательного, так и у многих других продолжают отмечать даже самые новые словари и справочники по культуре речи.

В науке сейчас установлено, что ударение у полных прилагательных за последние два столетия перемещается ближе к концу слова (то есть на суффикс или на окончание). Поэты первой половины XIX века еще свободно употребляли *гробовый*, *громбовый*, *дневный*, *счастливый*, *таинственныи* и т. п. Например:

На грудь мне дума роковая
Гробовой насыпью легла.

Баратынский.
«Когда исчезнет омраченье...»

Погасло днёвное светило;
На море синее вечерний пал туман.

Пушкин.

«Погасло дневное светило...»

Наш странник обходил
Поля, селения и грады,
Но счастья не находил
Под небом счастливым Эллады.

Батюшков:

Странствователь и Домосед

Сейчас обычно произносят: *гробово́й, громово́й, дневно́й, счастливы́й, тайнственны́й* и т. п.

Это перемещение ударения наглядно иллюстрирует одну из общих закономерностей в развитии русского ударения. Она заключается в том, что многие производные слова на первых порах употребляются с ударением, доставшимся им как бы по наследству от производящего (корневого) слова, но затем изменяют место ударения под влиянием могущественного фактора аналогии. Действительно, если прежде произносили *ро́скошный* (от *ро́скошь*), *во́зрастный* (от *во́зраст*), *сте́ржневый* (от *сте́ржень*), *суста́вный* (от *суста́в*), *спи́ртовый* (от *спирт*), *то́рмозный* (от *то́рмоз*), то теперь эти прилагательные усвоили более характерное для всего данного типа слов ударение на последнем или предпоследнем слоге: *роско́шный, возра́стный, стерже́нво́й, суста́вно́й, тормозно́й*. Как следствие этого общего процесса и нужно рассматривать многие возникающие в современной речи колебания в ударении.

Так, в XIX веке безраздельно господствовало ударение *заво́дск* (от *заво́д*). Оно фиксируется словарями, встречается в поэзии того времени. Вот пример из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова: „Заво́дские начальники По всей Сибири славятся...“.

Новое ударение — *заво́дско́й* — появилось в живой речи под воздействием аналогии (*горо́дско́й, хуто́рско́й, морско́й, мирско́й, слобо́дско́й*) на рубеже XIX–XX веков и вначале было встречено крайне недружелюбно. Да и много лет спустя словари указывали на его стилистическую неполноценность. Например, в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова вариант *заво́дско́й* сопровождался пометой «разговорное», а в 17-томном академическом Словаре — даже пометой «просторечное». Впрочем, жизнь постепенно брала свое, и сначала была признана равноценность обоих ударений (так указывается в 4-томном академическом Словаре и Словаре С. И. Ожегова), а затем и более того — полное одобрение нового ударения. В словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (Л., 1973)

и в «Словаре трудностей русского языка» (М., 1976) предпочтительным (нормативным) признается уже вариант *заводскбй*; ударение же *завбдский* квалифицируется устаревающим, уходящим из языка.

Примечательно, однако, что старый вариант (*завбдский*) не совсем вышел из употребления, а наряду с новым — *заводскбй* удерживается в многосложных словах: *горнозавбдский*, *электрозавбдский* и т. п. Это вполне закономерно, так как ударение в многосложных словах нередко смещается ближе к центру слова (см. предыдущие статьи «Русское ударение»). И это обстоятельство (наряду с влиянием фактора аналогии) также нередко приводит к изменениям акцентологической нормы. Вот несколько примеров перемещения ударения с начального слова в многосложных прилагательных: *общественный* → *общественный*, *единственный* → *единственный*, *бархатистый* → *бархатистый* и т. п. Конечно, окончательная победа нового варианта приходит не сразу, колебания нередко продолжают десятилетиями. Кроме того, престиж старого ударения, поддерживаемого культурно-исторической традицией, может и приостановить вхождение продуктивного варианта. Так, в современной речи продолжают соперничать исконное ударение *августовский* (от *август*) и *августбвский*. Оба ударения встречаются не только в живой речи, но и в поэзии:

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно *августовская* прохлада?

Есенин.

«Ты такая ж простая, как все...»

За тысячу верст
В стороне приднепровской —
Нежаркое солнце
Поры *августбвской*.

Твардовский.
За тысячу верст...

Однако, несмотря ни на продуктивную центростремительную тенденцию, ни на то, что ударение *августбвский* зафиксировано у ряда советских поэтов, даже новые словари оправданно отдают предпочтение традиционному, эстетически благозвучному варианту *августовский*.

Нечто подобное мы наблюдаем и при колебаниях: *мышкулистый* — *мышкулистый*, *сахаристый* — *сахаристый*, *фосфористый* — *фосфористый*. Словообразовательные связи и культурно-эстетическое восприятие удерживают исконное ударение: *мышкулистый*,

сахаристый, фосфористый. Удобство же произношения и сила формальной аналогии (ср.: *водянистый, волокнистый, каменистый, смолянистый, кровянистый, травянистый, маслянистый, крупнозернистый* и т. п.) постоянно «подталкивают» ударение к перемещению на предпоследний слог. Какое из этих противоборствующих устремлений одержит верх в каждом конкретном случае, предсказать трудно. Многие здесь зависят от содержания и стилистических свойств индивидуального слова. Например: ударение *мускулистый* представлено еще в Толковом словаре В. И. Даля, и оно есть у поэтов — Маяковского, Антокольского, а нормативные словари все же справедливо предлагают в качестве предпочтительного варианта традиционное ударение *му́скулистый*.

Такое решение основывается не только на эстетическом восприятии. При этом учитывается, что у прилагательных, образованных от иноязычных имен с неподвижным ударением (например, *му́скла, му́скула, му́скулу... му́скулы, му́скулов, му́скулами...*), смещение ударения под влиянием аналогий замедляется. У слов же книжного характера часто и не наблюдается вовсе: *ба́зисный, те́зисный* и т. п. Кроме этого, следует учитывать, что у некоторых старых прилагательных, видимо, в результате воздействия южно-великорусских говоров, ударение сместилось с последнего слога на корень или на суффикс: *почтово́й* → *почто́вый*, *грошево́й* → *гроше́вый* и т. п.

Трудности при установлении места ударения у прилагательных не исчерпываются полными формами. За последние десятилетия произошли ощутимые изменения в нормах ударения кратких форм множественного числа. Правило, согласно которому ударение в этих формах должно строго соответствовать форме среднего рода: *просто́ — прѳсты́, бли́зко — бли́зки, ве́рно — ве́рны*, ныне уже не является безусловным. Правда, отступления от него наблюдались и в XIX веке, но и сейчас мы становимся свидетелями стремительного развития наконечного ударения в кратких формах множественного числа. Записи устной речи и данные опроса убедительно свидетельствуют о быстром вхождении в современную речь таких ударений: *бли́зкий, важны́, верны́, горды́, полны́, простѳ́, тверды́, тихи́* и т. п. Вот, например, как разделились «голоса» при анкетировании студентов ЛГУ в 1974 году. Во фразе «Эти решения важны для нашей работы»: *важны́* — 191 человек, *ва́жны* — 44; «Жесты горделивы и важны»: *важны́* — 162, *ва́жны* — 73; «Заводы близки к городу»: *бли́зкий* — 217, *бли́зки* — 19; «Вы близки по духу»: *бли́зкий* — 209, *бли́зки* — 33. Новое ударение *бли́зкий* широко представлено и в современной поэзии (Исаковский, Ошанин, Дудин, Рыленков, Васильева и др.):

И кажется — свадьбы совсем уж близки,
И счастье гадалка пророчит...
И вдруг объявили отцы-старики,
Что замуж не выдадут дочек.

Исаковский.
Раздел земли

Поэты нашего времени все чаще склоняются в пользу окончательного ударения. Вариант *полю́би* встретился у Лебедева-Кумача, Жарова, Заболоцкого, Суркова, Саянова, Твардовского, Мартынова, Тихонова, Долматовского и др.; ударение *просто́й* зафиксировано у Исаковского, Дудина, Щипачева, Кирсанова, В. Рождественского, Острового, Друниной и др.

Всем хорошо известны образцовые, классические примеры ударения *глу́хи*, *пра́вы*, *све́жи*: «Вы глу́хи? — Алексей Степаныч!», «Вы пра́вы: из огня тот выйдет невредим, Кто с вами день пробыть успеет...» (Грибоедов. Горе от ума); «Как хороши, как све́жи были розы» (Тургенев). Однако и у этих слов теперь все чаще наблюдается окончательное ударение:

И богу сумрачному в пику
И к справедливости глухи́,
Расчетную предъявят книгу,
Где все отчищены грехи...

Винокуров.
Артель по выведению пятен

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы. Свое сказали
И уже навек правы́.

Твардовский.
Василий Теркин

И темнота топила, торопила.
И были росы терпки и свежи́,
И с шумом выбегали на тропинки
Клюющие нестрашные ежи.

Борисова.
Дорожные заметки

Конечно, не у всех прилагательных краткие формы множественного числа развивают окончательное ударение. По-прежнему говорят: *га́дки*, *гу́лки*, *жа́рки*, *жу́тки*, *сла́дки* и пр. В то же время очевидно, что перемещение ударения на окончание — это объективный процесс, охвативший значительное количество слов и существенно повлиявший на прежнее представление о нормах ударения. Не случайно поэтому многие современные словари уже

вынуждены утвердить ранее считавшиеся незаконными варианты *близкí, вернóй, полнóй, простóй* и др. (при этом, естественно, сохраняют права и традиционные ударения: *блízки, вёрны, полны, прбсты* и др.).

Причины этого сдвига ударения на окончание в кратких формах множественного числа остаются не до конца ясными. Вероятно, здесь сказалось воздействие нескольких факторов. Во-первых, влияние прилагательных, исконно имеющих паконечное ударение в кратких формах: *болы́й, смешнóй* и т. п. Во-вторых, перенос ударения создает в этом случае характерное для современного русского языка противопоставление форм единственного и множественного чисел. К тому же новое ударение часто оказывается полезным в смысле разграничения синтаксических функций полных и кратких форм; ср.: *вёрные* (определение) *слуги* — *слуги ему вернóй* (сказуемое). Следует, наконец, отметить, что многие сосуществующие варианты ударения (например, *вели́ки* и *великí*) вовсе не являются избыточными. Они получают важную смысловую специализацию: *подвизи егс вели́ки* — *ботинки ему великí*.

*

Таким образом, хотя колебания ударения у прилагательных и создают сейчас некоторые трудности для его усвоения, общее и достаточно определенное направление акцентологического развития (перемещение ударения ближе к концу слова или на окончание) обещает в дальнейшем бóльшую стройность и однотипность ударения у этого разряда слов.

К. С. ГОРБАЧЕВИЧ

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

В. Н. Семенов из Вологды спрашивает: «Как будет правильно: *гротёсковый* или *гротескóвый*?».

В этом слове следует ставить ударение на втором слоге: *гротёсковый*.

Отвечает

ЗАВ. КАФЕДРОЙ ИЛИ ЗАВКАФЕДРОЙ?

Как правильно орфографически оформить подпись под документом: *зав. кафедрой* или *завкафедрой*? *зав. отделом* или *завотделом*? *зам. министра* или *замминистра*? С подобными вопросами довольно часто обращаются в «Службу языка». При этом иногда ссылаются на пособие А. И. Кайдаловой и И. К. Калининой «Современная русская орфография» (М., 1976), которое предусматривает только слитное написание таких образований: *замминистра, замдекана, завкафедрой, завкладом, завотделом, завсектором, помдиректора.*

Эта рекомендация представляется несколько неполной и односторонней. Действительно, сложносокращенные слова, со-

стоящие из двух компонентов, первый из которых усечен, а второй представлен полностью (в лингвистике их принято называть частичносокращенными словами), пишутся слитно. Однако написания *зам. министра, зав. кафедрой, пом. директора* и другие графические сокращения тоже вполне правомерны, но соответствуют они не одному слову, как *замминистра, завкафедрой*, а словосочетаниям: *заместитель министра, заведующий кафедрой* и т. д.

Авторы названного пособия отмечают: частичносокращенные слова «произносятся как единый звуковой комплекс», графические сокращения в устной речи «расшифровываются». Таким образом, *зав. кафедрой* и *завкафедрой* — это различное написание двух самостоятельных образований — словосочетания *заведующий кафедрой* и частичносокращенного слова *завкафедрой*. И речь должна идти не о правильности или неправильности написания, а о том, в каких случаях нормативно использование составного наименования, а в каких — частичносокращенного слова.

Но прежде — несколько сведений из истории частичносокращенных слов в русском языке. Как и аббревиатуры других типов, они стали активно создаваться в первые годы после Октябрьской революции. Многие из этих слов прочно

закреплялись в словарном составе, подчас вытесняя из употребления соотносительные словосочетания. Некоторые слова, созданные в 20—30-х годах, и сегодня остаются вполне нейтральными, широкоупотребительными наименованиями: *агитпункт, политотдел, профсоюз, сберкасса, стенгазета, хозрасчет* и др.

Однако уже в то время судьба многих подобных образований складывалась по-иному. Часто они оставались в положении неофициальных, так сказать, «вспомогательных» или просто случайных наименований. Такие слова, как *железнодорога, зубврач, личсостав* и другие, обладали сниженно-разговорной стилистической окраской, поэтому область их употребления была ограниченной. В условиях отчетливо выраженной в 20-х годах моды на сокращения подобные слова нередко создавались без всякой надобности и, естественно, не могли претендовать на роль полноправных наименований. Неслучайно поэтому злоупотребление «приемами сокращения» вызывало резкий протест современников и осмеивалось в многочисленных пародиях. Вот одна из них:

Мы все говорим телеграф-
языком.

Иш лозунг — скорей и
короче...

И стало так трудно изящным
стихом

Описывать лунные ночи.

Придется примерно описывать
так:

Лунночь вся была нежистома,
Когда два граждвора украли
кухбак,

Презрев недремоко домкома.

Н. О г н е в.

Дневник Кости Рябцева

И, естественно, некоторые из частичносокращенных слов со временем вышли из употребления. Например, в словарях сокращений 20-х годов и «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова представлены как вполне нейтральные *колдоговор, соввласть, совреспублика* и другие, полностью замененные позднее словосочетаниями.

Стилистически окрашенными оказываются многие слова и в наши дни. В частности, образования *завотделом, замминистра, помдиректора*, несмотря на их широкую распространенность в современной литературной речи, не стали официальными наименованиями. Ими являются словосочетания *заведующий отделом, заместитель министра* и т. д. Образования типа *завкафедрой, замдиректора* устойчиво сохраняют окраску «неофициальности». Поэтому основной сферой их распространения остается устно-разговорная речь, откуда они проникают в язык прессы и художественной литературы: «Завкафедрой захотелось объяснить студентам, что такое „блочная“ схема» («Литературная газета», 9 ян-

варя 1980); «В горькоме партии завотделом Чистякова.. заметила Лосеву, что самодеятельные эти экскурсии роняют авторитет городских властей» (Д. Гранин. Картина).

В языке различных документов, газетной информации, научных работ и т. д., как и вообще во всех случаях, когда необходимо привести официальное «должностное» наименование, норме будет соответствовать только употребление словосочетаний: «От заведующего кафедрой требуют одного — включить новичка в план повышения квалификации...» («Правда», 16 января 1980); «На проблеме нравственного воспитания молодежи остановился в своем выступлении заведующий кафедрой...» («Правда», 7 февраля 1980); «Заведующий отделом строительства... был направлен в командировку в Норильск» («Правда», 29 января 1980). В письменной речи допустимо графическое сокращение развернутых названий: «У него

четырёхлетний стаж, а он зав. отделением и самый опытный хирург — такие сложились обстоятельства» («Комсомольская правда», 12 декабря 1979); «...бывший студент Киевского политехнического института Лобановский — тренер футболистов, инженер Старшинов — зав. кафедрой физкультуры...» («Литературная газета», 13 февраля 1980).

Таким образом, словосочетания с первым компонентом *заведующий, заместитель, помощник* — официальные и стилистически нейтральные названия должностей, а частично-сокращенные слова на *зав-, зам-, пом-* — неофициальные, разговорно-окрашенные наименования. На письме словосочетания могут передаваться сокращенно: *зав. сектором, зам. министра*; в официальной и служебной переписке, а также в обращениях и подписях различных документов допустимы только такие сокращения.

С. И. ВИНОГРАДОВ

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

«Различаются ли между собой слова *двигающий* и *движущий*?» — спрашивает А. Н. Петров из Минска.

Данные слова различаются значением: *двигающий* — перемещающий, толкая или таща (*Человек, двигающий толстое бревно*), (*перен.*) содействующий развитию чего-л. (*Ученые, двигающие науку*); *движущий* — приводящий в движение (*Колеса, движущие что-л.*), (*перен.*) ведущий, побуждающий (*силы, движущие что-либо*).

**«ДЛЯ
КАЖДОГО
РОДА
РЕЧИ
ПРИГОДЕН
ОСОБЫЙ
СТИЛЬ»**

●

Наверное, многим из нас придется выступать — кому реже, а кому чаще — перед многочисленными слушателями. Это могут быть собрания и совещания, конференции, симпозиумы, лекции и многое другое. И где бы ни выступали, о чем бы ни говорили, мы всегда думаем: поймут ли нас? Опытнейший пропагандист, яркий оратор, большой знаток народной аудитории М. И. Калинин советовал: «Когда говоришь.., надо думать не только о том, как сам понимаешь то или иное событие, а и о том, как его воспримут другие». Конечно, прежде всего мы стремимся завладеть вниманием слушателей, добиться их доверия, убедить.

Язык и стиль выступления обусловлены видом, целью и содержанием речи, обстановкой, в которой она произносится, квалификацией слушателей. Аристотель учил: «Не должно ускользать от нашего внимания, что для каждого рода речи пригоден особый стиль, ибо не один и тот же стиль у речи письменной и у речи во время спора, у речи политической и у речи судебной». Языковые средства при этом выступают в системе, их выбор целенаправлен. Вузовская лекция отличается от научно-популярной, речь на съезде — от дискуссии на собрании и от выступления в кружке.

Речь пропагандиста максимально конкретна, предметна, наглядна. А это достигается использованием в выступлении ярких и

доходчивых примеров, цифр, ссылок на документы, подробным описанием процессов, цитированием, наконец, языковыми изобразительно-выразительными средствами.

Разберем отрывок из речи В. Володарского (1891—1918), выдающегося революционного оратора, который произнес немало страстных речей, производивших огромное впечатление на слушателей. Он был петроградским комиссаром по делам печати, пропаганды и агитации, а также редактором «Красной газеты». Как вспоминают современники, Володарский покорял слушателей оригинальной, эмоциональной речью. Сила убедительности его речей была огромна, ибо они шли от сердца, выражали веру в будущее. Вот он выступает 13 апреля 1918 года с напутственной речью перед агитаторами, закончившими в Петрограде курс специальной школы агитаторов для провинции. В. Володарский рассказывает бывшим рабочим и крестьянам о текущем моменте и о внешнем положении России:

«Американский капитал не хочет, чтобы Япония усиливалась. И сейчас американский посол предложил Японии взять свои две роты из Владивостока. Она отказалась. Быть может, они передерутся... Наши расчеты оказались правильными. Мы были правы, когда говорили, что союзные империалисты не смогут напасть на нас; стиснув зубы, затаив ненависть по отношению к нам, они будут с нами заигрывать...

Империалисты остаются империалистами всегда — сколько бы они ни жрали, им хочется жрать еще более. На днях лишь в германском рейхстаге при обсуждении нашего мирного договора нашлись юнкера, которые вопли и заявили: „Что же вы, господин канцлер, наделали, отпустили Россию и не взяли контрибуции“. Им, оказывается, мало того, что было взято! Я не знаю, что ответил канцлер. Но я не сомневаюсь, что он почесал в затылке и сказал: „Верно, можно было взять, а я не взял“. И через неделю этот канцлер придерется и скажет: „Господа почтенные, с вас следует получить контрибуцию“».

Условия выступления, тема и квалификация слушателей диктовали выбор языковой формы речи. Этот отрывок, как и речь в целом, содержит большое количество разговорных и просторечных слов и словосочетаний: *передерутся, стиснув зубы, заигрывать, жрать, почесать в затылке,*

придерется... Конечно, разговорная форма выбрана не случайно: Володарский выступал перед агитаторами, которые еще совсем недавно стояли у станков. Его речь поэтому максимально конкретна, предметна, наглядна. Выводы и рассуждения основываются на подробном объяснении мысли. Устно-разговорный характер выступления создает также теплую тональность и задушевность. Оратор скорее беседует со слушателями, чем произносит перед ними речь. Все выступление Володарского пронизано мягким юмором, который вызывает у слушателей смех, делает речь непринужденной и легко воспринимаемой.

А вот отрывок из доклада народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина (1872—1936) на V съезде Советов 4 июля 1918 года: «Что касается стремления навязать нам одну форму уплаты обязательств, именно уплату товарами, то мы обращаем внимание на то, что наш решительный отказ согласиться на эти притязания не означает ни в какой мере отказа снабжать Германию сырьем и продуктами промышленности в рамках нашего положения как нейтральной страны. Мы готовы давать Германии то, что мы можем давать без ущерба для наших жизненных интересов... Но наш интерес, интерес истощенной страны, требует, чтобы за товар, представляющий теперь в Европе ценность и редкость, получать товар, необходимый нам для возрождения производительных сил страны...

И по сей день наша революционная Сибирь находится под угрозой иноземного вмешательства. 5 апреля произошла высадка во Владивостоке японского десанта, с тех пор все время там остающегося... В настоящее время в Японии идет борьба между представителями реакционной военной партии, стремящимися вызвать конфликт с русским народом во что бы то ни стало, чтобы воспользоваться нашей слабостью для собственного обогащения, и представителями умеренных либеральных течений, которые хотели бы получить от нас определенные выгоды мирным путем и не создавая из России себе врага в будущем, ибо они прекрасно понимают, что вмешательство Японии в русские дела предрешит наши взаимные отношения и, может быть, всю дальнейшую историю Дальнего Востока».

Это официальная речь на съезде; она резко отличается от предыдущей средствами выражения. Тема та же, но ус-

ловия сообщения другие: выступление перед делегатами съезда. В докладе содержится большой фактический материал о нашей международной политике, о политических и экономических связях Советской республики с иностранными государствами в первые месяцы после Октябрьской революции. Для речи характерно употребление слов и словосочетаний, свойственных официальному стилю: *вмешательство, форма уплаты, решительный отказ, ни в какой мере, продукты промышленности, нейтральная страна, жизненные интересы, представлять ценность, производительные силы, вызвать конфликт* и т. д. Синтаксис речи сложный, характерный более для письменной речи, чем для устной.

Стилевая организация академической лекции совершенно другая. Возьмем, например, лекции известного физиолога И. П. Павлова, принадлежавшего к тем ученым, которые много сделали для развития отечественной науки и ее популяризации. Он очень тщательно готовился к лекциям для студентов. Ученик И. П. Павлова профессор Н. А. Рожанский вспоминает: «Публично, устно и в печати Павлов выступал только после тщательной проверки. Всякую свою речь он предварительно так отделявал, что после выступления ее можно было сразу сдавать в печать. Я помню его выступление в Москве в 1913 году в Обществе научного института. В то время я работал в Московском университете. Узнав о его приезде, я днем зашел к нему... Как всегда, он был приветлив, просил меня прочесть вслух его собственную речь, которую он должен был сказать вечером. Когда я читал, он с вниманием следил за каждым словом, стараясь представить, как эту речь будут воспринимать слушатели. Вечером свою речь Павлов не читал, а говорил, однако, как мне показалось, почти слово в слово то, что я днем прочел в его написанной речи».

Лекции И. П. Павлова имеют, естественно, все черты, присущие научному стилю: логическую строгость, объективность и последовательность изложения, точность формулировок, прямой порядок слов и четкий синтаксис, использование терминов, абстрактных слов. Приведем пример:

«Основным исходным понятием у нас является декартовское понятие, понятие рефлекса. Конечно, оно вполне научно, так как явление, им обозначаемое, строго

детерминируется. Это значит, что в тот или другой рецепторный нервный прибор ударяет тот или другой агент внешнего мира или внутреннего мира организма. Этот удар трансформируется в нервный процесс, в явление нервного возбуждения».

В приведенном отрывке — четкие синтаксические построения, терминологическая и абстрактная лексика, использование в первую очередь логических средств воздействия и убеждения, объективный подход к изложению и т. д. Эту лекцию, конечно, трудно воспринимать, потому что она, как и всякая академическая лекция, предназначена для людей, имеющих определенную подготовку по данному предмету. Лекции И. П. Павлова привлекали внимание и физиологов, и многих врачей, и большое количество слушателей, интересующихся физиологической наукой. Читал лекции И. П. Павлов прекрасно. Поэтому и не удивительно, что послушать ученого приходили преподаватели высших учебных заведений и просто многочисленные почитатели его лекторского таланта.

В академических лекциях И. П. Павлова сравнительно мало эффектных образов, метафор, словосочетаний, нет какой-либо развлекательности. Язык фактов ученый считал самым действенным. «Факты — это воздух ученого», — говорил И. П. Павлов.

А вот стиль его выступлений в дискуссиях. Во время полемики И. П. Павлов обращался к ораторским приемам и элементам разговорной речи. С какой экспрессией, напряженностью звучат слова, направленные против ученого-идеалиста: «Если бы он сколько-нибудь думал, он должен был бы сказать следующее. Я положил письмо в карман. Я нес это письмо. Я задумался. Я позабыл об этом письме и прошел мимо ящика. Потом я увидел ящик, который попал мне на глаза, тогда мысли совпали, и я положил письмо в ящик. Вот настоящая ассоциация. А он все перепутал. Это черт знает что такое! Вот такие господа анализируют высшую психическую деятельность. Далеко они пойдут!».

Проанализируем два отрывка из выступлений И. И. Соллертинского (1902—1944). Музыковед, филолог, театровед, исследователь, критик, педагог и, наконец, блестящий

оратор — облик его поражал своей многогранностью. Общение с И. И. Соллертинским — писателем, собеседником, оратором, лектором — создавало творческую, интеллектуальную атмосферу. Его речь, стремительная, неотразимая, удивляла, увлекала и покоряла. Вот он выступает 5 февраля 1935 года на дискуссии о советском симфонизме:

«Две тенденции... Одна из них — „Давайте не бояться упреков в эклектизме и эпигонстве! Давайте не заботиться о собственном лице!“. Почему? Что это — свидетельство о бедности? Свидетельство о том, что мы ничего оригинального создать не можем? „Пишите, что хотите, а лицо само уж будет видно!“ Неверная теория. Конечно, не нужно представлять демократизацию языка в таком упрощенном виде. Никто не отрицает и того, что новая интонация сначала может показаться непонятной, непривычной. Но тенденция все же была, и она показалась мне рискованной, потому что мы не так бедны, чтобы защищать право на любое творчество. Мы достаточно богаты композиторскими силами, чтобы говорить об отборе, об оригинальном творческом лице».

Эта речь — ответная реакция на предыдущие выступления, поэтому И. И. Соллертинский цитирует слова других ораторов и ссылается на их мнения. Предложения в речи небольшие, что создает динамику высказывания; все выступление пронизано эмоционально-экспрессивной окраской.

Приведем отрывок из доклада «Мировое значение русской музыкальной культуры», прочитанного И. И. Соллертинским в Доме ученых в Москве 21 ноября 1943 года: «Основным принципом русской музыки, отличающим ее от иных национальных музыкальных культур, является последовательное проведение идеи музыкального реализма, понятого как морально-общественный долг художника перед народом. Этот реализм менее всего означает регистрацию или коллекционирование художником собственных чувств или ощущений или звуковую фотографию действительности. Он противопоставляет себя всякому „ушеугодию“ (иронический термин Балакирева), гедонистической эстетике, пониманию музыки как забавы или „звуковой гастрономии“. Он всецело строится на широких философских обобщениях... и насквозь проникнут жгучим мораль-

ным пафосом и страстным правдолюбием. Если в западно-европейской музыке этическое начало являлось преобладающим лишь у отдельных великих музыкантов, именно поэтому обычно остававшихся в трагическом одиночестве (Бетховен, Малер, отчасти Берлиоз), — в русской музыке оно красной нитью проходит через все эпохи ее исторического становления, вне зависимости от борьбы отдельных творческих группировок».

Этот доклад предназначен для подготовленных слушателей. Он отличается от предыдущего отрывка способом изложения. Сознательная лаконичность выступления сильно влияет на отбор лексики; здесь используются в прямом значении книжные слова, в том числе и специальная терминология: *принцип, идея, реализм, регистрация чувства, ощущения, действительность, гедонистический, эстетика, этический*; устойчивые словосочетания: *основной принцип, национальные музыкальные культуры, музыкальный реализм, морально-общественный долг, гедонистическая эстетика, страстное правдолюбие, великие музыканты, проходить красной нитью*. Почти каждое существительное в приведенном отрывке имеет определение: *философские обобщения, отдельные великие музыканты, творческие группировки, историческое становление*. Образная экспрессивность создается употреблением таких слов и словосочетаний, как *ушеугодие, звуковая гастрономия, жгучий моральный пафос, страстное правдолюбие, трагическое одиночество*.

Анализ этих отрывков позволил показать характерные языковые черты некоторых стилей устной речи. Языковой стороне выступлений не всегда уделяется достаточно внимания, в результате чего нередко встречаются речевые штампы, непонятные слова, сухость языка, что снижает эффективность выступлений перед массовой аудиторией.

Умение глубоко раскрыть сложные проблемы, ярко, убедительно, действенно изложить мысль — результат огромной работы и над содержанием выступления, и над его формой. К этому призывает нас постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»: «...особое внимание уделять стилю, языку, преодолевать многословие и казенщину, заботиться об оперативности, убедительности и доходчивости выступлений».

Н. Н. КОХТЕВ

ОБ ОРАТОРСКОМ ИСКУССТВЕ С. М. КИРОВА

Великий вождь пролетариата В. И. Ленин воспитал целое поколение большевиков, которые умеют думать и говорить мыслями и словами миллионов. Одним из ярких представителей этого поколения был Сергей Миронович Киров. Большевицкая правда речей и неразрывная связь с революционной массой — две черты пролетарского оратора нашли воплощение в мастерстве Кирова-трибуна.

А быть пролетарским оратором — это вовсе не значит быть оратором вообще. Только рабочий класс в его суровой революционной борьбе создает этот особый вид красноречия, где нет лишних слов, где мысль находит предельно отточенную форму, где слово и дело скрепляются воедино безыскусственной простотой.

В музее-квартире Сергея Мироновича Кирова в Ленинграде среди прочих экспонатов привлекает к себе внимание скромный, но примечательный документ. Это — карточка — характеристика С. М. Кирова, составленная руководителями Бакинской партийной организации в 1923 году. Вот отрывок из нее: «Особые достоинства и недостатки. О т в е т. Особым достоинством является то, что он первоклассный и великолепный оратор».

С. М. Киров был выдающимся пролетарским оратором.

Ораторское мастерство Кирова отражало революционный опыт подпольщика-журналиста, автора пламенных передовых и острых политических статей во владикавказской газете «Терек». Однажды сотрудницы Смольного, проработавшие много лет с С. М. Кировым, спросили, учился ли он когда-нибудь делать доклады. Вот что он им ответил: «Да, я учился технике речи. Раз мне по характеру работы приходится часто выступать, я обязан это делать как можно лучше. А для этого нужна настоящая учеба». Известно, что молодой Киров увлекался полемическими статьями Д. И. Писарева и хорошо знал их. Большое влияние на Кирова-журналиста времен «Терека» оказывали труды Б. В. Плеханова, широко распространявшиеся в дореволюционной среде марксистов. Сергей Миронович читал статьи и речи замечательного французского революционера Ж. Жореса и других зарубежных ораторов, учился у них.

И при всем этом важнейшей школой Кирова-оратора были труды Маркса, Энгельса и Ленина — ленинская школа, неразрывно соединяющая деятельность пропагандиста и агитатора с практикой революционной борьбы. Указания общего и частного порядка, содержащиеся в статьях и выступлениях В. И. Ленина по вопросам агитационной работы, нашли талантливое воплощение в речах С. М. Кирова. Конкретность агитации, знание нужд и настроений аудитории, доступный массам язык — важнейшие требования, предъявляемые В. И. Лениным к пролетарской агитации. Лозунг пролетарского оратора: не декларировать, а объяснять — почему. Именно объяснять, доказывать, доводить до сознания широчайших народных масс.

Речами-беседами были многие выступления В. И. Ленина. А вот как передают рабочие Ленинграда свои впечатления о речах Кирова: «Он выступал исключительно просто, быстро овладевал аудиторией, словно беседовал с глазу на глаз» («Правда», 2 декабря 1934). Учась мастерству у великого вождя пролетариата, С. М. Киров доводил речь до сознания каждого слушателя. Он как бы говорил одновременно и для всех, и для каждого в отдельности. Этим и объясняется непобедимое воздействие речей С. М. Кирова на ум и волю слушателей.

Партия всегда посылала Сергея Мироновича туда, где были самые большие трудности — военные, хозяйственные или политические. После XIV съезда партии Цент-

ральный Комитет направил его в Ленинград для разгрома троцкистско-зиновьевской оппозиции, выступившей против генеральной линии партии, против ленинского плана построения социализма в нашей стране. Приехав в Ленинград, Киров каждый день выступал на партийных собраниях заводов, на районных партконференциях, у комсомольцев, неустанно разъяснял и отстаивал решения XIV съезда, курс партии на социалистическую индустриализацию страны. Просто и понятно излагал он рабочим самые сложные, запутанные вопросы, беспощадно разоблачал обман, лживую демагогию оппозиции и в немногих словах умел показать существо борьбы за генеральную линию партии.

Как любили рабочие ленинградских заводов и фабрик слушать речи и доклады Сергея Мироновича, живые, острые, всегда насыщенные ненавистью к классовому врагу! Об этих докладах знали заранее, к ним готовились, как к большим торжественным праздникам. В переполненном зале, затаив дыхание, слушали рабочие своего «Мироныча». Вот Киров начал речь. Говорит внятно, четко, просто и понятно. Потом вдруг, как бы мимоходом, скажет свое изумительное кировское крылатое словечко, полное юда и сарказма, жгучей издевки над врагом, и весь зал грохочет от смеха и раздражается бурей аплодисментов. А он, серьезный, дает успокоиться этому взрыву и продолжает говорить.

Разоблачая троцкистский тезис о невозможности построения социализма в одной стране, Киров приводит такой пример:

«Вот вы делаете машину. И у вас закрадывается сомнение: „Зачем мы трудимся над этой машиной, не зная, что из нее выйдет. Может быть, и не машина у нас выйдет, а лодка дырявая? — Будете ли вы с энтузиазмом тогда строить эту машину?» («Правда», 8 декабря 1934). Или в другой речи — о том же: «Ведь в самом деле, возьмите любое дело, которым вы занимаетесь; например, если ты делаешь червонцы и если у тебя, когда ты приступаешь к работе, нет убеждения, червонец ли у тебя выйдет или блин со сметаной [смех], то ведь так работать нельзя. Это неоспоримо в самых простых и пустых вещах. Это каждый человек понимает, что, прежде чем приступить к работе, надо знать, что выйдет».

Характерной чертой «мелодики» кировских речей является периодическая смена патетических взлетов проза-

ическими, будничными вопросами, которые логически готовят яркое обобщение и новый подъем, полный революционного пафоса. Подымая слушателей на высоту, с которой видны самые отдаленные перспективы, он будил в них уверенность в успехе и желание трудиться. А затем следовал переход к трезвой деловой критике. Вот он похвалил уровень производства, вызвал в ответ бурю аплодисментов, а потом вынул из кармана погнутую ложку и сказал еще аплодирующему собранию: «А вот ложек делать не умеем... Приходит наш знаменитый пролетарий в столовую, берет ложку, а она гнется у него в руках, как бумага гнется...». И на фоне смущенного смеха Киров блестяще развивал ленинскую тему о внимании к мелочам — именно в плане освоения техники.

Киров избегал в своих речах традиционных ораторских вступлений и переходил обычно сразу же к постановке вопроса. Очень часто он отсылал слушателей к известным партийным документам — решениям, директивам и оставивался на самых важных положениях. При этом широко пользовался риторическим вопросом, который в живой форме обращения определяет тему разговора и как бы призывает слушающих принять участие в обсуждении.

Предельно ясной и простой была система доказательств в речах Сергея Мироновича. Постепенно подводя слушателей к окончательному выводу, Киров как бы вместе с ними тут же размышлял вслух, утверждался в своей правоте: «Это бесспорная истина»; «Если это верно, то должно быть верно и другое» и т. п.

В речах Кирова преображалась внешне сухая материя цифр, ибо за всеми числовыми выкладками он всегда видел их живое содержание, их «душу» и умело передавал это своим слушателям: «О чем говорят эти цифры, товарищи? Я не буду приводить вам этих цифр подробно, я укажу только на самые главные...». Или: «Есть очень интересные цифры, — вы, вероятно, их видели, — цифры нашего Госплана, которые впервые подводят итоги тому, что мы сейчас имеем в нашем хозяйстве» и т. п. Цифры всегда были наполнены живым и острым политическим материалом, оттого они и были так органичны в его устных выступлениях и докладах.

Интересна и поучительна манера отсылок и цитирования в публичных выступлениях С. М. Кирова. Очень редки в его речах случаи точного цитирования (с указанием страницы, полного названия источника и т. п.), которое более

оправдано в печатном тексте, а при устной передаче отвлекает внимание слушателей, мешает вникнуть в смысл приводимого текста. Для речей Кирова характерно так называемое свободное цитирование — пересказ мысли или теоретического положения, сливающийся с собственной речью оратора. Все подобные ссылки на источники Сергей Миронович начинает обычно словами: «Вы помните, что Владимир Ильич говорил...»; «Мы утверждаем вслед за Лениным»; или риторическим вопросом: «Чему учил Ленин?» и т. п.

Очень часто он брал известные по газетам или другим источникам факты и примеры из речей выступавших до него ораторов. Но знакомый факт всегда приобретал особую политическое или хозяйственное значение, служил средством пронизательного и широкого обобщения. Например:

«Безобразия, товарищи, доходят до того, что я не могу вам не напомнить одного случая — этот случай был описан в газетах.

Дело было в центре нашего Советского Союза, в городе Москве, в Московском отделении Иваново-Вознесенского текстильного треста. Сидел там какой-то заведующий торговой частью... И вот на днях он сделал заказ... на 100 тысяч этикеток для наклейки на мануфактурные кипы. Заказ был выполнен в 20 тысячах экземпляров и принят. На этикетках была изображена крестьянка. Приняли заказ, он понравился, заказали еще 600 тысяч этикеток. Когда весь заказ был выполнен и его преподнесли этому самому „заву“ торговой части, он посмотрел, и что с ним случилось — трудно сказать, но почему-то ему крестьянка на этикетках не приглянулась, и этикетки были забракованы. Дело было брошено, но на нем потеряли несколько тысяч целковых, а в результате эти этикетки пришлось продать частному человеку за 27 целковых.

Вот, товарищи, как будто мелочь, пустой эпизод, но разве можно равнодушно об этих эпизодах говорить в тот момент, когда каждая советская копейка должна взвешиваться на вес золота...».

Удивительное ораторское искусство Кирова было органическим, естественным проявлением искренней, честной и красивой революционной личности. Был ли это сельский сход, собрание рабочих или съезд партии — всегда его выступления создавали атмосферу внимания, уважения, подъема и любви. Невысокого роста, коренастый, Киров совершенно преображался на трибуне. Казалось, что он ста-

новится выше, вырастает на глазах. Огромным и могучим делали его уверенный голод и страстная, проникновенная речь. «Кто слышал хоть раз в жизни полную огня речь С. М. Кирова, тот никогда не забудет игры вдохновенного лица этого виднейшего народного трибуна, тот не забудет энергичный жест „Мироныча“ — иногда поднятые страстно обе руки его, словно этим движением Киров поднимал аудиторию, звал ее, вел вперед к победе», — писал Е. М. Ярославский.

А как готовился Киров к своим речам? К каждому выступлению изучал массу материалов, использовал различные источники, перечитывал экономические обзоры и составлял конспект с набросками тезисов. Будучи опытным и блестящим оратором, Киров каждый раз волновался перед выступлением. Это было естественное творческое волнение: он созидал, творил в эти моменты, мысль его была напряжена. Но как только Сергей Миронович появлялся на трибуне, волнение исчезало. Он был спокоен и чувствовал себя полным хозяином аудитории.

О том, что Киров начал готовиться к выступлению, можно было понять без труда. Знавшие его близко люди отмечают, что в эти дни он был каким-то особенным. Внешне, казалось, все было как обычно: он разговаривал, шутил, но мысль его уже где-то витала; он упорно и напряженно о чем-то думал. «— Самое тяжелое для меня — найти ось, стержень доклада», — признавался он. Но когда «стержень» был найден, Сергей Миронович становился особенно оживленным и веселым. Он подбирал книги, материалы, обдумывал детали выступления, давал многочисленные задания своим помощникам и сотрудникам. Курьер Смольного неоднократно ездил с материалами к нему на дом, возвращался и привозил новые...

Риторические приемы кировских речей, яркие примеры, шутки, цитаты, чеканные формулировки, меткие реплики — все было нанизано от начала до конца на незримый единый стержень. В узком смысле слова — это главная идея предстоящего выступления, вокруг которой должно группироваться построение речи. А в широком смысле — это волевой стержень большевистской целеустремленности, содержательного пафоса всех речей и докладов С. М. Кирова. Его выступления всегда были насыщены меткими и точными сравнениями, яркими определениями, зрительно ощутимыми образами, острой игрой слов, например:

«Могу сказать одно: из среды бывшей оппозиции в Ленинграде мы слышали, что она здесь первая стала лицом к деревне, обещала крестьянину лошадку. Теперь же, после проверки, оказывается, что здесь не только не стали лицом к деревне, но не стали даже и боком; нужно сказать, что стали к деревне совсем другим местом. Я говорю это совершенно определенно, говорю не в порядке полемики. Теперь нужно эту работу поставить как следует».

Или: «Есть такая артель белодеревцев; туда ездила целая комиссия, проверяла работу, и что же? — сколько изделий ни проверили, ни одно изделие не отвечает требованиям в смысле качества продукции. Эта артель объединяет белодеревцев, — это верно, но нужно посмотреть, нет ли там белогвардейцев у руководства этим делом?».

Язык речей С. М. Кирова, сохранивший неисчерпаемые богатства народной речи и освобожденный от диалектизмов и грубо-просторечных слов и выражений, был обогащен всеми достижениями книжно-литературной культуры. Не подделываясь по языку к слушателям, Сергей Миронович в то же время обильно использовал разговорные слова и обороты, взятые из живого, полнокровного общенародного языка. Например: *миндальничать, наклевываться, подмахнуть, припать, бузить, ляпнуть, пошуровать, припечатать* и т. п., а также *против рожна не поперешь, ни бе ни ме, набить шишек, вешать всех собак (на кого-нибудь), дело темное* и т. п. Употребленные всегда к месту и в подходящем контексте, произнесенные с соответствующей интонацией, эти слова и выражения удивительно органично вплетались в ткань кировских речей, усиливая их образность, эмоциональную выразительность.

Кировские речи остаются и сейчас острейшим оружием коммунистической пропаганды. Воплощая в себе героичку прожитых лет, они сочетают революционный пафос с глубиной теоретических обобщений, мечту о коммунизме с кропотливой повседневной работой, с задачами дня, которые из будничных становились великими, освещаясь мудрой мыслью пламенного большевика. Речи и выступления С. М. Кирова — образцы подлинно революционного ораторского искусства. На них партийные пропагандисты и агитаторы учатся высокому мастерству слова, умению передавать величайшие идеи коммунизма в ясных обобщениях и подлинно художественных образах.

Л. И. СКВОРЦОВ
Рисунок В. Комарова

ВЫГОНЯЮТ **лук,**
Использование **свеклу,**
общеупотребительных **петрушку...**
слов в
сельскохозяйственной
терминологии

Обращение к сельскохозяйственной лексике показывает, что одни общеобиходные слова, включенные в терминологию, испытывают незначительные смысловые сдвиги, другие подвергаются весьма ощутимым преобразованиям, а третьи совершенно утрачивают связи с общеупотребительным словом. В известной мере различие в степени терминологизации определяется характером значения этого слова.

Вот примеры из «Сельскохозяйственной энциклопедии». «В хорошую погоду лен подвяливают в *горстях*. Наиболее равномерное подсыхание соломы дает сушка в *шатрах*»: *горсть* — то количество пеньки или льна, которое рабочий берет в руку для трепания; *шатер* — намет или обширная палатка (В. П. Бурнашев. Опыт терминологического словаря); «*Волчки*, жировые, или водяные побеги — сильные листоносные, обычно вертикально растущие побеги, возникающие на более старых ветвях дерева»; «Отделение размножения включает в себя участки, посевной и пикировочный, на которых выращивают семенные подвои (*школа* сеянцев)»: *плодовая школа* — место выведения дичков (Справочная книга земледельца).

В русском языке конкретное значение слов тесно связано с контекстом. Значение же термина не обусловлено контекстом, оно постоянно. Например: «Здесь надо сгладить *гребни*, заплывшие за зиму» (Н. С. Соколов. Общее земледелие): *гребни* — узкие гряды (СХЭ), в 17-томном Словаре слово *гребень* имеет четыре значения, одно из них — верхний край, кромка, вершина чего-либо (стен, вала, насыпи т. п.); «*Лунка* — углубление, ямка, которая делается в приготовленной почве при посадке картофеля, рассады, семенников» (Сельскохозяйственный словарь-справочник. М.—Л., 1937),

в 17-томном Словаре *лунка* — небольшое углубление, ямка в чем-либо.

В общелитературной лексике может происходить перенесение наименования на основе общности в содержании понятий и на основе тех представлений, которые слово вызывает (см. об этом: Д. Н. Шмелев. О переносных значениях слов.— «Русская речь», 1978, № 3). Такими же путями идет создание нового наименования в сельскохозяйственной терминологии: «Полученный гибрид Мичурин назвал *посредником*. Посредник сравнительно легко скрещивается с культурными сортами персика и может служить промежуточным звеном для скрещивания культурного персика с холодостойким бобовником» (Н. А. Камшилов. Словарь-справочник садовода. М., 1957) — термин *посредник* образовался на основе общности с одним из значений слова, в 17-томном Словаре *посредник* — тот, кто содействует осуществлению связи, общению между кем-либо.

Приведем пример, в котором перенос осуществляется на основе ассоциаций: *языки* — участки проникновения верхнего горизонта в нижний, постепенно сужающиеся книзу (Толковый словарь по почвоведению); «Перед началом цветения применяют прищипку *плетей* [главных побегов]» (Справочная книга бригадира полеводческой бригады); в почвоведческой терминологии: «*Карманы* — широкие, к низу мало суживающиеся углубления верхнего горизонта в нижний» (Толковый словарь по почвоведению); «*Кольцом* условно называют круговой наплыв у основания каждой ветви» (Н. А. Камшилов. Словарь-справочник садовода).

Представляют интерес при переходе в термины уменьшительные существительные, в которых значение уменьшительности хотя и не утрачивается, но становится менее важным: «*Щиток* — срезаемый с черенка глазок (почка) с небольшим участком коры и тонким слоем древесины под ней» (Н. А. Камшилов. Словарь-справочник садовода); «*Бородки* — натежные формы на нижней поверхности камней и щебня в виде бугристых пленок или корочек» (Толковый словарь по почвоведению); «*Шейка* — подсемядольное колено, не несет листьев и обычно не имеет корней»; «Производственное значение головок и концевых частей («*хвостиков*») более значительно, чем это обычно принималось» (И. В. Якушкин. Растениеводство).

В сельскохозяйственной терминологии подобные слова иногда развивают многозначность. Такие термины используются, например, для названия болезни растений и для обозначения ее проявления: «*Кармашки* сливы, дугые сливы,— болезнь, при которой

вместо плодов вырастают длинные, жесткие, сплюснутые, мешковидные образования без косточек» (Сельскохозяйственная энциклопедия).

А вот примеры термина, который имеет два значения — 1) часть или форма растения и 2) определенная стадия в развитии растительного организма: «При развитой *вилочке* (семядольные листочки, вышедшие из семени) свеклу прорывают» (Справочная книга бригаира полеводческой бригады); «*Вилочка* — стадия начального развития сахарной свеклы» (Сельскохозяйственный словарь-справочник).

Кроме рассмотренных способов, специальная лексика располагает еще одной возможностью вовлечения обычного слова в свою систему: при включении в терминологию значение общепотребительного слова заменяется новым, специальным. Так, слово *выгонять* используется для обозначения ускоренного выращивания растений: «Выгоняют лук, свеклу, петрушку, щавель, сельдерей, цикорий, ревеня и др.» (Сельскохозяйственный словарь-справочник); *захват* — для называния обезвоживания тканей растения в результате засухи: «Захват растений — это повреждение растений, вызванное сильной сухостью воздуха» (Сельскохозяйственная энциклопедия).

Термины, образованные путем подобной замены, иногда рассматривают в качестве омонимов общелитературных обозначений, считают, если «обычное» значение и терминологическое не имеют точек соприкосновения, то можно говорить о выделении нового слова (В. П. Даниленко. Термины в современном русском языке. — «Русская речь», 1979, № 3, с. 92). Но трудно отрицать тот факт, что именно общелитературное значение позволило развиваться терминологическому. Поэтому мы рассматриваем терминологическое и общеобиходное значения в качестве значений одного и того же слова. Сравним слово *выгонять* в 17-томном Словаре: «преследуя, заставляя кого-либо уйти, выйти вон, удалиться откуда-либо; прогонять, изгонять из чего-либо» и «ускоренно выращивать сельскохозяйственные растения».

Приведенные в статье примеры не исчерпывают всего многообразия вовлечения общепотребительных слов в специальную лексику. Однако они позволяют говорить о том, что сельскохозяйственная терминология, используя общелитературные способы перенесения наименований, вырабатывает и свои приемы.

Д. К. НУРЖАНОВА

Чимкент

ОБЕЗЬЯНА — ОБЕЗЬЯНИЙ,

ОБЕЗЬЯННИЧАТЬ

■ Зоонимы и их производные

«Этот медведь наступил мне на ногу» — когда мы слышим такую фразу, сразу представляем себе неповоротливого, неуклюжего человека. «Опять эта лиса подъезжает ко мне с уговорами» — нам становится ясно, что речь идет о хитром, льстивом человеке. Общеизвестно, что названия животных — зоонимы — часто употребляются в переносных значениях (см. статью Д. Н. Шмелева «О переносных значениях слов». — «Русская речь», 1978, № 3). С помощью зоонимов обозначаются лица по каким-то качествам, свойствам, характерным для того или иного животного.

Наименования животных проявляют высокую активность в образовании прилагательных: *собачья* конура, *тигровый* мех, *лисий* мех, *волчий* вой, *обезьяний* крик. Такие прилагательные часто имеют переносные значения: называют признаки, свойства людей, поскольку сами зоонимы обладают метафорическими значениями. Особенно ярко возможность появления качественных значений обнаруживается у прилагательных с суффиксом *-й*: *кошачий* взгляд (Она такая кошечка); *бирючья* жизнь (Он живет бирюком), *собачья* преданность (Он мне предаст, как собака). «Елена Станиславовна встрепенулась, отвела кроличий взгляд от Воробьянинова» (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Характеристика человека, его внутренних и внешних качеств с помощью прилагательных, образованных от зоонимов, — явление, широко представленное в языке: *волчья* реакция, походка; *обезьянья* натура, мордочка; *кошачья* улыбка; *бычье* здоровье; *воложья* обреченность; *верблюжья* неприхотливость; *медвежья* поступь *лисы* глаза и т. д.

Прилагательные на *-иний* также могут приобретать качест-

венные значения и использоваться для характеристики человека: *козлиная бородка, крысиные глазки, лошадиное лицо, петушиный голос, ослиное упрямство* и т. п. «Наверное, вся-то суть в твоей отваге *львиной*» (Первомайский. Любовь к альпинизму); «Если, предположим, певец с *куриным* голосишком захочет петь в Большом театре, ему этого не позволят сделать» («Литературная газета», 4 октября 1978).

От некоторых зоонимов на основе переносных значений образуются и такие прилагательные: *бирюковатый, быковатый, козловатый, медведеватый (медвежеватый), лисоватый, обезьяноватый* — «подобный бирюку, быку, козлу и т. д.». Они также используются для характеристики лиц: «Хоть и лисоватый он, но все же семейный дом у него» (Ю. Рытхэу. Конец вечной мерзлоты).

Таким образом, прилагательные, образованные от наименований животных, могут служить для качественной характеристики человека. Причем они несут в своем значении оттенок сравнения.

Наличие у зоонимов переносных значений играет важную роль и в словообразовании глаголов. Очень небольшое количество их соотносится с прямыми значениями названий животных. Так, от наименований детенышей домашних животных образуются глаголы со значением «рождать детеныша»: *котиться, жеребиться, ягниться, тельиться* и др. Глагол *тельиться*, кроме основного значения «рождать телят», в просторечии может иметь и переносное — «очень долго что-либо делать из-за своей нерасторопности, неумения»: «Вторую лодку *сталкивай!* — это уже голос Иннокентия Ивановича. — *Скорей! Скорей!* — чего *телишься*» (Распутин. Живи и помни). Глаголы *тельиться* и *мычать* вместе образуют фразеологическое сочетание и употребляются в разговорной речи как шутовское обозначение действий тех, кто не говорит или не решает ничего определенного: «Потому что начальство на сей раз попало *недотепистое, ни мычит, ни тельится*» (Абрамов. Дом).

Глаголы могут называть действие, связанное с охотой на животных: *волковать, белковать, лисовать, соболевать, мышковать*. Эти слова малоупотребительны в общелитературном языке, свойственны, как правило, профессиональной речи охотников.

Таким образом, количество глаголов, связанных с прямыми значениями зоонимов, незначительно. Основная масса распространенных в общелитературном языке глаголов образована от их переносных значений. Как и прилагательные, данные глаголы служат для обозначения внешних действий лица, для раскрытия внутренних качеств человека, его поведения, черт характера.

Словом *ишак* пазывают человека, много, без отдыха работающего: «Сделали из меня ишака». В просторечии употребляется глагол *ишачить* «безропотно выполнять самую тяжелую работу»: «В голодный двадцать второй год подался на Кубань ишачить на кулаков, потому и уцелел» (Шолохов. Судьба человека). Слово *осел*, кроме обозначения животного, может использоваться для наименования человека глупого, тупого, упрямого. В просторечии возникает глагол *ослить* — «глупо шутить».

Фольклорная традиция приписывает лисе такие свойства, как изворотливость, плутовство, поэтому в разговорной речи хитрого, льстивого человека называют лисой: «Пронюхал, старая лиса» (Абрамов. Пряслины); а глагол *лисить* имеет значение «льстить, хитрить, подделываться к кому-нибудь».

Существительное *бирюк*, кроме прямого значения — «волк-одиночка», имеет метафорическое — «человек, ведущий замкнутый образ жизни, нелюдимый»; отсюда *бирючить* — «находиться в одиночестве, замкнуться, молчать»: «Эти двое бирючили, молчали с тех пор, как я пришел» (Чивилихин. Над уровнем моря). Глаголы *обезьянничать*, *попугайничать* обозначают «вести себя подобно обезьяне, попугаю». На основе переносного значения существительного *собака* возникает глагол *собачиться* — «грубо, некрасиво ругаться».

Недавно появился глагол *моржевать*. Он отличается от слов типа *лисить*, *бирючить* и т. д. особым значением. Так как зооним *морж* служит обозначением не только животного, но и закаленного человека, любителя зимнего купания в реке, проруби, то глагол *моржевать* обозначает «заниматься тем, что свойственно моржу, то есть купаться в зимнее время». От него есть отвлеченное существительное *моржевание*: «Весело шлепая по снегу босыми ногами, в одних плавках разминаются „моржи“» («Ленинское знамя», 16 декабря 1978); «...проконсультируйтесь с врачом, поговорите с ветеранами моржевания» («Гудок», 22 ноября 1978).

Развитие переносных значений у зоонимов способствует образованию глаголов, употребительных в индивидуальной речи, в языке художественных произведений: *собачить*, *растараканить*, *размедведить* и др. «На разговоры лишних слов не трачу, В руках сапожный нож, то бишь перо, верчу, Подметки строф гвоздями рифм собачу...» (А. Иванов. Ремесло). В Толковом словаре В. И. Даля представлены глаголы *сорочить* — «чесать язычок, флелтать пустяки» (ср. *сорока* — «сплетница, болтушка»), *намартышничать*, *напоросятничать*, *напсовать* и др.

Таким образом, значительная часть глаголов образуется от зоонимов с метафорическими значениями. Причем степень употребительности и стилистическая окраска их неодинакова. Слова *ишлчить*, *попугайничать*, *ежиться* и т. п. широко распространены в языке, в то время как глаголы типа *собачить* индивидуальны. Они различаются и стилистически: одни из них нейтральны, другие имеют просторечный, вульгарно-бранимый оттенок. Основная сфера функционирования большинства таких глаголов — разговорная речь.

Итак, образно-метафорическое использование зоонимов для названия лиц позволяет создавать прилагательные и глаголы, используемые для качественной характеристики людей.

Н. Г. ЮСУПОВА
Орехово-Зуево

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

«В газете «Труд» (20 февраля 1980) прочитал: «Новый танкер дедвейтом 27 тысяч тонн спущен на воду со стапеля херсонского судостроительного завода «Паллада». Что означает слово *дедвейт*?» — спрашивает С. И. Логинов из Курска.

Дедвейтом (англ. *deadweight*) называется полная грузоподъемность судна с включением веса всех необходимых для плавания запасов (топлива, воды и пр.) различных грузов, а также людей.

И. С. Иванов из поселка Кременское Калужской области спрашивает, что означает спортивный термин *гит*.

Гит (англ. *heat*) — в конном спорте — пробег лошади на короткую дистанцию; в легкой атлетике, вело- и мотоспорте — одиночный забег (заезд) на определенную дистанцию.

В. И. Кодухов

ВВЕДЕНИЕ
В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В издательстве «Просвещение» вышла книга профессора В. И. Кодухова «Введение в языкознание» (М., 1979), рекомендуемая Министерством просвещения СССР в качестве учебника для студентов педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература». Введение в языкознание изучается в вузах на первом курсе. Назначение этого предмета — служить своеобразным прологом к изучению лингвистических дисциплин, которые предстоит освоить будущему учителю-словеснику. Книга В. И. Кодухова призвана «познакомить студентов с основами науки о языке, расширить и углубить их лингвистический кругозор, дать представление об основных лингвистических терминах, выработать первые навыки лингвистического наблюдения и лингвистического анализа» (с. 3).

Будучи основным учебником по курсу, книга излагает все программные темы. Подробно рассмотрены такие проблемы науки, как общественная природа и назначение языка, язык и общество в их историческом развитии, язык и мышление, роль внешних и внутренних факторов в развитии языка, взаимодействие языков — родственных и неродственных, литературные языки, языки донациональные, национальные, а также языки

международного и междугородного общения.

Книга, предназначенная для филологов-первокурсников, несомненно, привлечет в себе внимание содержательной информативностью, простотой изложения и тех, кто интересуется устройством и жизнью языка, его историей, связью науки о языке с историей, археологией, этнографией, физиологией, антропологией, а также философскими, математическими, техническими и другими науками.

В первом разделе книги — «Общественная природа языка и закономерности его развития» — читатели заинтересуют такие, например, темы: возникновение и развитие науки о языке (в книге прослежено развитие языкознания с древнегреческого периода до наших дней, причем особо сказано о достижениях советских лингвистов — Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, И. И. Мещанинова и др.); сопоставительными средствами общения (ручная азбука для глухих, рельефный шрифт Брайля для слепых, телеграфная азбука Морзе, дорожная сигнализация, научная символика); проблема происхождения языка, многоязычие человечества (в книге рассмотрены звукоподражательная и междометная теории появления языка, различные социальные теории, подробно изложено марксистское учение о происхождении языка); сведения о наиболее распространенных языках современности — о количестве говорящих на русском (250 млн. человек), английском (290 млн.), испанском (180 млн.), японском (100 млн.), французском (60

млн.), китайском (690 млн.) и др. языках; использование искусственных международных языков (типа эсперанто); прогнозирование и создание условий для складывания будущего единого языка человечества.

Более специальным является второй раздел учебника — «Языковая система». Но и здесь немало тем, которые представят интерес не только для лингвистов, но и шире — для всех гуманитариев. Например: «Письмо, его виды и история», «Лексикография» (читатель узнает об энциклопедических и лингвистических словарях, их основных типах) и др.

Большой и свежий материал изложен в третьем разделе книги — «Классификация языков». На странице 318 приведена таблица, в которой указывается количество языков, входящих в языковые семьи (в индоевропейской — 153 языка, в финно-угорской — 18, а японский язык — «одиночка», он не имеет родственников).

Несмотря на сугубо научный характер содержания, книга легко читается. В ней много наглядного материала: рисунков, схем, таблиц; напечатаны портреты выдающихся лингвистов. Пониманию теоретических вопросов способствуют хорошо подобранные примеры из многих языков мира, чаще других привлекается материал языков народов СССР.

Освоению понятийного аппарата языкознания помогает «Предметный указатель», содержащий перечень основных лингвистических терминов. Тот, кто захочет изучить какую-нибудь проблему глубже, может обратиться к дополнительной литературе; она

указывается после каждой главы.

Рецензируемая книга — своеобразная энциклопедия первичных знаний по лингвистике.

В. Д. БОНДАЛЕТОВ
Пенза

В. Н. Сергеев

НОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СТАРЫХ СЛОВ

Спросите любого школьника, какой самый любимый его предмет. Можно не сомневаться, что даже из уст отличника вы услышите в ответ — физика или ботаника, история или математика, литература или география. И лишь очень немногие назовут русский язык.

Удивительно? Едва ли. К сожалению, зачастую преподавание русского языка в школах сводится исключительно к заучиванию грамматических правил, диктантам, изложениям и т. п. Все это, конечно, необходимо, но, как говорят ребята, — «скучно», «неинтересно».

Обидно? Безусловно. Ведь этот предмет можно сделать таким увлекательным, что он наверняка войдет в число наиболее любимых у школьников. И к этому есть реальные предпосылки. Одна из них — книги для внеклассного чтения по русскому языку серии «Мир знаний», выпускаемые издательством «Просвещение».

Недавно вышла в свет еще одна книга этой серии — «Новые значения старых слов» В. Н. Сергеева, адресованная учащимся 8—10-х классов. В занимательной форме она рассказывает юным читателям об использовании старых слов

в новых значениях. Издавна, например, *миллионеры* связывались в нашем сознании с богатством, а сейчас *миллионером* называют и летчика, налетавшего миллион километров. Или, когда мы слышим слово *дружина*, то речь может идти вовсе не о воинах князя Игоря, а о иной, современной дружине — группе трудящихся, несущих охрану общественного порядка. Таких примеров в современном русском языке великое множество. Книга В. Н. Сергеева состоит из отдельных увлекательных очерков о жизни знакомых слов. Большое внимание автор уделяет образованию у них переносных значений, переосмыслению известных всем слов. В разделе «Как возрождается слово» он говорит, что в силу «языковых и неязыковых причин появляется необходимость призвать на службу забытые слова. Они наполняются новым содержанием и начинают сверкать новыми гранями, начинают заново жить среди слов современного языка. Эти старые и малоупотребительные слова переосмысляются, обретают новые переносные значения и смысловые оттенки. В современном русском языке такими словами стали *боец, бомбардир, вожакий, династия, миллионер, наставник, новобранец* и мн. др.».

Раздел «Запово рожденные» рассказывает о старом и новом в общественно-политической лексике, о военных словах на военной и на гражданской службе, о словах из мира животных и их новых значениях, о старых словах, о мифологических именах и их современном употреблении.

В конце книги автор рекомендует, и это очень важно,

учащимся обращаться к словарям. Раздел так и называется: «Словари — друзья и помощники». Очень популярно и обстоятельно дается характеристика почти всех словарей русского языка; подробно, с примерами объяснено, как ими пользоваться.

Книга В. Н. Сергеева замечательна тем, что может расширить не только сферу лингвистических познаний у юного читателя (кстати, и у взрослого тоже), но и общий кругозор, поднять уровень культуры и эрудиции, поскольку содержит большое количество сведений из истории, литературы, культуры разных народов в разные времена.

Несомненное достоинство книги — её стиль. Автор рассказывает о словах, различных языковых явлениях простым, доступным языком, выступая в качестве собеседника читателя, щедро снабжая каждое свое сообщение примерами, любопытными фактами и историями. До предела насыщенная научной информацией книга читается легко, с неслабевающим интересом.

Адресованная учащимся работа В. Н. Сергеева — пример тесного взаимодействия науки со школой, конкретной помощи ученых-языковедов учителям в их стремлении поднять уровень преподавания русского языка.

В заключение автор обращается к читателям с такими словами: «...выбирая себе путь после окончания школы, может быть, некоторые из вас захотят заниматься изучением родного языка». К этим словам хочется добавить: ...и прочтите эту книгу.

Н. А. РЕВЕНСКАЯ

А.Н.ОСТРОВСКИЙ лексикограф

А. Н. Островский — редкий знаток и ценитель русского языка. Стилю его произведений свойственно огромное словарное богатство. Откуда же черпал писатель эти лексические сокровища? Одним из таких источников были русские территориальные и социальные диалекты.

А. Н. Островский неоднократно путешествовал по Волге. Во время этих странствований он собирал фактический и словарный материал, знакомился с судьбами людей, находил сюжеты для пьес и образные фамилии для героев своих произведений. Одно из таких путешествий писатель совершил летом 1856 года по предложению Морского министерства, которое заказало ему несколько статей о жизни приволжского населения. Поездка, к сожалению, оказалась недолгой, так как А. Н. Островский повредил в Калязине ногу и вынужден был вернуться в Москву. Второй раз писатель ездил на Волгу в 1857 году.

Эти поездки позволили ему собрать огромный исторический, этнографический, экономический, статистический и диалектный

материал. Вполне понятно, что в центре внимания А. Н. Островского оказались промыслы, связанные с Волгой: судоходство, рыболовство, изготовление снастей и других орудий лова. Он записывал местные названия рыболовецких профессий, это — *крючники, коренные водолюбивые работники, обдельщики, приборщики барок, низовые бурлаки* и т. д.; изучал типы старых рыболовецких судов: *расшивы, коломенки, романовки, тихвинки, глинковки, гусянки*; интересовался их устройством и названиями деталей: *дерево, потеси, полати, губа*. Его привлекали орудия лова: *поезд, верша, морда, мережа, ванда, рукав, кошель, хвостуша* и т. д., их внешний вид, материал, из которого они делались, способ изготовления и многое другое.

Островский извлекал материал о Волге из литературных источников того времени, периодики, собирал у официальных лиц: губернаторов, городничих, чиновников статистических комитетов, а также у частных лиц, занимающихся каким-либо местным промыслом. Писатель делает по этому поводу такие записи в своем дневнике: «Поездка за город была, впрочем, не без пользы, узнал устройство барки и название каждой ее части».

В путевых заметках «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего-Новгорода» и дневниках писателя много топонимического материала. Мы найдем там сведения о городах: Ржев, Тверь, Зубцов, Ярославль, Рыбинск, Кинешма, Калязин, Кострома, Углич, Юрьев-Поволжский, Молога, Нижний Новгород, о многих деревнях и селах, о реках Волге, Каме, Тверце, Унже, Ветлуге, Вазузе, Тьмаке, а также об отдельных населенных пунктах.

О том, что во время своих поездок по Волге писатель обращал особое внимание на язык жителей, говорят такие примечания в путевых заметках и дневнике: «Об наречиях в Тверской губернии будет особая статья», «На дороге только я убедился, до какого безобразия доходит новоторжский язык». Писателем отмечены и некоторые фонетические явления в местных диалектах. Так, в IV главе «Путешествия» он выделяет цокающее произношение: «А где же ваши мужья? — спросил я у десятского. — Которы ушли на каматесы (каменотесы), а которы дорогу циня (чинят)...».

Все местные слова Островский выделяет в тексте и дает им подробное толкование. Встретилось, например, слово *глинковка*, писатель в сноске указывает: «*Глинковки* — перевозные лодки — название свое получили от деревни Глинки, где они строятся. Видом похожи на общеупотребительные в верхних частях Волги ржевки, только меньше и легче. Деревня Глинки на левом берегу Тверцы, в 25 верстах от впадения в Волгу».

А. Н. Островский мечтал составить Словарь русского народного языка. Во время своих поездок на Волгу он собрал большой

словарный материал, который предложил Второму отделению (русского языка и словесности) Академии наук. На заседании отделения 16 октября 1880 года присутствовали: Я. К. Грот, Ф. И. Буслаев, А. Ф. Бычков, М. И. Сухомлинов, А. Н. Веселовский и И. В. Ягич. Было решено: «просить г. Островского о доставлении означенных материалов, которые, конечно, не могут не заслуживать внимания как труд такого талантливой знатока нашей народной речи».

Но сам А. Н. Островский обработать материал не успел. Это сделал после его смерти брат писателя — М. Н. Островский. В 1891 году он передал архив Александра Николаевича во Второе отделение Академии наук. Частично эти материалы использованы при составлении «Словаря русского языка», выпущенного под редакцией А. А. Шахматова. В Полном собрании сочинений А. Н. Островского (в 16-ти и 12-ти томах) имеются «Материалы для словаря русского народного языка».

А. Н. Островский долго обдумывал, обрабатывал собранные диалектные материалы. В первоначальном варианте — в «Путешествии...» — диалектное слово толкуется очень широко: дается объяснение самого явления, как в энциклопедических словарях, приводятся примеры употребления слова в исторических памятниках, его происхождение. В «Материалах для словаря русского народного языка» слово объясняется лаконичнее, нет описания самих понятий, указываются чисто лингвистические признаки: ударение (верёха, гомозá), грамматические особенности: род существительных (аравушка, *ж.*; баламутъ, *ж.*; барыга, *м.*), число (гилн, *мн.*; волочки, *мн.*). Глаголы даны в инфинитиве (годить, грабать, вабираться); указывается видовая пара к глаголам (годить: угодить — угождать) и др. У остальных слов указана их принадлежность к какой-либо части речи: *городовой* (прил.), *долгой* (нареч.), *под* (предлог), *порх!* (междом.).

Особенно разнообразны способы толкования значения слова. Чаще всего дается описание значения: *Лекáть*. Выкидывать сеть из лодки. (*Осташк.*). *Мень*. Налим (*Волга*). *Мéлуз*, м. Хлебная пыль на мельнице. (*Костром.*). Слово объясняется при помощи синонимов: *Лебедь*, м. *Лебедка*, ж. Блок для подъема груза; кран. *Локотник*, м. Подставка (кронштейн). *Назола*, ж. Тоска, кручина. (*Сиб.*). *Усилок*, м. Богатырь, силач. (*Арх.*). Поясняется значение слова через родственное, однокоренное: *Мирить*. *Мир*, м. Примирение после ссоры. *Покбевый* (прил.). (От покой). Относящийся к покойам.

У многих слов отмечено несколько значений; отдельными словарными статьями оформлены омонимы: *Гнездо*, ср. Два снопа. (*Костром.*) *Гнездо*, ср. Место в сотах, где зимуют пчелы... Вклю-

чены в Словарь фразеологические обороты: *Живая вода*. Русло, главное течение (при сплаве); *Забить реку*. Сделать закол, забой; *Кабалу наедасть*. Брать харчи в долг за отработок.

В «Материалах...» Островского имеется своя система стилистических помет трех видов.

1. Обозначена сфера употребления слова в той или иной отрасли науки, ремесла: *Мозольное дерево* [Бот.]. Алоз; *Наградка* [Плотницк.]. Широкая пила с одной ручкой; ножевка; *Подсекать*. *Подсечка*. [Рыболовецк.]. Короткое, но сильное движение рукой, в которой держат удилице, в то время, когда рыба берет насадку.; *Курица* [Театральн.]. Сетка на рампе.

2. Имеются пометы, указывающие на исторический характер слова: *Мерник* [Древн.]. Большая кадка, в которой ставили мед для брожения. XVI в.; *Мешок денег* [Старин.]. Известное количество денег. Счет денег мешками еще сохранился в Сибири.

3. Есть пометы, указывающие на экспрессивный характер слова: *Прогул*. *Прогуливать* [Шуточн.]. Отгуливать от работы, в рабочее время гулять; *Ложковой* [Шуточн.]. Лакей.

Объясняет писатель и происхождение отдельных слов: *Кобы*, *кóбцы* [От финск.]. Род юрты из кольев, покрытой кожами и землей; *Копёжная*. Изба при скотном дворе для скотоудоя [От копить], (Костром.). Приведены иллюстрации, записанные Островским от жителей разных губерний России, заимствованные из народных песен, различных исторических и литературных источников: *Плёмя*. Боковая линия отделившаяся от рода; часто противоплагается роду: «Ни роду ни племени»; «Был в племени, ездил в племя», то есть к двоюродным, к племянникам. У богатых (купцов) род — хозяева, а племя — слуги: «Жить в племянниках» — значит жить в работниках... (Костром.).

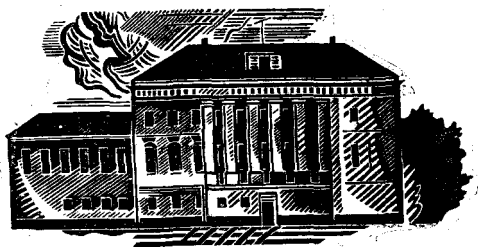
Широко представлена география слов; помещены слова северновеликорусского наречия: архангельские, вологодские, псковские, тверские, нижегородские, владимирские, ярославские, костромские; южновеликорусского наречия: курские, рязанские, тамбовские, орловские...

Словарь русского народного языка А. Н. Островского был задуман как областной: в нем должны быть только слова местных говоров. Он представляет бесспорный интерес для исследователя, как один из первых региональных словарей, в котором отражен уровень лексикографической работы того времени.

Е. П. ШЕЙНИН

Краснодар

Рисунок В. Леонова

В ИНСТИТУТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Успешно заканчивая нынешнюю пятилетку, коллектив ученых Института в настоящее время работает над планом научно-исследовательских работ на XI пятилетку (1981—1985). Учеными Института намечены для разработки в новом пятилетии более ста тем. Наиболее значительные из них войдут в пятилетний план.

Конкретная тематика этого плана определяется закрепленными за Институтом на предстоящую пятилетку основными направлениями научно-исследовательской работы (см. «Русская речь», 1980, № 1). В плане предусмотрена разработка как фундаментальных научных проблем современного русского языка и его истории, так и подготовка разнообразных справочных пособий практического назначения. Особое внимание при составлении плана уделено сближению научных исследований с потребностями жизни, более полному удовлетворению культурных запросов нашего общества.

*

Тиражом 120 тысяч экземпляров издательством «Наука» выпущен в свет «Словарь эпитетов русского литературного языка» (авторы — ленинградские лексикографы К. С. Горбачевич и Е. П. Хаблу). Это справочное пособие полезно не только для тех, кто работает со словом по роду профессии, — для журналистов, переводчиков, писателей, преподавателей, но и для всех, кто любит русский язык, родное слово, стремится говорить и писать выразительно и образно. В словаре представлено более 500 наиболее употребительных существительных, к каждому из которых дан обширный ряд эпитетов разных типов: общезыковые,

народно-поэтические, индивидуально-авторские (подробнее о словаре будет рассказано в следующем номере «Русской речи»).

В издательстве «Русский язык» опубликована книга «Новое в русской лексике. Словарные материалы — 77» (редактор Н. З. Котелова). Это справочное издание носит специфический характер. По своему типу оно представляет дифференциальный словарь, включающий более 1500 новых слов, значений и выражений. Слова сопровождаются толкованиями, иллюстративными цитатами, грамматической и стилистической характеристикой, словообразовательно-этимологической справкой. Представленные материалы не носят нормативного характера: они отражают не рекомендуемые образцы современного литературного словоупотребления, а оперативно фиксируют разнородные изменения, которые на наших глазах происходят в лексике современного русского языка.

Источниками для лексикографического отбора этих фактов послужили десять наиболее массовых и читаемых изданий, взятых за три месяца (с апреля по июнь 1977 года): газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Литературная газета», еженедельник «Неделя», журналы «Огонек», «Крокодил», «Новый мир», «Октябрь», «Юность». Отбору подлежали как слова, уже получившие распространение в нашем языке, так и факты единичного, речевого употребления — окказионализмы и индивидуально-авторские новообразования. Все это уникальный по своей ценности материал для научных целей, показывающий богатейшие выразительные возможности нашего языка. По замыслу составителей выпуск «Новое в русской лексике» должен открывать серию публикаций подобного типа.

В изданной монографии Т. Г. Винокур «Закономерности стилистического использования языковых единиц» устанавливаются и исследуются общие, свойственные коллективу закономерности употребления стилистических средств языка, использования их выразительных возможностей в процессе общения — «стилистический узус». Характеризуя эту категорию, автор выделяет комплекс единиц стилистики: стилистическое средство, прием, значение, задание (эффект) как «общий фонд выразительного использования языка». Понятие «стилистическая норма» анализируется в связи с выяснением проблемы отношения говорящего коллектива к языку, которым он пользуется как средством общения.

В книге представлен богатый, стилистически выразительный иллюстративный материал из текстов самых разнообразных жанров — прозы, драматургии, поэзии, современной публицистики, из устно-разговорной речи.

*

Ежегодно в Институте русского языка проводятся чтения докладов, посвященные памяти крупнейшего советского филолога-языковеда академика Виктора Владимировича Виноградова. В 1978 году выпущена книга «Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния» (редколлегия: Н. Ю. Шведова, В. В. Иванов, М. В. Ляпон), объединившая ранее не изданные доклады восьми Виноградовских чтений. Сейчас в производство сдана новая книга «Русский язык: проблемы художественной речи; лексикология и лексикография» (редколлегия та же), которая включает доклады, представленные на девярых и десятых Виноградовских чтениях.

В этом году в Институте состоялись одиннадцатые Виноградовские чтения. Тематика докладов охватывает различные стороны лингвистики текста, то есть специфики текстовых отношений для единиц языка и их изменений в тексте: «Вопросы структуры текста в трудах академика В. В. Виноградова» (И. И. Ковтунова), «Формы субъективации в реалистической прозе» (В. В. Одинцов), «Лингвистика текста или лингвистика речи» (Б. Н. Головин), «Грамматические категории слова в тексте и в системе языка» (А. В. Бондарко), «Конситуационная обусловленность высказывания как единого семантического целого» (Т. М. Николаева), «Структура отношения и ситуативные условия его реализации в сложном предложении» (М. В. Ляпон), «Семантические преобразования слова контекстуально стимулируемые и контекстуально нестимулируемые» (Е. С. Копорская), «Виды контекстных позиций слова в их отношении к его лексическому значению» (К. П. Смослина), «Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова» (Н. Ю. Шведова).

*

В специализированном совете при Институте О. П. Ермакова защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук — «Проблемы лексической семантики производных и членимых слов». В диссертации исследована специфика семантики производных слов в зависимости от вида словообразования, установлены основные закономерности появления них «семантического приращения», показана природа лексической многозначности у этих слов и разработана типология их значений.

РАВНЫЙ СРЕДИ РАВНЫХ

Многих читателей «Русской речи» интересует вопрос о статусе русского языка. Товарищ Ф. К. Губайдуллин из г. Кинель Куйбышевской области спрашивает, в каком случае русский язык является государственным — когда он выступает в качестве языка межнационального общения народов СССР или когда он используется нашим государством на международной арене.

Рассмотрим подробно этот вопрос. В Большой Советской энциклопедии (Т. 7, с. 176) читаем: «**Государственный язык** — в буржуазных государствах язык, обязательный в данной стране для ведения делопроизводства в учреждениях, судопроизводства, преподавания в школах и др., независимо от национального состава населения. Правящий класс обычно вводит в качестве обязательного языка свой национальный язык, умаляя тем самым права национальных меньшинств...». В многонациональных капиталистических странах, таких, как Канада, Швейцария и других, привилегированное положение государственного языка, как правило, оговаривается в конституции. Государственные языки в буржуазном обществе распространяются насильственно путем подавления других языков. В. И. Ленин неоднократно указывал на то, что марксисты отрицательно относятся к насильственному насаждению языка господствующей нации, и подвергал резкой критике выдвигание одного из языков в качестве государственного: «Демократическое государство безусловно должно признать *полную свободу* родных языков и отвергнуть *всякие* привилегии одного из языков» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 25, с. 71—72). Говоря о прогрессивном значении русского языка для развития культуры всех народов России, В. И. Ленин подчеркивал: «Мы не хотим толь-

ко одного: элемента *принудительности*. Мы не хотим загнать в рай дубиной: Ибо, сколько красивых фраз о «культуре» вы ни сказали бы, *обязательный* государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 24, с. 295).

Рассмотрим русский язык в его двух различных общественных функциях: в роли средства межнационального общения народов СССР и в роли международного языка.

В первом случае, когда русский язык функционирует в качестве средства межнационального общения народов СССР, когда мы говорим о внутрисоюзном общении наших наций и народностей, мы не можем назвать (он и не является таковым!) русский язык государственным, так как конституционно и законодательно в нашей стране закреплено равноправие всех наций и народностей, равно как и языков (а их около 130 в СССР). В статье 36 Конституции СССР говорится: «Граждане СССР различных рас и национальностей имеют равные права. Осуществление этих прав обеспечивается политикой всестороннего развития и сближения всех наций и народностей СССР, воспитанием граждан в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, возможностью пользоваться родным языком и языками других народов СССР». Как одно из важнейших положений равноправие языков выдвинуто и в Программе КПСС, где отмечается, что партия будет «обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков. В условиях братской дружбы и взаимного доверия народов национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимообогащения» (Программа КПСС. М., 1976, с. 115).

Таким образом, в политическом и юридическом отношении языки всех народов СССР занимают равноправное положение. Советское государство предоставляет гражданам полную свободу в выборе языка общения, переписки, обучения, печатных и устных выступлений. Любой советский человек, где бы он ни находился, на колхозном собрании, в народном суде, на заседаниях Верховного Совета СССР и съезда КПСС, имеет право выступать на своем родном языке. Советские граждане могут обращаться в

любое государственное учреждение устно или письменно на родном языке; например, в Президиум Верховного Совета СССР поступают письма, заявления трудящихся на литовском, татарском, мансийском, адыгейском и других языках. В национальных республиках переписка и делопроизводство в государственных, научных и культурных учреждениях ведется на национальном языке. В системе образования обучение в школах и вузах у нас также ведется на национальных языках народов СССР. В каждой республике издаются газеты и журналы на национальных языках. Развивается национальная литература народов СССР на их родном языке. Все это говорит о том, что ни один из языков СССР не пользуется у нас привилегированным положением.

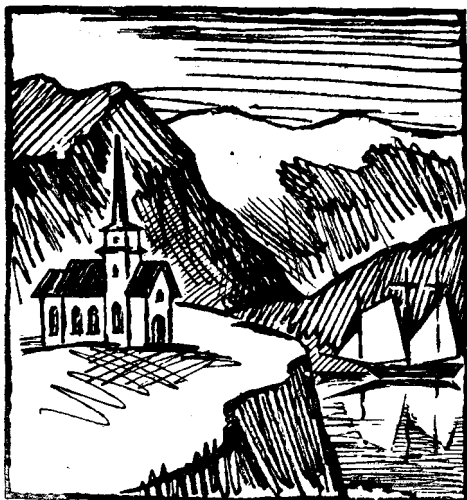
Русский язык, добровольно избранный всеми нациями и народностями нашей страны в качестве средства межнационального общения и сотрудничества, в юридическом отношении также не отличается от любого другого языка, не имеет никаких правовых преимуществ.

«Почему же именно русский язык был избран языком межнационального общения? Этот выбор далеко не случаен. Он был подготовлен всем ходом общественно-исторического развития советского общества. Еще В. И. Ленин предсказывал, что народы России обязательно выберут для себя единый язык общения, добровольно и без принуждения, в силу экономической и культурной необходимости, «ибо потребности экономического оборота всегда заставят живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства. Чем демократичнее будет строй России, тем... настоятельнее потребности экономического оборота будут толкать разные национальности к изучению языка, наиболее удобного для общих торговых сношений»; «А потребности экономического оборота, — продолжал далее В. И. Ленин, — сами собой *определят* тот язык данной страны, знать который большинству *выгодно* в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, что его примет добровольно население разных наций, тем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм...» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 23, с. 423, 424—425). Языком-посредником в нашей стране стал русский язык в силу целого ряда таких объективных обстоятельств, как нужды экономического и производст-

венного характера, политические, историко-революционные предпосылки; исторически сложившаяся традиция его употребления, а также широкое его распространение на территории нашего государства (русский язык является родным языком более половины населения СССР; кроме того, украинцы и белорусы, составляющие почти четвертую часть населения СССР, достаточно хорошо владеют русским языком как близкородственным), и наконец, чисто лингвистические предпосылки (внутренняя относительная монолитность русского национального языка, уровень его развития и совершенства и др.). Таким образом, русский язык оказался мощным объединяющим фактором в процессе экономического, политического и культурного развития народов СССР. Об этом говорится и в Программе КПСС: «Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР» (с. 115—116).

Что же касается второй функции русского языка как языка мирового, языка международного общения, языка внешних сношений СССР, то здесь понятие «государственный» не применимо уже потому, что оно относится, как мы выяснили ранее, к функционированию какого-либо языка внутри данной страны, а не на международной арене. В международных сношениях государства пользуются мировыми языками, юридически провозглашенными Организацией Объединенных Наций в качестве официальных и рабочих языков ООН. Такими языками являются английский, французский, русский, испанский, китайский и арабский. На любом из этих шести языков могут осуществляться межгосударственные политические, хозяйственные, научные и культурные контакты, проводиться международные встречи, форумы, совещания, может вестись переписка и делопроизводство в масштабах ООН и т. п. И наша страна в своей внешнеполитической деятельности пользуется русским языком как одним из шести официальных языков международного общения и международных организаций.

М. В. ОРЕШКИНА

РУССКИЙ ЯЗЫК
В
СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК В НОРВЕГИИ

Как известно, интерес к русской культуре, к русскому языку у норвежцев пробудился чуть ли не тысячу лет тому назад — во времена Ярослава Мудрого. Несмотря на то, что Норвегия отделена от России, своего восточного соседа, холодными северными морями, сильные и мужественные люди этой страны истари питали самые дружественные чувства к свободолюбивому и независимому русскому народу. Об этом свидетельствуют и русские летописи, и древние исландские саги, и многочисленные археологические находки на территории нашей Родины. Напомним об одной из них, когда при раскопках в Новгороде были обнаружены остатки так называемой «Харальдовой пристани», убедившей ученых в правдивости древнего исландского предания о норвежском короле Харальде. Выдающийся деятель Исландии, скальд, историк и филолог Снорри Стурлусон записал в XIII веке «Сагу Харальда Хардрода», рассказывающую о дружбе Харальда с киевским князем Ярославом Мудрым и его женитьбе на дочери князя Елизавете Ярославне, ставшей норвежской королевой. Эта романтическая сага, уводящая нас в глубь веков, подтверждается в XX веке убедительными документами, свидетельствующими о добрых отношениях между двумя соседними государствами. Эти отношения благотворно сказывались на взаимном обмене культурными и материальными ценностями. Богатые древнерусские города привлекали норвежских купцов,

особенно часто бывавших в Новгороде, где можно было достать самые редкие товары.

Кроме того, слава о новгородцах как об искусных строителях давно шагнула за пределы родной земли. Изумительные деревянные храмы северной Руси и теперь заставляют удивляться архитектурному мастерству древних строителей.

Вступая в различные хозяйственно-торговые, экономические, культурные отношения, народы Норвегии и Руси обменивались не только предметами материальной ценности, но и опытом в различных областях трудовой деятельности, перенимали лучшие из культурных традиций, а вместе с предметами и понятиями — слова.

Но это еще не был живой интерес к русскому языку, к русскому слову. Выход централизованного Русского государства на международную арену в XV—XVI веках повлек за собой усиление интереса к русскому языку как представителю сильного государства. Этот интерес рос по мере того, как повышался авторитет России в мире.

Осознание социально-культурного значения русского языка стало очевидным уже в XIX веке, когда Россия прославилась себя величайшими достижениями, особенно в художественно-литературном развитии.

Так, в одном из писем к датскому критику Георгу Брандесу норвежский писатель Йонас Ли замечал: «Мы должны выучить русский язык. Русью всё более пахнет в Европе — а наша общественность, как это ни странно, дремлет — мы можем очень отстать в этом деле... В нашем университете нет еще кафедры русского языка, вот какие мы недалёковидные!» (1888).

Пройдет немало лет, прежде чем в старейшем Университете Христиании (Осло) трудами основоположника норвежской славистики Олафа Брока будет создана первая кафедра славянских языков (1900). Значительно раньше поднимет вопрос о необходимости изучения русского языка в норвежских школах знаток русской культуры и первый ее пропагандист в Норвегии Ганс Блом. Будучи ректором школы в городе Тромсё, он знакомил своих учеников с русской классической литературой, переводя на норвежский язык произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. А. Жуковского, Ф. И. Глинки и других. Интересно, что стихотворения Ф. И. Глинки «Тройка» («Вот мчится тройка удалая»), «Не слышно шуму городского», ставшие народными песнями в России, и до сих пор очень

популярны в Норвегии, а русская песня «Однозвучно звенит колокольчик» столь любима и привычна норвежцам, что мало кто помнит о ее русских началах.

Кто же еще стоял у истоков норвежской русистики? На этот вопрос мы попросили ответить Пера Рестана, известного слависта, доктора филологических наук, преподавателя русского языка Университета в Осло, работающего на той самой кафедре, которую в 1900 году основал профессор Олаф Брок. Пер Рестан частый гость в Советском Союзе.

— Норвежская русистика, — говорит профессор, — знает немало славных имен. Научную и педагогическую деятельность Олафа Брока достойно продолжали Христиан Станг, мой первый учитель русского языка, Эрик Краг, Олаф Руттер, Арне Галлис. Их преемники — нынешнее поколение русистов, среди которых немало талантливых ученых и педагогов. Им принадлежит значительное число лингвистических и литературоведческих работ и переводов.

Так, в 1978 году в Норвегии вышла книга «На полпути к Луне», содержащая переведенные на норвежский язык рассказы 16 советских писателей. Большим литературным событием в стране, — вспоминает Пер Рестан, — было издание замечательного романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в прекрасном переводе старейшего норвежского слависта О. Рюттера. Русскую литературу, музыку, искусство, богатейшую историю русского народа, — продолжает профессор, — мы стремимся сделать достоянием широких масс трудящихся Норвегии. И ключ к этому богатству — в русском языке. Рано или поздно, но обязательно приходят к этой мысли те, кому близка и дорога связь с великим искусством и великим народом. Помню, — с доброй улыбкой замечает профессор, — что и сам я увлекся русским языком через русскую литературу и музыку. Моя семья жила в скромных условиях, но в книгах мы никогда себе не отказывали. В нашей домашней библиотеке было немало переведенных на норвежский и датский языки произведений выдающихся русских писателей. С детства вошли в мою жизнь Пушкин, Лев Толстой, Тургенев, Достоевский, позже — Горький, Шолохов и остались в душе навсегда.

Особенно ярко выступает в памяти один зимний вечер. Крещенские морозы. За окном сгущаются сумерки. Вдруг распахивается дверь и на пороге, подобно сказочному деду морозу, появляется дядя Эйнер. Зная о том, что в нашей семье любят музыку Петра Ильича Чайковского, он принес подарок — грампластинку с записью музыки из балета «Щелкунчик». Еще и еще раз слушаю я «Вальс цветов»... Именно в

эту ночь и родилась во мне мысль — выучить русский язык. Через несколько дней я уже был учеником известного слависта профессора Христиана Станга. Потом в Праге в Карловом университете учился русскому языку у профессора Леонтия Копецкого. Именно здесь, в Праге, русский язык сыграл большую роль и в моей личной жизни, — с веселой искоркой в глазах замечает Пер Рестан.

— Здесь встретил я свою будущую жену и покорил ее попыткой передать своеобразную поэтичность норвежской литературы устным переводом для нее с норвежского на русский сказки П. К. Асбьёрнсена «На восток от солнца, на запад от луны». А теперь Людмила Ярославна — мой первый и надежный помощник в области русского и чешского языков.

Таким образом, русская литература и музыка привели меня к русскому языку, изучению которого я посвятил свою научную деятельность.

Зная, что профессор увлекается синтаксисом современного русского языка (известна книга Пера Рестана «Синтаксис вопросительного предложения»), мы попытались выяснить причину его интереса.

— Синтаксисом я занимаюсь давно, а книгу посвятил одному из интересующих меня вопросов в нем, — говорит П. Рестан. — Меня всегда поражала явная «дискриминация»: в грамматической литературе вопросительным предложениям уделялось ничтожное внимание по сравнению с повествовательным. Это и побудило меня попытаться исправить такое неравномерное распределение и поставить вопрос на подобающее ему место в синтаксисе.

В 1968 году норвежские русисты организовали ассоциацию преподавателей русского языка, которая вошла в состав МАПРЯЛ, а в 1973 году в Бергенском университете была открыта специальная кафедра русского языка и литературы (пока единственная в Норвегии), которая также стала членом МАПРЯЛ. Одна из задач ассоциации — пропаганда русского языка в Норвегии, оказание методической помощи преподавателям школ, гимназий, различных курсов в повышении эффективности преподавания русского языка, обеспечение учителей-практиков методическими пособиями.

Составлением учебных пособий занимались многие норвежские слависты (Ганс Блом, Олаф Брок, Арне Галлис и другие). пользуются популярностью в стране и книги, написанные советскими специалистами, в частности «Русский язык для всех» под редакцией В. Г. Костомарова. Однако, как отмечает П. Рестан в своей статье «Русский язык в Норвегии» (см.:

журнал «Русский язык за рубежом», № 3, 1979, с. 126), хорошего современного учебника русского языка, написанного специально для норвежцев, пока нет. До сих пор и норвежские переводчики не имеют в своем распоряжении большого русско-норвежского словаря. Правда, в настоящее время, над созданием такого словаря работает группа советских и норвежских лингвистов под руководством профессора В. П. Беркова.

Как бы ни были сложны объективные причины, затрудняющие успешное изучение русского языка в Норвегии (малонаселенность и разбросанность населения по обширной территории, административно-территориальная закреплённость учащихся за определенной школой, что усложняет выбор иностранного языка учащимися, недостаточная обеспеченность необходимыми учебниками и словарями), интерес к русскому языку в стране растет. Живой иллюстрацией этого интереса служат всевозможные курсы русского языка, организованные различными объединениями и обществами для людей всех профессий и любого возраста. Именно здесь удовлетворяет потребность в знаниях русского языка большинство норвежцев. Потребность в изучении его у каждого своя: одни стремятся освоить разговорный русский язык, чтобы облегчить себе общение в туристических поездках, другие готовят себя к свободному чтению русской литературы в подлиннике, иных интересует все — литература, искусство, наука, жизнь советских людей. Так или иначе, но каждый культурный человек Норвегии приходит к мысли о том, что в настоящее время русский язык необходим для работы, для души, для жизни.

Миллионы людей в разных странах садятся вечерами к радиоприемникам и телевизорам, чтобы продолжать ставшие популярными уроки русского языка. Эти передачи называют по-разному: «Скажи по-русски», «Добрый вечер» и т. д., но задачу они выполняют одну — научить всех желающих русскому языку, познакомить их с жизнью народа, говорящего на этом языке.

Пусть же русское слово звучит и на норвежской земле, пусть оно будет добрым спутником в жизни каждого норвежца, близким и понятным всем без перевода.

И. Б. ЕСТЬКОВА

Рисунок В. Комарова

«ВЛЕСОВА КНИГА»... ПОЧЕМУ ЖЕ НЕ ВЕЛЕСОВА?

Об одной подделке

РЕДИ некоторых лиц, говорящих на русском языке, распространено ошибочное мнение, будто бы умения говорить и грамотно писать достаточно для того, чтобы высказывать суждения о самом языке. Между тем обладание чем-либо или использование чего-либо еще не означает знания этого предмета. Ведь языковед, имеющий больную почку, не станет указывать хирургу, как тому надлежит оперировать ее, не станет советовать повару, с какими приправами готовить жаркое, но подчас врач или повар считают возможным судить о явлениях языка всего лишь на том основании, что они пользуются им. Говорящие часто забывают или обнаруживают полное незнание того, что каждый естественный язык представляет собой в высшей степени сложное многорусное образование, имеющее измеряемую тысячелетиями историю развития и обладающее своими закономерностями.

Легкомысленное отношение к закономерностям языка присуще даже некоторым писателям, режиссерам и актерам, сочетающим

в написанном или произносимом тексте несовместимые черты разных диалектов или совершенно разнородные исторические факты языка. Например, актер может одновременно *о*кать, то есть произносить *о* в неударном слоге, и вместе с тем — в 3-м лице глаголов мягкое *т'*: *он собираеть, разговариваеть* и т. п., или при оканье говорить *вясной, за рякой*. Впрочем, тема «театр и современные русские диалекты» заслуживает особого рассмотрения. Поскольку же мы коснулись вопросов исторических, приведем пример нагромождения языковых нелепостей в языке писателя, пытающегося создать в своем романе некий языковой колорит древности.

Так, в романе «Младший сын» (автор Д. Балашов, изд. «Карелия», Петрозаводск, 1977) на с. 246 читаем: «Как помочь им, мнившим благая и, не ведаша, сотворивым скверная!». В погоне за псевдоисторической экзотикой (автор пытается описать время между 1263—1304 годами) нагромождается нелепица глагольных форм: *мнившим, не ведаша, сотворивым*. Форма *не ведаша* — это личная форма глагола: аорист 3-го лица множественного числа. Перевести эту широко представленную в древних рукописях форму на современный русский язык следовало бы так: *они не ^сведали*, то есть *они не узнали*, так как аорист обозначал цельное законченное действие и его с некоторым приближением можно соотносить с нашим прошедшим временем от глаголов совершенного вида. Как видим, глагольная форма употреблена в приведенной цитате совершенно неуместно. Но еще хуже форма *сотворивым*, которая представляет даже как грамматическая форма полную бессмыслицу. По грамматической основе это причастие действительного залога, прошедшего времени, мужского рода, единственного числа, именительного падежа. Но автор употребляет ее, видимо, во множественном числе и в дательном падеже, где непременно должен был быть суффикс *-въш-*:

Единственное число
И. п. сѣтворивыи
Р. п. сѣтворивъша
Д. п. сѣтворивъшу

Множественное число
сѣтворивъшии
сѣтворивъшихъ
сѣтворивъшимъ и т. д.

Перевести на современный русский язык форму *сѣтворивым* невозможно. Это слово выглядит примерно так, как если бы мы говорили: *он хожит* по типу *я хожу*, но при всех остальных формах от основы *ход-*: *ходишь, ходим* и т. д., или *к семям* вместо *к семенам*, *племям* вместо *племенам*, по образцу именительного падежа единственного числа при всех остальных формах от основ *семень-, племень-*.

Закономерности, имеющиеся в языке, отражаются на письме. Например, во 2-м лице единственного числа настоящего времени глагола следует писать окончание *-шь*, но не *шм*, *шб* или *шт*, потому что здесь ставится не любая буква, которую не следует проносить, а только буква *ь*, обозначающая когда-то мягкость звука *ш*, ранее же, до XII—XIII веков — особый краткий звук, типа краткого *e*, а еще ранее на месте *-шь* употреблялась форма *-ши* (с конечным звуком *и*), которая существовала и позже наряду с *-шь*.

Характер изменений в языке и письме, время этих изменений, их взаимосвязь тщательно изучают лингвисты. Для того чтобы судить обо всем этом, существуют многие более или менее самостоятельные разделы языкознания. Языковеды изучают историю языка, опираясь на исследования памятников письменности, родственных языков и живых диалектов; изучают они с самых разных точек зрения и современный язык.

Приведенные нами примеры адресованы читателям, не имеющим филологического образования. Читатель осведомленный может пропустить наши пояснения и не сетовать на авторов за их очевидность.

Итак, развитию языка и письма присущи определенные закономерности, для выявления и изучения которых существует специальная наука — языкознание. Пренебрежение этой наукой может направить на ложный путь взявшихся писать на историко-языковые темы. Не будем голословными. В последние годы появилось несколько «сенсационных» публикаций по поводу так называемой Влесовой книги. Особую активность проявляют Скурлатовы: В. Скурлатов в соавторстве с Н. Николаевым опубликовал в «Неделе» (1976, № 18) статью «Таинственная летопись». Журнал «Техника — молодежи» (1979, № 12) поместил статью О. Скурлатовой «Загадки «Влесовой книги»». Появились и другие любительские публикации на эту тему.

*

Что же такое «Влесова книга»? Живший в Австралии в 1950-е годы энтомолог С. Лесной (С. Я. Парамонов) назвал Влесовой книгой «дощечки Изенбека», которые полковник белой армии А. Изенбек нашел в 1919 году в имении то ли князей Задовских (Донских...), то ли Куракиных под Орлом или под Курском и вывез в Бельгию. Считается, что одна из этих дощечек была сфотографирована, а другие (около 35 штук) были переписаны также

эмигрантом Ю. П. Миролюбовым, после чего эти дощечки исчезли. Фотографию, которая при детальном рассмотрении оказалась фотографией не дощечки, а бумаги (на ней отчетливо виден след сгиба!), С. Лесной прислал в конце 50-х годов в Комитет славистов. Его председатель академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР В. В. Виноградов передал фотоснимок на палеографическую и лингвистическую экспертизу Л. П. Жуковской. Результат экспертизы был опубликован в журнале «Вопросы языкознания» (1960, № 2, с. 142—144). На основании анализа графики, палеографии, орфографии текста, изображенного на фотографии, было сделано заключение, что этот текст не мог быть написан в период примерно от 650 г. до н. э. до IX века н. э. то есть до возникновения известной и поныне славянской письменности.

В графике «дощечки» представлены буквы развитой кириллицы, передававшие специальные славянские звуки речи, отсутствовавшие в греческом языке: б, ж, з, ш, щ, ъ, ѓ, но в то же время для придания вида древности писавший дощечки заменял ч буквой *ц*, которая тем самым употребляется для передачи двух разных звуков; отсутствуют юсы и йотированное *е*; вместо буквы *ю*, получившейся в кириллице из сочетания греческих букв *iou*, употребляется *iu*, а буква *ы* передается через известный в поздних средневековых рукописях *ѣ* и *і*; имеется придуманный знак, сочетающий *Г* и наложенное на него маленькое *в*. Есть несколько начертаний, приближающихся к другим древним алфавитам.

В начертаниях букв, известных по кириллическому алфавиту, человек, писавший дощечки Изенбека, пытался дать древние начертания кириллицы, зафиксированные в источниках X—XI веков, но в ряде случаев сбивался на новейшие почерки, имитирующие современные печатные буквы.

Сторонники подлинности дощечек полагают, что они написаны задолго до появления письма кириллицей. Но в этом случае предкам всех славянских языков, в том числе и предку древнерусского языка (который сам является общим предком русского, украинского и белорусского языков), были свойственны открытые слоги, то есть каждый слог кончался гласным звуком (слабыми гласными звуками были *ѣ*, *ь*, употреблявшиеся на конце слов и в ряде случаев в середине слов); были в этом языке носовые гласные, получившиеся из общендоевропейских сочетаний гласных с звуками *м* или *н* в ранее закрытых слогах (то есть оканчивавшихся на согласный *м* или *н*); были особые звуки *ѣ*, *ы*... Писавший дощечки не имел в своем произношении носовых звуков,

но слышал о них и потому-то употреблял сочетание *en*, как если бы носовые были, но поскольку он не знал для передачи их юсов (чтобы подчеркнуть древность!), то заменял их другими буквами. В результате появились несочетающиеся между собой принципиально разные закономерности: 1) как будто уже начался процесс утраты носовых гласных, причем носовое *o* совпало с *y*, а носовое *e* с *e*, то есть так, как гораздо позднее будет в сербском языке; 2) как будто носовые были акустически очень близки (*менж* и *гренде*), как в некоторых позициях станет позднее в польском языке; 3) как будто процесс утраты носовых гласных проходил не как фонетический, а как лексический, то есть свойственный отдельным словам. Писавший дощечки человек плохо знал, где следует употреблять букву *ъ*, а где не следует. Производя замены *ъ*, он ставил то букву *e*, то *ia*, то есть совмещал передачу трех взаимоисключающих возможностей: произношение особого звука *ъ* и совпадение его с другими, причем тоже взаимно противоположными: более открытое произношение звука *и*, наоборот, более закрытое. После шипящих *ц*, которые могли быть только мягкими и даже в XI веке, писавший дощечку использует буквосочетание *gi*, которое он в других случаях выдает за эквивалент *ь*.

Образуя морфологические формы, автор дощечек уподобляется современному писателю, не знающему истории языка, но пытающемуся писать «по-древнему». Он пишет: *два дщере* вместо *дъвъ дъщери*, то есть он употребляет числительное в мужском роде при имени существительном, обозначающем женщину, причем это существительное стоит то ли в родительном падеже единственного числа (если оно женского рода), то ли в именительном падеже множественного числа (если для писавшего слово *дщерь* муж. рода!), но никак не в двойственном числе, как того требовало сочетание существительного с числительным *два*. Он не знает и форм глагола, так как употребляет форму 2-го лица двойственного числа с местоимением *она* (3 л. ед. ч.); он путается в древних формах именительного и винительного падежей множественного числа: пишет *скѣ а краве і мга овноі* вместо всех трех ожидаемых окончаний на *-ы*, которое, как уже сказано, передается у него сочетанием *gi*, причем форма *краве* вообще фантастична: она не могла существовать от существительного на *-а* типа *корова*.

В причастиях фантазия подобна по своей нелепости приведенной из современного романа причастной форме «створивым», но обратная ей: во «Влесовой книге» читаем *имѣ* для именительного падежа единственного числа мужского рода, вместо ожидаемой здесь формы без суффиксального *ѣ* (подобно форме *створивѣи*,

от которой современный писатель неправильно образовал дательный падеж множественного числа).

Буквально весь текст «Влесовой книги» в лингвистическом и палеографическом отношении представляет собой странность, которую мог написать только человек, совершенно не осведомленный в истории русского языка и его истоков. Этот человек, вероятно, читал старинные рукописи, но не знал, как развивались язык и письмо, какие закономерности они имели на разных ступенях своей истории. Как установлено наукой, древнерусский язык, подобно другим родственным ему славянским языкам, возник на базе своего предка — праславянского языка. Истоки праславянского языка уходят в глубокую древность (этот язык существовал в первом тысячелетии до н. э. и начал распадаться примерно в VI—VII вв. н. э.). Основные особенности праславянского языка достаточно известны. Язык «Влесовой книги» ни в какой степени не совпадает ни с закономерностями праславянского языка, ни с особенностями начального периода развития древнерусского языка. Уже само название «Влесова» является явно придуманным. Известно (причем только в древнерусском языке и ни в каких других славянских языках) слово *Велесъ* — языческий бог, а не *Влесъ* (такого слова не существовало). В морфологическом отношении оно напоминает образование типа *бѣл-есъ* (с суффиксом *-ес-*) и скорее всего образовано от прилагательного *велии* — большой. Сочинитель «Влесовой книги», по-видимому, поддался искушению подогнать слово *Велесъ* под неполногласную церковнославянскую форму, но сделал это крайне неудачно: в раннем периоде древнерусского языка сочетание *-сле-* изменилось в *-оло-* (ср. церковнославянское *млеко*, у восточных славян *молоко* — обе формы из праславянского **мелко*). Известно еще древнерусское *Волосъ* — скотий бог, но родство *Велесъ* и *Волосъ* не доказано. А если бы оно было доказано, то все равно исходной формой слова *Волосъ* является праславянское **волсъ*, а уж никак не *Влесъ*! Предположение О. Скурлатовой и легкомысленно присоединившегося к нему комментатора ее статьи кандидата исторических наук В. Б. Вилинбахова, будто бы у праславян существовал какой-то другой язык, кроме известного науке дописьменного праславянского, является ничем не обоснованным домыслом. Этногенетические построения В. Скурлатова, Н. Николаева и О. Скурлатовой, которые они возводят на основании «Влесовой книги», не выдерживают никакой критики. С такими выдумками и спорить невозможно.

Не является «Влесова книга» и поздним списком с какого-то более раннего оригинала, так как лингвистические и палеографи-

ческие ее особенности находятся в резком противоречии со всей историей, ранней и поздней, кириллического письма. Это совершенно явная и грубая подделка, в которой нет ни «тайственности», ни «загадок». Единственное, о чем может идти речь, это установление автора подделки, что уже не относится к области научных гипотез.

Мы далеки от того, чтобы приписывать эту подделку С. Лесному или Ю. П. Миролубову. Не будучи лингвистами и историками письма, они попали в плен мнимой идеи о древности дощечек. Уже в 1919 году, когда их нашел полковник Изенбек, они были разрушены временем... Видевшие эти дощечки неспециалисты называют их число — 35. Но мы полагаем, что их изначально было 45, и что они — одна из подделок А. И. Сулакадзева.

*

Дело в том, что в начале XIX века собрание древних рукописей стало своеобразной модой. Но если богатые сановники, подчас использовавшие не только большие средства, но и служебное положение (А. И. Мусин-Пушкин, Н. П. Румянцев, Ф. А. Толстой и др.), концентрировали в своих руках подлинные ценнейшие славянские и древнерусские рукописи, то более мелкие и тщеславные собиратели пускались на подделки. Среди них и был А. И. Сулакадзев, который не только «подправлял» даты и делал нужные ему добавления на подлинных не слишком древних рукописях, но и изготовлял целые манускрипты. Среди них подделка с именем Велеса: это «Перуна и Велеса вещания в Киевских капищах жрецам Мовеславу, Древославу и прочим». Поверив в них, Г. Р. Державин в 1812 году перевел эти «вещания» на современный русский язык.

Поскольку добыть листы древнего пергамена в начале XIX века было уже почти невозможно, а написанную на бумаге якобы «древнюю» рукопись тотчас разоблачили бы, Сулакадзев изготовил 45 буквых дощечек, которые даже внес в свой каталог (см.: М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX века. (Бардин и Сулакадзев). В кн.: «Проблемы источниковедения», V, М., 1956). Академик И. И. Срезневский писал, что Сулакадзев «издавна собирал рукописи, которые еще недавно были в распродаже у ветошников, и, как оказалось, многое подделывал и в них и отдельно. В подделках он употреблял неправильный язык по незнанию правильного, иногда очень дикий» («Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснит.

примеч. И. Срезневского». В кн.: Сб. ОРЯС, т. V, в. 2, СПб. 1873, с. 412). Действительно, Сулакадзев так подправлял отдельные слова и фразы, что на свет появлялись не только новые «древние» слова, но и новые «исторические» лица. Так под его пером возник «нерехтинец Крякутной», которого Сулакадзев сделал из «немца крещеного», и его воздушный шар «фурвин», переделанный из имени «Фурцель». Эта подделка была некритически использована историками отечественной авиации, незнакомыми с основами палеографического изучения рукописей. В результате никогда не существовавший Крякутной попал в книгу для чтения школьников младших классов, к сожалению, даже в Большую Советскую Энциклопедию (изд. 2, т. 23, с. 567) и, несмотря на разоблачение этой подделки специалистом-палеографом высочайшей квалификации [см.: В. Ф. Покровская. Еще об одной рукописи А. И. Сулакадзева (К вопросу о поправках в рукописных текстах). В кн.: «Труды ОДРЛ», т. XIV, Л., 1958, с. 634—636], до сих пор сохраняется в экспозициях некоторых музеев, например, в Касимовском краеведческом. [О подделках Сулакадзева см. также: Д. С. Лихачев. К вопросу о подделках литературных памятников и исторических источников. В журнале: «Исторический архив», 1961, № 6, с. 149].

Вопрос о поддельности Влесовой книги рассматривала группа ученых: академик Б. А. Рыбаков — всемирно известный археолог и историк-славист, В. И. Буганов — чл.-корр. АН СССР, историк, выдающийся специалист по изучению и изданию летописей, Л. П. Жуковская — доктор филологических наук, историк русского языка и диалектолог. По совокупности данных эти специалисты по разным гуманитарным наукам пришли к заключению, что это «явная подделка» (статья указанных авторов: «Мнимая «древнейшая летопись» напечатана в журнале «Вопросы истории». М., 1977, № 6, с. 205).

Не следует ли некоторым нашим уважаемым и хорошим журналам и газетам осторожнее относиться к публикации сенсационных материалов, которые могут только вводить в заблуждение неискушенных читателей? Во всяком случае было бы полезно советоваться с авторитетными учеными, работающими в соответствующих областях науки.

Доктор филологических наук
Л. П. ЖУКОВСКАЯ.
член-корреспондент АН СССР
Ф. П. ФИЛИН

ЯЗЫК ЗЕМЛИ, ЯЗЫК РОССИИ

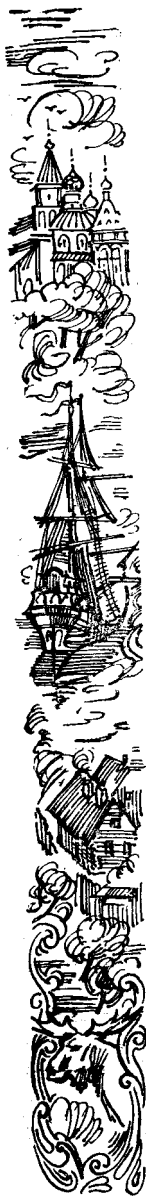
НА КАРТЕ
РОДИНЫ

*По
золотому
кольцу
России*

«Топонимика — это, язык земли, а земли есть книга, где история человечества записана в географической номенклатуре», — так своеобразно, но точно дал оценку топонимам — географическим названиям — известный этнограф, географ и журналист первой половины XIX века Н. И. Надеждин.

Сотни тысяч географических наименований рассыпаны по русской земле. Это названия рек, многие из которых вобрали в себя слова из языка тех племен, которые здесь когда-то жили; это названия сел и городов, среди которых можно найти древние свидетельства о флоре, фауне, рельефе местности, встретить фамилию, имя, прозвище человека, который основал селение или же впоследствии стал его владельцем; это названия только что возникших поселков и городов, в которых отразилась новая жизнь нашего народа.

«Золотое кольцо России» — так именуется один из наиболее популярных туристских маршрутов, проходящий по территории Московской, Ярославской, Костромской, Ивановской и Владимирской областей. «Кольцом» он называется потому, что начинается и заканчивается в Москве и на карте образует кольцо, вытянутое к северо-востоку от столицы. «Золотое кольцо России» охватывает древние земли Замосковья, где находятся памят-

ники особой художественной ценности, объекты, связанные с историей формирования и развития русского государства, с богатейшей культурой русского народа, с борьбой за Советскую власть.

Загорск, Переславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Кострома, Иваново, Суздаль, Владимир — названия этих городов, рассказ о которых станет лишь частью топонимического путешествия по «Золотому кольцу», напоминают нам о борьбе русского народа с татаро-монгольским нашествием, с польской интервенцией, о создании русского флота Петром I, о начале революционного движения в России и о многих других этапах и фактах из истории нашего народа. В районе «Золотого кольца» находятся и памятники национального зодчества — величественные храмы XII—XVII веков, избы, мельницы. Многие населенные пункты — Абрамцево, Мураново, Карабиха, Островское, Плес — связаны с жизнью и деятельностью видных представителей отечественной культуры — писателей, композиторов, живописцев.

Путешествие, которое мы предлагаем совершить по этому маршруту, будет на рассказом о различного рода достопримечательностях. Это путешествие топонимическое. Каждый очерк из серии «По Золотому кольцу России» будет посвящен названиям тех городов и селений, которые расположены на очередном отрезке маршрута.

Итак, в путь по городам «Золотого кольца России» — территории, которую наши предки чаще всего именовали Залесьем. Это название обозначало для них все то, что находилось за лесом, который был некогда условной границей Северной Руси, именовавшейся потом землей Ростово-Суздальской, Владимиро-Суздальской и, наконец, Московской.

Мы начинаем топонимическое путешествие по «Золотому кольцу России» так же, как начинают свое путешествие по этому известному маршруту тысячи советских и иностранных туристов, — отправляясь на северо-восток от Москвы.

Сегодняшний рассказ — о некоторых городах, поселках и деревнях, что расположились по обе стороны Ярославского шоссе — древней Троицкой дороги, на участке от Москвы до Загорска.

Первая небольшая остановка на нашем пути — село Тайнинское. Расположено оно почти на границе с Москвой, на левом берегу Яузы. Впервые его название упоминается еще в духовной грамоте князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича, датированной 1401—1402 гг. Князь Владимир Андреевич завещал Тайнинское (в документе — Танинское) своей жене княгине Елене: «А из Московских сел дал есмь княгине своей Коломенское село со всеми луги и з деревнями... Танинское село с Скореевым...» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.). В середине XV века село Тайнинское уже принадлежало великому князю Василию Васильевичу (Василию II Темному), который в своей духовной грамоте 1461—1462 гг. завещал

его своему сыну Андрею: «...да у Москвы село Танинское со всем...» (Там же).

Археологические данные указывают на то, что село существовало здесь с XII века и возникло как населенный пункт на речном пути из Москвы-реки в Клязьму.

Село Тайнинское неоднократно упоминается в разного рода исторических документах. Здесь Иван Грозный провел ночь, возвращаясь в Москву после взятия Казани. В годы польско-литовской интервенции село Тайнинское занимали войска Лжедмитрия II, который пытался отрезать Москву от севера. Однако после «великого утеснения» от москвичей неудачливый претендент на русский престол оставил село. В Тайнинском находился второй «путевой» дворец русских царей на пути в Троице-Сергиев монастырь. Здесь останавливался царский поезд во время поездок на богомолье.

Долгое время сохранялся в селе Тайнинском дворец императрицы Елизаветы Петровны, построенный рядом с развалинами дворца ее деда Алексея Михайловича, забавлявшегося в окрестностях соколиной охотой.

История происхождения топонима *Тайнинское* (*Танинское*) остается сокрытой в глубине столетий. Исследователям пока не удалось установить производящую основу топонима, то слово, от которого возникло название *Тайнинское* (*Танинское*). Поэтому, как очень часто бывает с теми географическими наименованиями, значение которых не является прозрачным и об истории происхождения которых нет достоверных данных, существует несколько преданий, легенд, каждая из которых по-своему объясняет название. Одно предание гласит, что во времена Ивана Грозного, когда во дворце была устроена «содомова палата», где царь шумно пировал с опричниками, в Тайнинском не раз вершились *тайный* суд и *тайные* казни противников царя. Другое предание связывает название с временами Екатерины II. Согласно ему, Тайнинское было тем местом, где Екатерина скрывала, утаивала от людских глаз своих незаконнорожденных детей. Разумеется, все эти легенды являются примерами обычных «народных этимологий» — стихийных осмыслений значения географических названий. Их несостоятельность ярко подтверждается уже тем, что впервые название села упомянуто в иной форме — *Танинское* и, что самое главное, в документе начала XV века, то есть почти за полтора столетия до венчания на царство Ивана IV и за три с половиной столетия до вступления на русский престол Екатерины II.

Неподалеку от Тайнинского расположен большой подмосковный город Мытищи. О названии *Мытищи*, связанном с важными и интересными событиями в экономической и социальной жизни

Русского государства, «Русская речь» уже рассказывала на своих страницах (см.: «Русская речь», 1980, № 2). Но если его история насчитывает не одно столетие, то существование топонима *Калининград* — названия еще одного подмосковного города, расположенного чуть в стороне от «Золотого кольца», — насчитывает всего лишь десятилетия. Калининград появился на карте Подмоскovie в 1938 году, когда широко разросшийся поселок Подлипки был преобразован в город и получил свое название в честь М. И. Калинина — «всесоюзного старосты». В СССР существует еще один топоним, идентичный названному, *Калининград* — так был назван в 1946 году в честь М. И. Калинина город Кенигсберг. В советский период на карте страны возникло достаточно много новых названий городов, которые включают в себя компонент *-град* (*Ленинград, Кировоград, Красноград* и др.). Этот словообразовательный тип характерен для топонимии послереволюционного периода образования и продуктивен.

Направляясь по Ярославскому шоссе из Москвы в сторону Загорска, нельзя миновать город Пушкино. Впервые название *Пушкино* упоминается в грамоте великого князя Ивана Васильевича, датированной 1504 годом: «...да извожы лесом по гранем и по ямам до конец поля Ипобожские деревни Пушкина...». *Пушкино* принадлежит к той большой группе названий населенных пунктов, в основе которых лежат имена, прозвища, фамилии тех людей, которым эти селения принадлежали или которые были первопоселенцами в данной местности. Такие топонимы составляют около 70% от общего числа названий населенных пунктов Московской области.

Название *Пушкино* по своему происхождению связано с прозвищем одного из предков А. С. Пушкина. Первым историческим лицом из рода Пушкиных, как известно, был соратник Александра Невского в Ледовом побоище Гаврило Алексич, отличившийся еще в битве со шведами в 1240 году на Неве. Летописцы свидетельствуют, что Гаврило Алексич на коне вскочил на сходни неприятельского судна, был сбит с конем в воду, но, выбравшись из реки, вновь атаковал врагов, врезался в самую их гущу и сразил самого «епископа и воеводу». У него было два сына — Иван Морхиня и Акинф Великий. После смерти Александра Невского они, как это и было положено дружинникам в те стародавние времена, стали служить его сыновьям. У сына Ивана Морхини — Александра Иванаевича Морхинина — было пять сыновей, старший из которых — Григорий — носил прозвище Пушка. Он и стал родоначальником Пушкиных.

Сам Григорий Александрович Пушка Морхинин и его ближайшие потомки — Пушкины — были весьма богатыми людьми.

Им принадлежали большие вотчины, в частности, на территории современного Подмосковья. В XV веке Григорий Пушка владел и тем населенным пунктом, который впоследствии стал известен как село Пушкино. Таким образом, название села было образовано от прозвища *Пушка* при помощи суффикса принадлежности *-ин-*.

Несмотря на определенную прозрачность этимологии, относительно истории происхождения топонима *Пушкино* также существует несколько «народных этимологий» — легенд и преданий. По одному преданию, во время войны 1812 года в этом месте был построен специальный завод по отливке пушек. Поэтому, якобы, село, в котором жили «пушкари», и получило свое название — *Пушкино*. По другому преданию, этот населенный пункт был некогда маленьким селением на реке Уче (которая действительно протекает рядом с г. Пушкино); его называли «село на Уче». Отсюда, якобы, возникло название *Почкино*, которое впоследствии превратилось в *Пушкино*...

Село Пушкино связано с событиями стрелецкого восстания 1682 года. Именно здесь был взят под стражу выдвинутый стрельцами в качестве руководителя восстания князь Иван Андреевич Хованский, казненный вскоре в селе Воздвиженском.

В 1843 году московским купцом Фоваром в Пушкине, на левом берегу реки Учи была основана прядильная фабрика, перешедшая через десять лет к Е. И. Арманду. В 1897 году на фабрике возник марксистский кружок, активное участие в деятельности которого принимала Инесса Арманд. Примечателен и другой факт. Пушкино было косвенным образом связано с возникновением МХАТа. Именно в Пушкине в 1898 году проходили первые репетиции театрального коллектива, созданного К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко. Актеры встречались на даче режиссера Арбатова.

В 1925 году поселок Пушкино был преобразован в город, причем форма его названия не изменилась.

Когда-то на краю Пушкина возникли выселки, которые получили название *Новая Деревня*. Сейчас Новая Деревня вошла в городскую черту, и топоним превратился из названия населенного пункта во внутригородское наименование. Мы не случайно решили сделать здесь краткую остановку. Дело в том, что именно в Новую Деревню был перенесен дом, в котором летом 1920 года жил В. В. Маяковский. Помните стихотворение «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче»? В подзаголовке стихотворения поэт указал точный адрес места, где произошло «необычайное приключение»: «Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева, 27 верст по Ярославской жел. дор.». При

строительстве канала им. Москвы территория поселка Акулова гора была затоплена водами вновь образованного водохранилища, поселок был перенесен на новое место, а дом Румянцева, в котором летом 1920 года жил В. В. Маяковский, был перевезен в Новую Деревню, где сейчас работает библиотека-музей В. В. Маяковского.

Путешествие по первому участку «Золотого кольца» продолжается. На нашем пути лежит село Братовщина. В этом селе в старину находилась первая ямская станция на Троицкой дороге. Здесь останавливались М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Н. Островский и другие.

Село, которое с XVII века числилось дворцовым, было свидетелем многих исторических событий. В 1571 году царь Иван Грозный встретил в Братовщине послов крымского хана и вел с ними переговоры. В начале XVII века здесь был построен один из «путевых» дворцов, где царь останавливался по дороге на богомолье. К сожалению, до нашего времени он не сохранился.

История происхождения топонима *Братовщина* пока не выяснена. Однако существует несколько гипотез, о двух из которых следует упомянуть. Согласно первой, в основе названия лежит нарицательное слово *братовщина*, которое обозначало общинный пир вскладчину обычно по праздникам. Такие пиры прекратили свое существование уже к XVII веку. По другой гипотезе, высказанной А. М. Селищевым, появление названия *Братовщина* связано с тем, что в селе некогда находился странноприимный дом. А. М. Селищев писал: «Поэтому можно полагать, что название села пошло от имени «братство», «братский». Но такое объяснение не исключительно достоверное: возможно, что и этот пункт был во владении лица, носившего имя или прозвище *Брат*. Такие личные имена были в прежние времена. Уменьшительная форма для них была *Братец*, *Братей*. Ср. села: *Братцево..*, *Братеево..*» (А. М. Селищев. Из старой и новой топонимии.— Кн.: Избранные труды).

Остается добавить, что этот топоним оформлен достаточно редким в русской топонимии суффиксом *-щина*. При помощи этого суффикса наименования населенных пунктов образовались в основном от имен, прозвищ, фамилий владельцев селений или от названия их социального положения. Часто *-щина* использовался не только при образовании названий населенных пунктов, но и целых территорий, местностей, принадлежавших определенному владельцу, например: *Полевщина*, *Васильевщина*, *Дворянщина*, *Апальщина*, *Одоевщина* и т. д.

В нескольких километрах от Братовщины расположено село Талицы. Любители интересных географических наименований наверняка не смогут равнодушно отнестись к этому топониму. Дело в том, что в основе его лежит гидроним — название небольшой

речки Талицы, правого притока реки Вори. Основой же гидрониму послужил местный географический термин *талица*, обозначающий незамерзающий родник, ручей, речку, не покрывающуюся льдом. Это слово вошло в состав многих географических наименований. Примечателен еще один факт: название села, в отличие от названия реки, имеет форму множественного числа. Подобные примеры встречаются в русской топонимии: в процессе исторического развития наименование, образованное от гидронима, нередко приобретало форму множественного числа. Видимо, это явление связано с тем, что понятие «населенный пункт» имеет связь с понятием «коллектив, т. е. неопределенное множество людей».

Известно, что в отечественной истории XIV-й и XV-й века были временем весьма оживленных торговых и культурных сношений Москвы со многими странами. Главными посредниками в торговых делах были греки и итальянцы генуэзских колоний, расположенных на южном побережье Крыма, однако весьма деятельное участие в них принимали и москвичи. Самый большой рынок паходился в древнем Судаке, который в те времена носил название *Сурож*. Поэтому в Москве крупных оптовых торговцев, греков, итальянцев и москвичей, называли «сурожскими гостями». Имя одного из сурожан вошло в название населенного пункта, расположенного на «Золотом кольце». Речь идет о подмосковном поселке Софрино, также находящемся на Ярославском шоссе.

В основе этого топонима лежит фамилия одних из самых богатых сурожских гостей — Сафариных. В XV веке село носило иное название — *Супонево*, по имени первого владельца. В XVI веке оно принадлежало Ивану Сафарину, что и послужило причиной изменения топонима. В древних документах село впервые упоминается именно под двумя названиями: старым — *Супонево* и новым — *Сафарынское*. Первым источником является духовная грамота царя Ивана IV Васильевича, датируемая июнем-августом 1572 года: «Да ей же (дочери царя) даю подмосковныя села... село Супонево, Сафарынское Ивана Сафарина...». Позже село стало называться *Са(о)форино*, затем — *Софрино*. В Софрине находится одна из красивейших церквей Подмосковья — Смоленская, построенная в 1691 году. Она радует глаз композицией из поставленных друг на друга восьмериков, как бы возрождающей традицию башнеобразных построек.

Чуть в стороне от Ярославского шоссе расположены старинные усадьбы Абрамцево и Мураново. Это очень популярные объекты «Золотого кольца».

Мураново входит в ту группу топонимов, основу которых составляют имена первопоселенцев или владельцев. К сожалению, достоверно еще не установлено, кому первому принадлежало это

село. Впервые Мураново упоминается как деревня еще в начале XVI века в грамоте великого князя Ивана Васильевича, датированной июнем 1504 года: «Да из речки из Лобской ручьем направо вверх.., а налево деревня Мураново Растовцовского села в Радомле...». Упоминается о Муранове, уже как о сельце, в рукописи 1767 года, озаглавленной «Межевая книга и план сельцу Муранову и деревни Григоровой с пустошми». В то время эти места принадлежали дворянам Оболенским.

В Муранове сплелись многочисленные нити культурных связей. С 1816 года Мураново принадлежало семье Энгельгардтов. Здесь часто бывал близкий знакомый Энгельгардтов — «счастливый певец вина, любви и славы», герой Отечественной войны 1812 года, поэт Денис Васильевич Давыдов. Не исключено, что именно Денис Давыдов познакомил с Энгельгардтами поэта Евгения Абрамовича Баратынского, ставшего впоследствии мужем их старшей дочери. В начале 40-х годов XIX века в Муранове по проекту самого поэта был выстроен новый дом. Баратынский очень любил Мураново и посвятил ему немало лирических строк. В стихотворении «Есть милая страна, есть угол на земле...» Е. А. Баратынский писал:

Я помню ясный, чистый пруд;
Под сению берез ветвистых,
Средь мирных вод его три острова цветут;
Светлея нивами меж роц своих волнистых,
За ним встает гора, пред ним в кустах шумит
И брызжет мельница. Деревня, луг широкий,
А там счастливый дом... туда душа летит,
Там не хладел бы я и в старости глубокой!

Мураново связано с именем и другого выдающегося русского поэта — Ф. И. Тютчева. Сын поэта был женат на дочери Н. В. Путьты, владельца села после Баратынских. Тютчев нередко посещал Мураново. В августе 1920 года в Муранове был открыт музей, экспозиция которого посвящена жизни и творчеству Е. А. Баратынского и Ф. И. Тютчева.

Не менее известно в истории русской культуры и другое название — *Абрамцево*.

Впервые оно встречается в той же грамоте 1504 года, что и Мураново: «...направе земля Горетовского стану.., а налево в Радомле деревни Давыда Курчова, деревня Шестничино, деревня Бурдуково, деревня Вавулино, деревня Обрамово». Абрамцево упоминается также в писцовых книгах XVII века, как хутор Абрамово, неподалеку от Хотькова монастыря. В конце XVIII века, когда Абрамово принадлежало помещику Молчанову, на хуторе был

построен дом с мезонином, разбит парк и увеличено число копаных прудов. Бывший хутор превратился в барскую усадьбу Абрамцево. От Молчанова оно перешло к Неведомским, у которых в 1843 году Абрамцево купил писатель С. Т. Аксаков.

Топоним *Абрамцево* также принадлежит к числу названий, образованных от имени первопоселенца или владельца. Конкретный антропоним, ставший его производящей основой, неизвестен, однако можно предположить, что им могла быть, например, фамилия владельца села. Ср.: «Абрамов Сапун Василий Тихонович, подьячий, в 1579 году дьяк в Московском судном приказе»; «Семен Обрамов, подьячий при посольстве в Царьграде», «Абрамов Григорий, около года был в Сыском приказе боярина Ф. И. Шереметева» и т. п. (С. Б. Веселовский. Дьяки и подьячие XV—XVII вв.).

В Абрамцево многое напоминает о С. Т. Аксакове, для которого оно стало не только приютом сельского отдыха, но и местом творческого вдохновения.

В гостях у Аксакова в Абрамцево бывали Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, М. С. Щепкин, М. Н. Загоскин, Т. Н. Грановский и многие другие видные представители русской культуры.

Не меньшую память о себе оставил художественный кружок второго владельца Абрамцево после С. Т. Аксакова — С. И. Мамонова, крупного промышленника, покровителя и знатока искусства, купившего усадьбу в 1870 году. К нему в Абрамцево приезжали И. Е. Репин, В. М. Васнецов, В. Д. Поленов, М. А. Врубель, В. А. Серов и многие другие.

Действительно, место Абрамцево в истории русской культуры можно назвать исключительным. Именно здесь расцвело творчество С. Т. Аксакова, создавшего «Семейную хронику», «Детские годы Багрова-внука», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» и многие другие замечательные произведения. В Абрамцево привез Гоголь первую главу второго тома «Мертвых душ». Здесь создавал Репин многие портреты и приступил к известной картине «Крестный ход в Курской губернии». В Абрамцево В. А. Серов написал «Девочку с персиками». Неподалеку от усадьбы в селе Ахтырка находится парк и пруд, у которого В. М. Васнецов написал свою «Аленушку»...

Путешествие по «Золотому кольцу» только начато. В следующем очерке — встреча с такими названиями, как *Загорск* (*Сергиев Посад*), *Радонеж* и некоторыми другими.

М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ,
В. Ю. ДУКЕЛЬСКИЙ

Рисунки С. Гавриловой

МИШКА ОЛИМПИЙСКИЙ

В 1977 году популярная телепередача «В мире животных» предложила назвать «претендента» на талисман Олимпиады-80 в Москве. Откликнулись десятки тысяч телезрителей. Талисман определяли, как говорит ведущий телепрограммы «В мире животных» известный журналист Василий Михайлович Песков, всем миром. Больше всего «голосов» собрал бурый медведь — 20 тысяч, олень — 8, лось — 7, соболь — 2, белка — тысячу... Но бурый медведь вообще — это еще не талисман. «Надо было найти, — рассказывает В. Песков, — привлекательный образ всеми любимого малыша. Лучшее решение предложил москвич Виктор Чижиков». Художник Виктор Александрович Чижиков признается: «Животное — мои главные персонажи, а медведь — самый любимый из них... Я прилежно и много работал над образом медвежонка. Хотел видеть его приветливым, добродушным, но с чувством достоинства» («Комсомольская правда», 20 декабря 1977).

И такой медвежонок «родился». День его рождения — 20 декабря 1977 года, когда советским и иностранным журналистам были показаны образцы плакатов и обнародован талисман XXII Олимпийских игр в Москве. Назвали медвежонка просто — *Миша*. И добавили — *олимпиец*. Но чаще всего *Мишу* зовут — *Мишка олимпийский* или *Мишка*.

Обратим внимание на современное осмысление слов *олимпиец* и *олимпийский*. Формально они связаны с собственным именем *Олимп* — собрание богов в греческой мифологии (от названия самого высокого горного массива в Греции [в Фессалии], где, по представлениям древних греков, обитали боги). *Олимпиец* — бог, обитатель Олимпа. *Олимпийский* — относящийся к Олимпу (*олимпийские боги*) и относящийся к олимпийцу (*олимпийское спокойствие* — невозмутимое спокойствие). Переносные значения слов *олимпиец* и *олимпийский* также были связаны обычно только с «божественным Олимпом»: *олимпиец* — это человек, величаво спокойный или высокомерный, недоступный; *олимпийский* — такой, как у олимпийца, олимпийцев; величаво-спокойный, невозмутимый. Возможно переносное употребление: *литературный олимп* — собрание поэтов и писателей (как правило, с оттенком шутки, иронии).

В Древней Греции родились *олимпийские игры* — *олимпиады* (общеэллинские состязания на празднествах в честь бога Зевса, проходившие один раз в четыре года в Олимпии (на Пелопоннесе)). Этот промежуток времени (четыре года) служил единицей летосчисления. Легендарный родоначальник олимпийских игр — великий герой Греции Геракл (у римлян Геркулес). Шестьсот стоп Геракла составили стадию — длину стадиона. Заметим, олимпийские игры всегда служили дружбе, согласию. Мудрый законодатель Эллады провозгласил мир на время Олимпиад. Победителей игр увенчивали оливковыми ветвями — ветками мира. Словом *олимпиада* называли и промежуток времени в четыре года между играми, и сами Олимпийские игры. Это, второе значение живо и в наши дни. Оно получает еще одно, новое расширенное значение: соревнование, состязание в чем-либо, конкурс, смотр (олимпиада школьников, математическая олимпиада и т. п.).

Как видим, сочетание *олимпийские игры* и слово *олимпиада* в наше время наиболее живые, функционируют в своем прямом значении и определяют смысл производных слов *олимпиец* и *олимпийский*. Сравним разные значения прилагательных *олимпийский* в постоянных словосочетаниях: *олимпийский огонь* — «относящийся к Олимпу» и «относящийся к Олимпии — первому месту олимпиад»; *олимпийская система игр* — «относящаяся к олимпиаде». Возникшее в русском языке новое сочетание *Мишка олимпийский*, как и другие сочетания — *олимпийские значки*, *олимпийские сувениры*, *олимпийские стройки*, *олимпийские объекты*, *Москва олимпийская*, опирается на значение *олимпийский* — «относящийся к олимпиаде».

Интересно словосочетание «олимпийские» семестры — о подготовке к олимпиаде студенческой молодежи. Студенты «олимпийских» городов — Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и Таллина — привлекаются «к обслуживанию олимпийских мероприятий в соответствии с профилем подготовки... в качестве гидов-переводчиков, будущих специалистов торговли...» («Правда», 11 сентября 1979). Уже говорят и пишут об «олимпийском характере» трудовой деятельности, об «олимпийских заботах». Конечно, все эти сочетания возникли в определенных условиях, они окказиональны (часто слова *олимпийский*, *олимпийские* в письменной форме речи заключены в кавычки, как знак необычного нового употребления). Но чем больше подобных словосочетаний, тем устойчивее значение слова *олимпийский* — относящийся к олимпиаде.

*

Однако вернемся к вопросу — почему бурый медвежонок был предпочтен и оленю, и лосю, и соболю, и белке? Чем определена такая всеобщая любовь? Обратимся к слову, а еще лучше — к словам, обозначающим это животное. Мы найдем здесь ответ: в слове отражается жизнь народа, его взгляды, обычаи, пристрастия.

В своем «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимир Иванович Даль обращает внимание на то, что бурому медведю дано много имен — и почетных, и бранных: *черный-зверь*, *лапистый-зверь*, *косопалый*, *куцый*, *косматый*, *мохнатый*, *мохнач*, *костоправ*, *лесник*, *хозяин*. Само общеславянское слово *медведь* образовано из двух основ: *мед* — *меду* (*medūs*) и *всть* (*ēdis*). Слово *медведь* буквально означает — «едящий мед, медоед». *Медведь* замечает исконное индоевропейское название, идущее из санскрита к греческому *arktos* и латинскому *ursus*. Сравним хотя бы современное географическое наименование *Арктика* от греческого *arktos* (медведица), название двух северных созвездий — Большая медведица и Малая медведица. Наблюдая обилие имен у медведя, можно легко заметить: на исконное *arktos* налагалось табу — запрет, поскольку медведь был тотемным, почитаемым животным. Наиболее распространенным именем-заместителем и стало слово *медведь*. В разных областях появлялись синонимы: *косопалый*, *космач*, *мохнач*, *лесник*, *хозяин*. Иногда одно из названий предпочиталось другим.

Медведь в силу своего тотемного значения, а впоследствии уже традиционного почитания, внимания как бы очеловечивается и получает имена: *Михаил*, *Михайло*, *Миша*, *Мишка*, *Мишук*, *Михайло Иванович*, *Потапыч*, *Михайло Иванович Топтыгин*. Здесь и ласковые «домашние» — *Миша*, *Мишка*, *Мишук* и «официальный» полный ряд

из имени, отчества и фамилии — *Михайло Иванович Топтыгин*. Фамилия *Топтыгин* — от глагола *топтать* (приминать, придавливать ногами на ходу) — говорит о тяжеловесности, силе медведя.

Медведицу зовут *Матрена* или *Аксинья*, в сказках — *Настасья Петровна*; *медвежонок* также имеет свои имена-синонимы: *медвежоночек*, *медведик*, *мишутка*, *мишенька*, *медвежатка*. Особые ласковые имена есть и у взрослого медведя — *медведко*, *мишук*, *медведушка*, *медведюшка*, *медвежатושка*. Многие названия — *медвежатка*, *медвежатושка*, *медведушка* — сложились в народно-поэтической речи.

Обратим внимание и на пословицы, поговорки, постоянные словосочетания, которые характеризуют сложившееся в народе отношение к медведю: «Хозяин в доме, что медведь в бору». Медведь — *хозяин*. Такое восприятие содержится и в других символах-приметах: медведь — *жених*; видеть медведя во сне — быть свадьбе. Вспомним «Евгения Онегина» Пушкина. В. Г. Белинский назвал в свое время этот роман в стихах «энциклопедией русской жизни». Назвал так не только за широту и полноту изображения русского быта, за исторически верное воспроизведение действительности, но и за отражение поэзии русской жизни. Помните сон Татьяны Лариной?

Но вдруг сугроб зашевелился,
И кто ж из-под него явился?
Большой, взъерошенный медведь...

Этот пушкинский медведь, безусловно, пришел из крестьянских поверий и сказок, из народной, деревенской жизни.

*

Медведь — добрый хозяин, жених, медоед, сладкоежка, лакомка, но медведь и силен, и умен, и хитер. Вместе с сочетаниями *ходить-идти на медведя* — *охотиться на медведя* в русском языке издавна сложились пословицы: «Не продавай шкуры, не убив медведя» или «Делить шкуру неубитого медведя». Понимать их надо так: преждевременны разговоры и обещания, если нет самого дела, похвалиться заранее — легкомысленно.

Охотник, крестьянин видел медведя как он есть. Медведь подвижен: «Дело не медведь, в лес не уйдет» — говорят ленивцы. Медведь неуклюж: *ходить медведем*, *смотреть медведем*. «Медведь на ухо наступил» — так говорят о человеке, лишенном музыкального слуха. Н. В. Гоголь, выделяя силу, прочность, неуклюжую и грубую основательность своего героя Собакевича, выбирает сравнение с

медведем. И все время ведет читателя к сопоставлению *Собакевич* — *медведь*: «показался похожим на средней величины медведя»; «фрак на нем был совершенно медвежьего цвета»; «Медведь! совершенный медведь. Нужно же такое странное сближение: его даже звали Михайлом Семеновичем...» — заключает свое сравнение Н. В. Гоголь.

Что ни говорите о непочтительных именах медведя, он все же искренне любим — это бурый медведь, мишка! И любим не только в нашей стране. Любят медведя многие народы. Хотя бы, например, берлинский медведь — символ города, его герб, его талисман. Но у каждого народа своя история почитания, свой образ.

Мишка олимпийский живет на фоне хорошо нам известного *Михайлы Ивановича Топтыгина* и *Мишутки*. Возникают имена — ласковые и «официальные»: *Миша*, *Мишка*, *Мишутка* и *Миша Олимпиец*, *Мишка олимпийский*, *Михаил Мишкин* (*Мих. Мишкин*). *Мишуткой* был назван клуб студенческой сборной СССР на универсиаде в Мехико: «„Мишутка“ прославился на всю университетскую деревню» («Комсомольская правда», 8 сентября 1979).

Популярность образа медвежонка позволила создать и особую «маску» — журналистский псевдоним: «Работать на Спартакиаде мне поручено... репортером... Полностью, как вы знаете, меня зовут *Михаил Мишкин*. Но я буду подписываться под своими репортажами просто *Мих. Мишкин*» («Известия», 20 июля 1979).

В русском слове *медведь* хранится веками слагавшаяся образность, овеванная и народной поэзией, и народной сказкой, и иронией, и легкой шуткой. Вот почему наш *Мишка олимпийский* — вполне определенный образ, определенный характер: добродушный и жемного лукавый, неуклюж, но весь — движение, улыбчив и полон достоинства. Медведь — хозяин. И *Мишка олимпийский* — тоже хозяин, хозяин Олимпиады-80 в Москве.

А. А. БРАГИНА

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Читательница П. К. Ключева из Ялты спрашивает, что означает слово *вилайет*, встречаемое иногда в газетах.

Вилайет — крупная административно-территориальная единица в Турции, Тунисе и Алжирской Народной Демократической Республике.

Это слово в последние годы часто употребляется в периодической печати, но его нет ни в одном толковом словаре современного русского языка. Что означает слово *регион*? Откуда пришло оно в наш язык? Эти вопросы интересуют читателей журнала «Русская речь».

*

Регион — слово заимствованное. Оно появилось в русском языке еще в XIX веке. Впервые его зарегистрировал словарь, составленный И. Ф. Бурдоном и А. Д. Михельсоном, — «Словотолкователь 3200 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с означением их корней» (изд. 5, 1877): «*Region*, фр. *région*, от лат. *regio*, -*onis*. Страна, область, пространство воздуха». Правда, в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, вышедшем в конце XIX века, этого слова нет, здесь дано лишь латинское *Regio* — квартал, округ. Более поздние словари русского языка, энциклопедические и терминологические справочники также не фиксируют его.

Можно полагать, что в то время оно не попало ни в широкое употребление, ни в специальное. И только недавно началась активная жизнь слова *регион*, сначала — в специальных профессиональных текстах, затем в общелитературном языке. Его зафиксировали специальные словари и справочники 60-х годов нашего времени. *Регион* мы встречаем в географической и геологической терминологиях:

«Регион — обобщенное наименование единиц физико-географического районирования... Понятие Р. в равной мере применимо и к физико-географической стране и к физико-географической провинции или району» (Ф. Н. Мильков. Словарь-справочник по физической географии. М., 1960); «Регионы (от лат. regio — страна, область) — крупные индивидуальные территориальные единицы» (Энциклопедический словарь географических терминов. М., 1968).

В экономической географии этот термин употребляется в разных значениях: 1) как синоним географического термина *район*, 2) для обозначения сопоставляемых территорий, принадлежащих к различным системам районирования, 3) для обозначения территорий, по своим признакам не позволяющим назвать их другим термином, 4) для названия определенного класса районов в конкретной системе районирования.

Вот примеры употребления географического термина *регион*: «На картосхеме показаны основные направления внешних миграций населения за период с конца XIX века до начала второй мировой войны. Определите, в каких регионах и странах преобладала эмиграция и в каких — иммиграция» (Экономическая география зарубежных стран. М., 1977).

Географический термин *регион* встречается также и в других терминологических системах, в частности — в ботанической и зоологической. Например: «Центр ареала — исходный регион расселения вида...» («Человек и природа». М., 1978) — здесь *регион* употреблен для объяснения ботанического термина *центр ареала*; «Биота — совокупность организмов, населяющих какой-то произвольно выбранный регион...» («Человек и природа». М., 1977) — в этом примере *регион* используется для объяснения зоологического термина *биота*.

В геологической терминологии *регион* объясняется так: «Регион инженерно-геологический — наиболее крупное подразделение при инженерно-геологическом районировании, охватывающее территорию какой-либо тектонической структуры. Выделяется на мелко-масштабных обзорных инженерно-геологических картах по общности признаков, характеризующих общие геологические и гидрогеологические условия, геоморфологическую обстановку и геологические процессы» (Геологический словарь. II изд. М., 1978).

Приведенные толкования в словарях и справочниках, а также примеры показывают, что *регион* в разных терминологических системах имеет свое значение или оттенок. В «Геологическом словаре», например, поэтому дается уточнение: регион инженерно-геологический. Можно сказать, что географический и геологический термины *регион* — разные по содержанию, но имеют общий признак: это всегда крупная территориальная единица.

Многозначность термина *регион*, употребление в разных терминологических системах способствовали проникновению его в общелитературную речь. В широкое употребление слово *регион* попало недавно.

Анализ собранного материала позволяет отметить, что словом *регион* называют единую территориальную единицу, значительную по площади распространения. Например: «...в разных регионах острота проблемы использования труда пенсионеров различна: скажем, в Средней Азии она меньше, чем в Центре» («Неделя», 1979, № 15); «Советский Союз как тихоокеанская держава заинтересован в том, чтобы способствовать расширению исследований научных проблем Тихого океана и прилегающих районов... Тихоокеанскому региону, в котором проживает около половины населения земного шара, принадлежит важная роль в судьбах всей планеты» («Правда», 21 августа 1979).

Обширная территория, обозначаемая словом *регион*, характеризуется определенными специфическими особенностями. Это может быть единство или сходство физико-географических свойств. Такая территория может включать несколько государств. Особенно ярко это выражается в сочетаниях *страны региона, государства региона*, а также в других сочетаниях: «...проблема безопасности Персидского залива должна решаться исключительно странами этого региона» («Правда», 25 июля 1979); «...в 1975 году в Гаване был создан Комитет по развитию и сотрудничеству стран Карибского бассейна для „координации деятельности, связанной с развитием и сотрудничеством“ государств этого региона» («Правда», 21 октября 1977).

В этом значении начало употребляться сочетание *географический регион*: «...надо уметь советоваться с народом, чтобы избежать всякого рода „шараханий“, скороспелых и непродуманных волевых решений. Особенно опасны они, когда речь идет о всестороннем хозяйственном и социально-культурном освоении целого географического региона...» (Л. И. Брежнев. Целина); «Среди жителей Таджикистана выделяются *дарвазцы, каратегины, кулябцы*. Такие названия явно восходят к географическим регионам Дарваз, Каратегин, Куляб» (Э. М. Мурзаев. География в названиях).

Обширной территории, называемой словом *регион*, могут быть свойственны единые процессы экономического развития: «Предмет особой заботы в зимний период — воспроизводство стада. При анализе положения в этом деле заметна пестрота показателей различных хозяйств, целых регионов» («Правда», 26 декабря 1978); «Бурятская АССР и Читинская область — крупные животноводческие

районы Восточной Сибири. В публикуемой сегодня корреспонденции рассказывается о проблемах развития одной из важнейших отраслей этого региона — овцеводства» («Правда», 11 января 1979).

В этом значении встречается сочетание *экономический регион*: «Если удастся по каждому экономическому региону, городу, области скоординировать фронт труда с наличием кадров, а затем строго удерживать рост их в динамичном равновесии, страна получит гигантский экономический и социальный выигрыш» («Правда», 26 ноября 1977).

*

Таким образом, словом *регион* в общелитературном языке называют обширную территорию, характеризующуюся наличием какого-то одного признака, свойства или качества: «*Регион* (от лат. regio — страна, область), крупная индивидуальная территориальная единица (напр., природная, экономическая, политическая и др.)» (БСЭ, 3-е изд.).

Г. И. МИСЬКЕВИЧ,
Ю. Ф. ХАУСТОВА

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

«В «Правде» за 24 марта 1980 года в материале, посвященном Олимпиаде-80, прочитал: «...бельгийская газета Пёпль» в статье, озаглавленной «Наш соотечественник Поль Анспах — дуайен олимпийских чемпионов заявляет: «Картер говорит глушости», писала...». Что означает слово *дуайен*?» — спрашивает Л. А. Кондратова из Рязани.

Дуайен (фр. doyen) — лицо, возглавляющее дипломатический корпус, старейший дипломатический представитель высшего ранга. Бельгийская газета назвала этим словом в знак почтения старейшего олимпийского чемпиона по фехтованию на шпагах (две золотые медали на Играх 1912 года, серебряные на Олимпиадах 1920 и 1924 годов) Поля Анспаха, родившегося в 1882 году.

В повести М. Горького «В людях» читаем: «Вечерами, по праздникам, все население улицы выходило „за ворота“, парни и девушки отправлялись на кладбище водить хороводы, мужики расходились по трактирам, на улице оставались бабы и ребятишки. Бабы рассаживались у ворот прямо на песке, или на лавочках, и поднимали громкий галдеж, ссорясь и судача; ребятишки начинали играть в лапту, в городки, в „шар-мазло“; матери следили за играми, поощряя ловких, осмеивая плохих игроков»; «Играть хотелось страстно, и я увлекался играми до неистовства. Был достаточно ловок, силен и скоро заслужил добрую славу игрока в бабки, в шар и в городки...».

Игра «шар-мазло» упоминается Горьким и в повести «Жизнь Матвея Кожемякина»: «...он [Матвей] выходил в поле, где молодежь играла в лапту, горелки и шар-мазло».

Что же это за игра, что означает ее название?

*

В толковых словарях современного русского языка сочетания *шар-мазло* нет, но его составные части — существительные *шар* и *мазло* — отмечены, а в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» указаны и «игровые» значения, однако без прямых связей с какой-либо конкретной детской игрой: *шар* — «предмет из дерева, слоновой кости (явно не для игры в шар-маз-

ло. — А. М.) и т. п. для игры в крокет, бильярд и т. п.>; *мазло* — «то же, что мазила: тот, кто делает промахи (в стрельбе, играх и т. п.)», что вряд ли подходит к *мазло* в рассматриваемой игре.

В более ранних словарях выражения *шар-мазло* также нет, но у его составных частей отмечены значения, связанные с детскими играми. Кроме того, к слову *мазло* даны синонимы и варианты.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля *мазло* представлено в таких значениях: «место, где рыба мечет и затем стережет икру, стоит над нею; // *касло*, *ямка*, *лунка* в играх с мячом». Здесь особое внимание следует обратить на слово *касло*. Синоним *мазло*. При его толковании повторяется указание на лунку в играх с мячом, с шаром; слово *касло* толкуется еще и как название самой игры, но игра описана только при слове *шар*, где опять упоминаются синонимы: «*игра в шар*, *в шара*, *в касло*, *в масло...*». Как видим, здесь появился вариант слова *мазло* — *масло*. В «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Академии наук» (1891—1930) и к слову *касло* даны варианты: *косло*, *каска*, *казло*. *Казло* и *каска* толкуются отдельно, но сходно, хотя и не тождественно: *казло* — *ямка*, в которую становятся одной ногой при игре в клюшки; *каска* — 1) *ямка*, в которую вгоняется шар в детской игре, 2) *сама игра в шар*.

Итак, *мазлб* и *маслб*, *казлб* и *каслб*: между парами слов — синонимия, внутри — фонетическая вариантность, как в имени Козьма/Косьма (эти варианты были и у Козьмы Пруtkова).

Таков материал словарей. Его можно дополнить описанием детской игры в шар, которая проводилась лет 40—50 назад в селе Кладбищи Сергачского уезда Нижегородской губернии (ныне г. Сергач Горьковской области), расположенном в двухстах километрах от Нижнего Новгорода, то есть недалеко от мест, где происходят основные события названных ранее повестей Горького, — от Канавина и Арзамаса (Канавино — бывший пригород Нижнего Новгорода, теперь является районом г. Горького; названию *Канавино* посвящена статья Н. Д. Русинова «Канавино и кума-чародейка» — «Русская речь», 1979, № 2).

Название сергачской игры совпадает с одним из наименований канавинской: *шар*, *играть в шар*. Поэтому можно полагать, что это была та же самая игра, хотя в Кладбищах в нее играли только зимой, а у Горького она представлена как летняя.

Предлагаемое описание дается по воспоминаниям автора, проверенным в беседах с другими участниками игры в той же местности.

Количество игроков было произвольным, обычно в пределах десяти. Каждый имел *клюшку* — палку длиной около полутора метров, как правило, с загнутым и даже утолщенным концом; на всех

приходился один шар — часто просто кусок палки длиной и диаметром в четыре — пять сантиметров. Один из играющих водил. Он определялся через *конаканье* (от глагола *конакаться* «кончаться, оканчиваться») на клюшке. Кто-нибудь из желающих играть (обычно с возгласом — «*конакаться!*») брал свою клюшку за загнутый конец или любую палку и держал ее вертикально, а все остальные, обгоняя или, наоборот, выжидая друг друга, брались за эту палку; помещая свою руку рядом с рукой соседа; кому доставался ее конец (отсюда *конаться*, *конакаться*), тот водил.

Каждый из игроков, кроме того, кто водил, делал клюшкой и пяткой валенка *казло* — небольшую ямку в снегу. Казла располагались на расстоянии двух-трех шагов друг от друга. Все игроки, кроме водящего, вставали на них (*стоять на казле* значит *стоять* так, чтобы одна нога непременно была в казле или занимала его основную часть, иначе водящий постарается на него встать, и тогда водить будет невнимательный хозяин казла). Водящий отходил с шаром на некоторое расстояние от игроков, так чтобы никто из них не мог ударить по шару, и игра начиналась.

Водящий ударом клюшки старался послать шар так, чтобы он попал в какого-либо игрока (обычно — в ноги), то есть *елил* кого-либо. Тот, кого *елили*, начинал водить, а *еливший* (водивший), занимал его казло.

Чтобы не елили, надо было, подскочив на казле, пропустить шар мимо, а еще лучше — встретить его ударом своей клюшки. Игроки, однако, стремились не только защищаться, но и нападать: отбивали у водящего шар и гнали его как можно дальше. Водящий следовал за шаром и стремился вернуть его (пассивная игра водящего считалась нарушением правил, и виновный наказывался).

Игроки били по шару или стоя на казле, или покидая его, но обязательно скача на одной ноге (свободное казло при этом водящий занять не мог); или, наконец, покидая казло и стоя на обеих ногах, но при этом водящий мог, если удавалось, занять свободное казло. Для этого, однако, он должен был последним ударить по шару или по меньшей мере дотронуться клюшкой до него.

В ходе игры разрешалось меняться казлами, водящий во время перебежки игроков мог занять какое-либо свободное казло, и если это ему удавалось, водил прозевавший.

Игра заканчивалась только по желанию стоящих на казлах, водящий обязан был *отводиться*, даже если продолжать игру желал только один из игроков (выход из игры с казел ничем не ограничивался). Если водящий не *отваживался* или играл пассивно, его *казывали* — *отжимали на палках*, из него жали *выжимали масло*: все игроки по очереди прижимали виновного к себе с помощью палки-клюшки.

Предложенное описание имеет словарное отличие от текста повестей Горького: у Горького игра называется *шар-мазло* и просто *шар*, у нас — только *шар*; у Горького — *мазло*, у нас — *казло*. Названия *шар-мазло* и *шар* в повестях М. Горького употреблены, видимо, как полный и краткий варианты, а в нашей местности использовался только краткий. Полный горьковский вариант названия здесь не только не использовался, но и не мог появиться, так как не было местного слова *мазло*; мог быть лишь вариант *шар-казло*.

Итак, *шар-мазло* и *шар-казло*: первые части — одинаковые; вторые — разные, но синонимичные, и не только по общему значению (ямка, лунка, — см. приведенный словарный материал), но и применительно к детским играм: в Словаре Даля — «игра в *касло*, *касасло*», в Словаре Второго отделения Академии наук — «*казел-мазел*», где в определенных видоизменениях объединены *мазло* и *казло*, то есть то, что бытовало в Камавине, в Кладбищах, в Сергаче.

А. И. МОИСЕЕВ

Рисунок В. Толстоногова

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

По радио слышала, что издательством «Музыка» выпущен сборник «Миссурийские регтаймы». Что означает слово *регтайм*? — спрашивает москвичка Л. Г. Ивлиева.

Регтайм (ragtime) — слово английское, состоит из *rag* — отрывок и *time* — время, темп, такт. Регтаймом называется форма городской танцевально-бытовой музыки американских негров, сложившаяся в конце XIX века и явившаяся одним из предшественников джаза; основана на «блении» двух несопадающих ритмических линий: как бы разорванной (остро синкопированной) мелодии и четкого аккомпанемента, выдержанного в стиле стремительного шага. Также регтаймом называется американский салонный и бальный танец, возникший на основе танцевальной формы регтайма; вошел в моду в 1910 году и явился основой для танцев тустеп, уанстеп, фокстрот.

ПЛАКАТЬ- ЗНАЧИТ „ЛИТЬ СЛЕЗЫ”

В русском языке есть слова, обозначающие различные эмоции (*печалиться, радоваться*) и их внешнее проявление (*плакать, рыдать, смеяться*). Между ними отсутствуют более или менее отчетливые различительные признаки. И это, с одной стороны, расширяет синонимические возможности слов, а с другой — затрудняет их толкование.

Возьмем, например, толкование глагола *плакать* в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (изд. 9-е, 1972): «1. Пролить слезы [от боли, горя и т. п.], обычно издавая при этом нечленораздельные голосовые звуки. *Горько п.*». 2-е и 3-е переносные значения характеризуют лишь некоторые выражения типа *Палка по нему плачет* и *Плакали денежки*. В 8-м издании этого же Словаря (М., 1970) *плакать* имеет только одно, первое значение. В то же время в 4-томном Словаре русского языка у глагола отмечены иные употребления: «1. ...// Горевать, сожалеть по поводу чего-л. ... 2 *перен.* Издавать протяжные тоскливые звуки (о неодушевленных предметах)... 3. *перен.* Разг. Запотев, покрываться каплями влаги (о стеклах)». Выражения *плакали денежки* и *плакала по нему палка, тюрьма* здесь рассматриваются как устойчивые словосочетания, фразеологизмы.

Причина разнобоя, думается, заключена прежде всего в нечетком определении основного значения слова *плакать*. В нем наряду с внешним физическим проявлением *плача* — «пролить слезы, обычно издавая при этом нечленораздельные голосовые звуки» — подчеркивается связь с «отрицательной причиной» — «от боли,

горя и т. п.». Между тем хорошо известно, что люди плачут и от радости, умиления, восторга. Значит, не зависимостью от «положительной» или «отрицательной» причины, а скорее различными способами протекания глагольного действия определяется изменение значения глагола плакать (ср. плакать — заплакать, всплакнуть, плакивать и т. д.). Важное значение приобретают здесь различные обстоятельства (*навзрыд, громко, взахлеб, долго* и т. д.).

В противоположность словам, обозначающим проявление чувства (*плакать, рыдать* и т. д.), эмоциональные наименования (*печалиться, грустить, радоваться* и т. д.) зависят от характера события, явления, вызвавшего эмоцию, переживания. Так, одно дело — *радоваться приезде сына* — «быть довольным», другое — *радоваться неудаче противника; печалиться о сыне* — «испытывать душевную горечь; беспокоиться» и *печалиться от неудачи* — «жалеть о чем-то» и т. д.

Следовательно, когда вводят в толкование лексического значения глагола плакать понятие причины, якобы вызывающей плач как физическое действие, глагол сближается со словами, называющими не проявление, а самое это чувство. Однако очевидно, что современный глагол плакать не выражает эмоционального состояния ни прямо, ни переносно потому, что не так давно утерел эмоциональное значение. 40 лет назад его еще фиксирует нормативный Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (1939): «...//перен., о ком-чем. То же, как выражение сожаления о ком-чем-н. *П. о потерянной молодости. П. об умершем. О чем ты плачешь?*». Это эмоциональное значение отмечается Толковым словарем живого великорусского языка В. И. Даля, Академическим словарем современного русского литературного языка в 17 томах, Словарем языка А. С. Пушкина.

Переносное эмоциональное значение отражало прежде всего отношение человека к действительности [явлению, событию] и это составляло его «стержень», сущность. Поэтому характер процесса плакания не проявлялся в лексическом значении. Более или менее четкое представление о нем возникло лишь в тексте при сочетании с конкретной причиной. Это представление то приближается к реальному плачу [*«Мой бедный Ленский! изнывая, Не долго плакала она»* (Пушкин. Евгений Онегин)], то соотносится с воспоминанием, рассказом, думой [*«Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, о которых всегда плачет козак...»* (Гоголь. Тарас Бульба)], то, наконец, сочетаясь с неодушевленным предметом, воспринимается символически в устойчивых оборотах типа *Тюрьма, острог, палка по кому-н. плачет*.

В древнерусский период глагол имел еще более широкие возможности изменения своего лексического значения. Так, например,

когда сообщалось о смерти или гибели человека, *плакать* отображал обрядовые действия: самобичевание и причитание. Например: «Нача поимати у нарочитое чади дѣти и даяти нача на ученье книжное. М(а)т(е)ре же чадь сихъ *плакаху по нихъ* еще бо не бяху ся утвердили въроу, но акы по мертвеци плакахся» (и стал он брать у знати детей их и отдавать в учение; матери же оплакивали их, как мертвых...) [Лаврентьевская летопись XIV в.]. Если причина заключалась в отсутствии предмета естественной необходимости, глагол обозначал упрашивание, мольбу: «Не бысть милости межи нами, нъ бяше туга и печаль... зряще дѣтии плачуще хлѣба, а другая умирающа» (не было благополучия у нас, но лишь беда и несчастье... при виде детей, одних просящих со слезами хлеба, других умирающих) [Новгородская I летопись XIII в.].

Почему значения «проливать слезы» и «находиться в состоянии печали» смешиваются в современных словарях русского языка? Это можно объяснить двумя причинами. И прежде всего тем, что глагол *плакать* еще совсем недавно имел эмоциональное значение не в качестве переносного, а в качестве основного. Так, для Словаря Академии Российской (1822) глагол *плакать* — не что иное как обычное обозначение чувства печали. Приводимые в нем иллюстрации отражают только эмоциональное значение: «Идеть на гробъ, да плачетъ тамо»; «Плакать горько, неутѣшно о смерти родителей, дѣтей, друзей». Отсутствуют четкие признаки процесса плакания и в самом толковании, ср. «Рыдать, лить, точить слезы».

Так же определяют употребление этого глагола переводные дву- и многоязычные словари XVIII века, ср. например, в Лексиконе Вейсмана: «плакать по умершемъ», «отрѣзавъ голову, надъ волосами плачетъ», «нѣльзя о немъ не тужить, не плакати»; в Лексиконе Волчкова: «Онъ о печали вашей плачетъ».

Точно так же употребляется глагол в произведениях XVIII века: «Я плакала о ево кончинѣ и сожалела ево столько» (Чулков. Пригожая повариха); «Онъ плачетъ о своихъ друзьяхъ тогда, когда они веселятся» (Мемье. Граф Сент-Меран).

Лишь с середины XVIII века в литературных памятниках начинает встречаться конструкция *плакать+от+родительный падеж существительного, обозначающего положительную [прежде всего] эмоцию*. В этой конструкции внешние признаки переживания (плач) отождествлялись с активным поведением человека и в силу этого противопоставлялись собственно самому переживанию (радости), например: «Сошедшись вмѣстѣ оказываютъ знаки радости: обнимають, лобызають и плачуть от радости» (Крашенинников, Описание земли Камчатки).

Это свидетельствует об определенном лексическом сдвиге в значении глагола. На первый план выдвигалось теперь не о т н о-

те и не человека к действительности, а закрепленное в определенных предметных формах поведение его. У глагола появились приставочные и суффиксальные новообразования, отражающие различные количественно-видовые оттенки самого процесса плакания: *поплакивать*, *плакивать*, *всплакнуть*: «Великое у насъ было молчание и благочиние. Великой князь сталь уже и *поплакивать*» (Порошин, Записки).

Однако существенное изменение в системе значений глагола происходит в пушкинский период развития языка. Признаки, выражавшие переживание, окончательно осознаются как активные предметные действия человека. И как таковые занимают центральное место в семантике глагола. Поэтому **бывшее** основное эмоциональное значение переосмыслиется в качестве **метафоры** **активного** предметного значения. Такую структуру имеет глагол *плакать* в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля: «*Плакать*... прослезиться, проливать слезы» и т. д.

Второй причиной, из-за которой смешиваются два различных значения глагола *плакать* в современных словарях русского языка, является то, что в речи мы опираемся на собственный языковой опыт, а когда толкуем слово — обращаемся к опыту прошлого.

Между тем сама идея о противоположности душевного переживания материальной форме его проявления становится достоянием широкого общественного сознания только с середины XVIII века.

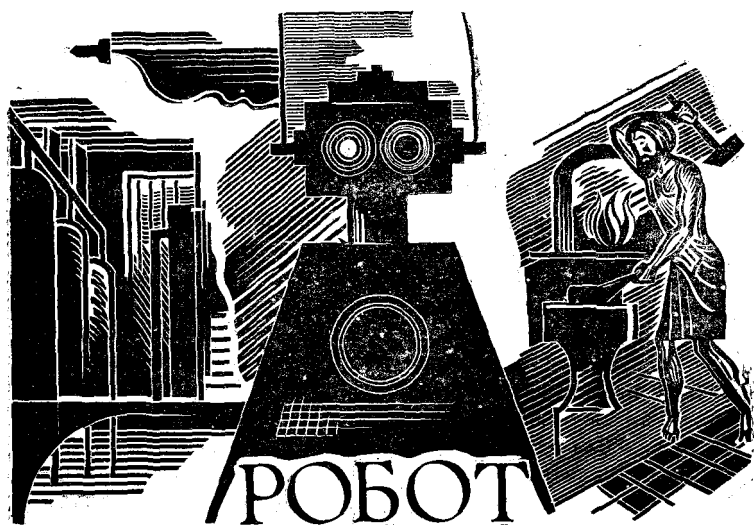
В произведениях XVIII века появляются сатирические образы, представляющие эмоциональное состояние, но не переживающие его: «Щеголи, которые хотѣли пообѣдать на похоронахъ, бросали въ глаза табакъ и плакали довольно исправно» (Чулков. Начало пустословия).

Определяя значение глагола *плакать*, составитель словаря, испытывая влияние всей предшествующей классической литературы, начиная с Ломоносова, отождествляет внешне сходные, но по существу глубоко различные лексические значения.

Это приводит к искажению семантической структуры глагола. Поэтому выражения типа *плакала по кому* или *по ком-н. палкз, тюрьма*; *плакали денежки* рассматриваются в качестве переносных употреблений глагола *плакать*. При этом не учитывается, что переносные употребления возникли на основе утраченного эмоционального значения.

М. А. БУРЯКОВ

Рисунок В. Толстоногова

Слово *робот* всем знакомо, особенно тем читателям, которые любят фантастику. Им называют машины с антропоморфным (человекоподобным) действием. В великолепном гомеровском эпосе «Илиада» есть описание встречи бога огня и кузнечного ремесла Гефеста с морской богиней Фетидой: «Вышел хромая; прислужницы, под руки взявши владыку, Шли золотые, живым подобные девам прекрасным, Кои исполнены разумом, силу имеют и голос, И которых бессмертные знанию дел научили».

Как видим, сама идея механизма-человека возникла в глубокой древности. А вот номинация, то есть название этого понятия, родилось относительно недавно.

*

Слово *робот* впервые появилось в пьесе чешского писателя Карела Чапека «R. U. R.» (1920), где роботами называли механических людей. Пьеса была переведена на многие языки мира. Вместе с ней распространилось и слово. Его подхватили авторы-фантасты, а через читателей оно получило право гражданства.

С лингвистической точки зрения, это слово примечательно тем что вошло без перевода в целый ряд языков, стало употребляться в качестве термина, явилось производящей основой для новых образований.

*

Слово *робот* хорошо прижилось в лексической системе русского языка. Произошло это потому, что у него праславянский корень *ogъbъ, от которого в западной группе славянских языков, в частности, в чешском языке, появилась основа *rob-* (ср. современное чешск. *robota* — подневольный труд; *rob* — раб), а в южнославянской группе *-rab-* (ср. современное русское *раб*, заимствованное из старославянского языка).

В русском языке существительное *робот* расширило свое значение. 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» отмечает его переносное значение: «О человеке, действующем бессознательно, подчиняясь чужой воле» — «Пока еще немец, Ымуштрованный Гитлером, — автомат, „робот“. Скоро ли у него зашевелится в сознании, что он человек, — покажет ближайшее будущее» (А. Н. Толстой. Фашисты ответят за свои злодеяния).

Робот — не только принадлежность общелитературной лексики. Слово прочно вошло в язык техники, стало термином. Вот как он определяется в Большой Советской Энциклопедии (изд. 3-е): «Робот... машина с антропоморфным (человекоподобным) поведением, к-рая частично или полностью выполняет функции человека (иногда животного) при взаимодействии с окружающим миром».

*

Слово настолько прочно вошло в терминологическую систему русского языка, что дало производные. Приведем несколько примеров из периодики последних лет:

роботехника — «использование роботов в научных и технических целях» — «Идет время — практическое использование собак уменьшается. Будет уменьшаться и дальше. Хотя, каких бы фантастических успехов ни достигла кибернетика, бионика, *роботехника*... — никогда не появится устройство, которое ложилось бы на операционный стол перед хирургом... или послушно стояло бы в станке физиолога, отдавая на исследование все свое существо» («Знание — сила», 1967, № 12);

робототехника (то же, что *роботехника*, но более употребительно) — «Не прошло и года после московских „смотринок“ болгарского робота, как в НРБ в городе Стара-Загора на базе машиностроительного предприятия „Берое“ был сформирован научно-производственный комбинат (НПК) по *робототехнике*» («Правда», 13 декабря 1979);

роботизация — «внедрение роботов; превращение в робота, роботов» — «В ней [поэме] свободно и органично соединились обще-

человеческая тема защиты личности от бездушной *роботизации*, тема любви («Москва», 1967, № 6);

роботостроение — «конструирование и изготовление роботов» — «Эффект мер партийных и хозяйственных органов по развитию *роботостроения* налицо» («Правда», 13 декабря 1979);

роботостроитель — «специалист по конструированию и изготовлению роботов» — «В зале на удобных креслах расположились *роботостроители*, приехавшие из разных городов страны. Поодаль, среди колонн молчаливо сгрудились „железные люди“. Они словно прислушиваются к разговору хозяев, готовые „ожить“ по первому их сигналу» («Техника — молодежи», 1967, № 8).

Для обозначения новой отрасли автоматике, занимающейся проектированием и созданием «железных работяг», то есть различного рода автоматов и манипуляторов, в языке по действующим нормам словообразования возникло новое существительное — *роботика*. Так, например, в статье газеты «Правда» от 13 декабря 1979 года «Робот силы набирает» упоминается Институт технической кибернетики и *роботики*.

Слова такой модели встречаются в нашей речи довольно часто. Это и *автоматика*, и *атлетика*, и *кибернетика*, и *поэтика*, и *фантастика* и др.

В английском, немецком, французском и других европейских языках сегодня живут слова, включающие в себя чешский корень *гов-*.

Интересно, что в чешском языке у слова *робот* сейчас появилось новое значение — «кухонный комбайн».

*

Пока в списке элементов международной терминологии корень *гов-* еще не зафиксирован, однако его продуктивное употребление во многих языках позволяет думать, что это дело ближайшего будущего.

В. В. ВВЕДЕНСКИЙ

Рисунок В. Толстоногова

Как вас теперь называть?

Каждый человек имеет минимум одно имя, которое закреплено в соответствующих документах. Оно — своеобразный социальный знак, которым принято дорожить. История знает много примеров, когда за право носить то или иное имя или фамилию шла жестокая борьба. Даже в малоцивилизованных племенах безымянный человек утрачивает многие свои права. Простой пример: у индейцев племени квакиутль человек, берущий займы, должен оставить в залог свое... имя, и пока он долга не вернет, все считают его безымянным и по имени не называют!

Однако бывают и такие случаи, когда человеку необходимо скрыть свое подлинное имя. И он заменяет его псевдонимом. Любой из нас знает их множество, подчас забывая (а иногда и не догадываясь), что это — не настоящие, а вымышленные имена, фамилии: революционер *Артем*, режиссер *Станиславский* и актер *Тарханов*, писатели *Стендаль*, *Жорж Санд*, *И. Ильф* и *Е. Петров*, *Корней Чуковский*, *Демьян Бедный* и многие другие.

Слово *псевдоним* в переводе с греческого означает «носящий ложное имя». Однако в действительности большое количество псевдонимов трудно назвать ложными именами. Возьмем, к примеру, такие псевдонимы, как *Максим Горький*, *Анатоль Франс* или *Жак Оффенбах*, — они не менее истинны, чем их «паспортные» эквиваленты *А. М. Пешков*, *А. Тибо* и *Ж. Леви*. Трудно считать ложными такие привычные нам имена, как *Марк Твен* (на самом деле — *Сэмюэл Клеменс*) или *Корней Чуковский* (в действительности — *Н. В. Корнейчук*).

Иногда волею судеб литературным именем становится один из многих псевдонимов писателя. Алексей Максимович Пешков в начале своей литературной деятельности подписывал свои произведения так: *Дон Кихот*, *Иегудиил Хламида*, *Пьерро*, *Самокритик*, *Словотеков*, *Паскарелло*. Но лишь один из псевдонимов великого пролетарского писателя — *Максим Горький* — стал его вторым именем, известным всему миру. А вот Чехов остался Чеховым, хотя многие из его современников с удовольствием читали рассказы, подписанные многочисленными псевдонимами писателя — *Антоша Чехонте*, *Балдастов*, *Вспыльчивый человек*, *Человек без селезенки*, *Брат моего брата* и др.

Именно в писательской и артистической среде чаще всего встречаются псевдонимы. Почему же писатели, актеры, певцы, поэты часто скрывали свои подлинные фамилии, имена, заменяли их вымышленными?

Этому способствовало много причин. Так, например, в дореволюционной России некоторые молодые люди «благородного» происхождения при поступлении в театр, чтобы не позорить родителей (а быть дворянину артистом считалось зазорным), полностью меняли свою фамилию, либо видоизменяли ее. Так возник, например, псевдоним *Давыдов*, под которым был известен знаменитый артист из Александринского театра в Петербурге В. Н. Горелов, таким же образом актер МХАТа В. В. Калужский стал на сцене *Лужским*, а П. Д. Оболенский (из Александринского театра) — *Ленским*. Но причины могли быть и иными...

Весьма курьезная история связана с именем выдающегося итальянского певца Титта Руффо. На охоте была случайно застрелена любимая собака его отца по кличке Руффо. Ореста Титта (Титта — фамилия) очень переживал, а когда у него родился сын, назвал его Руффо — в память о собаке. Однако позже, когда мальчик вырос, начал петь, вся эта история ему не очень понравилась. Молодой певец поменял местами имя и фамилию и стал не Руффо Титта, а Титта Руффо!

Традиция публиковать стихи, романы, пьесы, рассказы под псевдонимами была часто связана с тем, что авторы иных литературных произведений занимали какие-то официальные посты и поэтому открыто не могли признавать свое авторство. Так, вице-губернатор Рязани, а затем Твери М. Е. Салтыков был вынужден подписывать свои повести псевдонимом Н. Щедрин, консул А. Бейль взял себе псевдоним Стендаль, П. И. Мельников стал для читателей Андреем Печерским. Бывали (и бывают) случаи, когда судьба двух братьев складывалась так, что они начинали выступать на одном поприще. Тогда один из них — как правило, младший брат — должен был скрыть свою фамилию за псевдонимом. Из двух братьев Моск-

виных, ставших прекрасными драматическими актерами, младший — Михаил Михайлович — выбрал себе псевдоним Тарханов. Именно под этой фамилией знала и любила его московская публика. У известного тенора Л. В. Собинова был младший брат, также певец. В память о том, что семья Собиновых происходит из Ярославля, он избрал себе псевдоним Волгин и под ним выступал на сцене.

Другой пример — советского времени. Брат известного советского писателя Валентина Петровича Катаева, Евгений Петрович, в начале своей литературной деятельности избрал себе псевдоним по отчеству (что весьма распространено) — Евгений Петров.

Женщины-писательницы нередко скрывали свои имена за псевдоандрионами — мужскими именами-псевдонимами. И делали они это отнюдь не для того, чтобы достичь комического эффекта или же под влиянием волны эмансипации. С помощью псевдоандрионов они стремились облегчить себе путь в литературу: под мужским именем было гораздо проще напечататься. И вот француженка Аврора Дюдеван выбрала себе псевдоним Жорж Санд, англичанка Мэри Энн Эванс — псевдоним Джордж Эллиот, и т. п.

Нередко создатели псевдонимов, используя необычные наименования, старались вызвать у читателя улыбку, заставить его засмеяться. Действительно, невольно хочется улыбнуться, когда, раскрывая старый журнал или газету, вместо подписи автора, его фамилии видишь нечто вроде следующего: *Старая фельетонная кляча Никита Безрылов* (псевдоним писателя А. Ф. Писемского), *Хрен-редькинеславец* (псевдоним писателя и сотрудника юмористического журнала «Осколки» В. С. Карцова). Среди таких подписей попадаются настоящие каламбуры. Невольно вспомнишь жюльверновского капитана Немо, когда узнаешь, что писатель Иннокентий Анненский подписывал некоторые из своих произведений псевдонимом *Ник. Т-о*.

Гораздо реже встречаются псевдонимы групповые, за которыми скрывается целый авторский коллектив. Иногда они состояются из начальных букв и слогов фамилий авторов: *Братья Тур* (Тубельский и Рыжей), *Кукрыниксы* (Куприянов, Крылов, Николай Соколов). И конечно же нельзя не вспомнить «директора Пробринной Палатки» и «столпа общества» *Козьму Прутков*, имя которого — коллективный псевдоним Алексея Михайловича и Владимира Михайловича Жемчужниковых и графа Алексея Константиновича Толстого, трех известных сатирических поэтов XIX века. Ведь Козьма Прутков — это уже не просто псевдоним, а целый образ человека и хитрого невежественного обывателя.

Вероятно, не всем известно, что на раннем этапе совместного творчества авторы «Золотого теленка» и «Двенадцати стульев» тоже имели шуточный коллективный псевдоним — *Толстовский*,

в котором использованы фамилии знаменитейших русских писателей. *Илья Ильф* и *Евгений Петров* (как известно, это тоже псевдонимы; на самом деле писателей звали И. Файнзильберг и Е. Катаев) намекали на двойное авторство и весело подшучивали над своим литературным творчеством.

История каждого псевдонима часто связана не с просто произвольным его выбором, а с интереснейшими событиями — иногда веселыми, иногда грустными. Псевдоним — это любопытный факт языка, который нужно изучать.

М. В. КАПЛУНОВ
Рисунок В. Комарова

Вышло новое пособие для учителей — книга Н. С. Валгиной «Русская пунктуация: принципы и назначение» (М., «Просвещение», 1979). Существующие практические пособия по пунктуации являются в основном справочными. Книга Н. С. Валгиной не носит справочного характера, в ней дан анализ трудностей русской пунктуации на материале произведений классической русской и советской литературы, большинство из которых включено в школьную программу. Задача пособия — помочь учителю в усвоении принципов пунктуации, тенденций ее развития и путей усовершенствования.

Книга учит осмысленно пользоваться знаками препинания, обращает внимание на необходимость воспитания у школьников чувства языка.

НОВАЯ КНИГА О РУССКИХ ФАМИЛИЯХ

В издательстве «Наука» (Главная редакция восточной литературы) вышла книга известного советского тюрколога Н. А. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения» (М., 1979). В книге дан историко-этимологический анализ 300 фамилий. Введение освещает процессы взаимодействия русского языка и различных тюркских языков народов СССР. В статьях, посвященных конкретным фамилиям, приведены краткие сведения из существующих родословных и описания фамильных знаков (гербов).

Книга будет полезна не только специалистам — филологам, историкам, но и читателям, интересующимся вопросами происхождения русских фамилий.

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—6; 1978, №№ 1—6; 1979, №№ 1—5; 1980, №№ 1—3

Телегин. В XIX веке знатоки русской грамматики удивлялись, как могли появиться фамилии Телегин, Сорокин, ведь от слов *телега*, *сорока* нельзя образовать притяжательных прилагательных *телегин*, *сорокин* (см. об этом «Русская речь», 1976, № 1, с. 129). Первые *телегин* и *сорокин* были сыновьями не телеги и сороки, а Телеги и Сороки, то есть лиц, носивших эти прозвища или нецерковные имена. В «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова приведена запись из документа 1678 года по гор. Шуя: «Андрюшка Васильев сын прозвище Телега», в 1634 году воеводой на Чердыни был Микита Телега. Фамилия распространена широко.

Телелюев. Первоначально — отчество от прозвища из нарицательного *телелюй* — «рохля, разиня».

Телепнев. Отчество от прозвища из нарицательного *телепень* — «увалень, вялый», «толстый и неповоротливый». Ранние документации: 1622 г. — стрелец Семейко Телепень в Туринске, 1667 г. — стрелец Якушко Телепень в Устюге

(Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен). Фамилия существует, например, в Курске, Липецке, Орле.

Тельнов. Отчество от прозвища Тельной из нарицательного *тельной* — «упитанный, тучный». В «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова приведены примеры XVII века: Богданец Тельной, Ларка Тельной. Фамилия распространена широко: в 1897 году документирована в селе Борла Сенгилеевского уезда Симбирской губернии, в 1900 году — в Алексинском, Епифанском, Чернском уездах Тульской губернии, сейчас она засвидетельствована в Туле, Ярославле, Тамбове, Перми, Кирове, Оренбурге.

Темляков. Фамилия, вероятно, связана со словом *темляк* «тесыма с кистью на эфесе сабли». Фамилия документирована в Ярополецкой волости Волоколамского уезда Московской губернии — 1916 год (Центральный исторический архив в Ленинграде), в деревне Берсеневка Лямбирского района Мордовской АССР — 1957 год (Архив Мордовской АССР).

Темнов. В основе фамилии — старинное русское значение слова *темный* — «следной». Фамилия записана в Калуге (1971). В Оренбурге (1973) документирована фамилия Темных — вторичное образование из фамилии Темные.

Теплицкий. Именование по названию местности, из которой прибыл (вероятнее из западных частей страны): несколько населенных пунктов Теплица есть в зарубежных славянских землях, от *теплица* — «горячий источник». Русский топоним мог возникнуть от *теплица* — «оранжерея» (это значение позднее).

Теплов. Отчество от русского нецерковного мужского имени Теплый (более ранняя форма — Теплѡй). В XV веке документирован Тепло Кумов, в 1553 году — Ивашка Теплой (Н. М. Тушиков. Словарь древнерусских личных собственных имен). В 1658—1670 годах служил в Саранске Аким Григорьев сын Теплово (то есть Теплово), рядом в Рузаевском районе его бывшее поместье сохранило в названии эту фамилию — д. Тепловка (И. К. Инжеватов. Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск, 1980). Фамилия есть в Пензе, Архангельске.

Теплухин. Возможны два варианта: отчество от производной формы Теплуха от имен Тепло, Теплый (см. Теплов); диалектное нарицательное *теплуха* в южновском говоре бывшей Смоленской губернии, ныне в Калужской области (В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь, 1914).

Тепляков. Возможна связь с диалектным словом *тепляки* — «валенки». Фамилия документирована в Горицкой волости Шуйского уезда Владимирской губернии — 1897 год

(Владимирский областной архив), в Анучинской волости Чембарского уезда Пензенской губернии (Пензенской области) особенно часта в Шенкурском уезде Архангельской губернии — больше 300 человек в Предтеченской волости — 1897 год (Архангельский областной архив). В настоящее время фамилия есть в Архангельске, Иваново, Перми, Пскове, Туле, Ярославле.

Тептин. Тептяев. Вероятно, отчества от прозвищ Тептя и Тептяй из старинного русского глагола *тепти* — «рубить, резать, тыкать, колоть». Обе фамилии записаны в Рязани, 1976.

Тепцов. Возможна связь с диалектным словом *тепец* — цеп — ручное орудие для молотбы, например, в Рязанской, Пензенской и соседних областях (Л. И. Баранникова. Некоторые особенности современного состояния диалектной лексики. — Вопросы русской диалектологии, Куйбышев, 1965).

Теренин, Терёхин, Терехов, Терёшин, Терёшкин. Отчества от русских производных форм Тереня, Тереха, Терех, Терёца, Терёшка из канонического мужского имени Терентий (см. Терентьев).

Тетеревлев. Видимо, отчество от прозвища или нецерковного русского имени Тетерев. Фамилия отображает исторические изменения в развитии фонетики русского языка. В древнерусском языке (как и в общеславянском) после губных согласных возникал мягкий *л*: *тетеревлев* вместо *тетеревъ* + *ев*. Фамилия еще в XVII веке документирована на Севере — в Шенкурске; позже — по переписи 1897 года в Шенкурском уезде Архангельской губернии почти 300 человек носили эту фамилию, особенно в

с. Овчинниково, деревнях Дарнинская, Кулагинская и др. (Арханг. обл., архив); в настоящее время фамилия встречается в Архангельске и Перми.

Тикшаев. Отчество, образованное по модели русских фамилий суффиксом притяжательных прилагательных, от мордовского мужского имени Тикшай из эрзя-мордовского *тикше* — «трава». Фамилия у русских отмечена в Кузнецке (Пензен. обл.) и Саратове.

Тимофеев. Отчество от канонического мужского имени Тимофей (древнегреч. «почитающий бога»). Имя у русских в прошлом было нередким, теперь почти вышло из употребления. Фамилия по частоте занимает место в середине первой сотни русских фамилий, кроме того, много фамилий образовано из отчеств от русских производных форм того же имени: Тимакин, Тимаков, Тимахин, Тимачев, Тимашев, Тимашов, Тименков, Тимин, Тимкин, Тимков, Тимонин, Тимофенчев, Тимохин, Тимохов, Тимочкин, Тимошев, Тимошин, Тимошкин, Тимошков, Тимошкин, Тимшин (некоторые из них могли возникнуть и из отчеств от других канонических имен — Тимей, Тимолай, Тимоц, Тимоний, но эти имена почти не были употребительны у русских); украинские фамилии — Тиможенко, Тимофееенко, Тимченко, Тимошук, Тимощевич, Тимковский, белорусские — Тимашук, Цимашук, Тимко, Цимко и др.

Тиранов. Отчество от «лжеимени» Тирон, которое у русских возникло «по ошибке»: в святцах упомянут Феодор Тирон (из древнегреч., где *тирон* — означает сторож) таким образом, в сочетании Федор

Тирон последнее слово означает должность (подобное же произошло с «именами» Нотарий, Воин).

Титов. Отчество от канонического мужского имени Тит (предположительно, из латин. *titulus* — «почетный»).

Титухин. Отчество от формы Титуха из канонического мужского имени Тит (см. Титов). Фамилия документирована в Саратове (1972).

Тиунов. Отчество от именованья отца по его должности: в XV—XVI веках *тиун* — управитель, приказчик, младший судья. Потом оно стало личным именем — крестьянин Алексейко Тиун, 1500 г. («Новгородские писцовые книги», II, СПб., 1862). Фамилия оказалась очень частой в Пермской губернии в 1858 году. Тиуновых было больше 300 человек в селе Наперсине Куптурского уезда и селе Зукайское Оханского уезда (Перм. обл., архив). В 1975 году фамилия записана в Костроме. Нередкое в старинных документах написание имени Тивун отразилось и в фамилии — Тивунов.

Тихвинцев. Отчество от именованья отца по названию города, из которого прибыл, — гор. Тихвин (ныне в Ленинградской области).

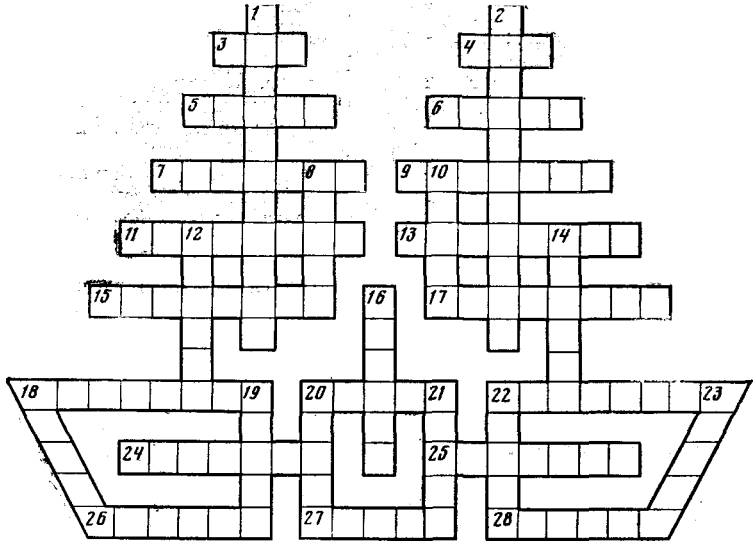
Тихомиров. Отчество от славянского нецерковного имени Тихомир, еще нередкого и в XVII веке.

Тихонов. Отчество от канонического мужского имени Тихон (древнегреч. «удачливый»), не имеет никакой связи с русским словом *тихий*.

В. А. НИКОНОВ

Продолжение следует

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Пьеса А. Н. Островского.
 4. Повесть Н. В. Гоголя. 5. Поэма М. Ю. Лермонтова. 6. Поклонник всего изящного. 7. Поселок, в котором жила Ассоль, героиня произведения А. Грина «Алые паруса». 9. Персонаж произведения А. Грина «Алые паруса». 11. Русский писатель, автор романа «Брынский лес». 13. Употребление слов и выражений в переносном смысле. 15. Раздел языкознания. 17. Действующее лицо пьесы А. П. Чехова «Чайка». 18. Советский поэт. 20. Русский военный корабль, ставший легендарным. 22. Прогрессивное движение эпохи Возрождения. 24. Поднятие уровня воды в реках и водоемах от таяния снега, от ливней. 25. Логический разрыв речи. 26. Рассказ А. П. Чехова. 27. Рассказ Н. С. Лескова. 28. Совокупность букв, принятых в

данной письменности, располагаемых в определенном порядке.

По вертикали:

1. Советский поэт. 2. Древнейший вид письма. 8. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 10. Имя художника XIX века, написавшего один из лучших портретов А. С. Пушкина. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». 14. Слово, созвучное с другим, но отличное от него по значению. 16. Название корабля капитана Грэй в произведении А. Грина «Алые паруса». 18. Рассказ А. М. Горького. 19. Роман М. Ю. Лермонтова. 20. Имя действующего лица пьесы А. Н. Островского «Волки и овцы». 21. Раздел книги, статьи. 22. Пьеса А. Н. Островского. 23. Рассказ А. П. Чехова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали:

1. Вятка. 3. Гор. 5. Брамс. 7. Сокол. 8. Пасхи. 10. Севр. 11. Баян. 12. АМО. 14. Тушино. 16. Михаил. 18. Куйто. 19. Наташа. 21. Ростов. 23. БАМ. 25. Бабы. 26. Клио. 30. Тузик. 31. Тверь. 32. Носов. 33. Лир. 34. «Гусар».

По вертикали:

1. Волос. 2. Аякс. 3. Галица. 4. Репино. 5. «Бесь». 6. Сатрап. 7. Сиваш. 9. Итана. 13. Мойка. 14. Тон. 15. Ока. 16. Мор. 17. Лев. 20. Тибет. 22. Толль. 23. Байкал. 24. Мастер. 25. Бунин. 27. Осетр. 28. Азов. 29. Берг.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

■ КАРАТЭ — КАРАТИСТ

Каратэ — это слово в последнее время часто встречается на страницах печати, в передачах радио и телевидения.

Что же такое каратэ? В 3-м издании Большой Советской Энциклопедии читаем: «Японская система самозащиты без оружия, основанная на ударах рукой (ребром ладони, кулаком, локтем) или ногой по наиболее уязвимым местам человеческого тела...». Слово *каратэ* является японским и означает «пустая рука».

Часто родиной каратэ называют Японию. Однако истоки этого древнего военного искусства находятся за пределами страны воз-
~~ходящего~~ходящего солнца и уходят в глубь веков. Каратэ известно на всем Дальнем Востоке под разными названиями: *кун-фу*, *кемпо*, *тай-чи-чуан* (*борьба с тенью*, *волшебная борьба*) и другими.

Возникновение классической школы борьбы без оружия связано с именем буддийского монаха Бодхидхармы, который основал в VI веке в одном из монастырей школу борьбы для монахов. Преподавание ее было вызвано необходимостью самозащиты от многочисленных разбойников, наводнявших в то время дороги Дальнего Востока.

В начале XVII века каратэ получило большое распространение среди жителей японских островов Рюкю. Крестьяне были вынуждены, не имея оружия, защищать себя от угнетателей-самураев.

Основателем современного каратэ является Г. Фунакоси, который в 1936 году создал школу каратэ в Токио. В 1970 году был проведен первый чемпионат мира, а в 1971 — чемпионат Европы.

В январе 1979 года образована Федерация каратэ СССР. Было решено развивать в нашей стране голько бесконтактную разновид-

ность этой борьбы. Первые соревнования по каратэ состоялись в 1979 году в Москве и Таллине.

Слово *каратэ* вошло в Большую Советскую Энциклопедию (3-е издание) и в Орфографический словарь русского языка (начиная с 13-го издания, 1974). Но ни в том, ни в другом издании нет названия человека, занимающегося каратэ.

Как же его называть: *каратистом* или *каратэистом*?

Сейчас в печати встречаются обе формы (правда, *каратэист* — довольно редко): «Иностранцы... видят толпу босых людей в белой форме, которые бегут, лавируя между прохожими. Это — *каратисты*» («Комсомольская правда», 7 сентября 1976); «Мамору Ямамото 38-летний *каратист-профессионал...*» («Советский спорт», 20 января 1977); «Безусловно, это один из наиболее сильных в своем весе советских *каратистов* на сегодняшний день» («Советский спорт», 27 ноября 1979); «Два ведущих клуба каратэ бразильского города Сан-Паулу... вступили в настоящее сражение: пятьдесят *каратэистов* зверски крошили друг другу черепа, ломали конечности...» («Комсомольская правда», 27 января 1980).

Среди наших спортсменов, занимающихся каратэ, распространено название *каратист*.

15 декабря 1979 года в газете «Комсомольская правда» была помещена статья К. Преображенского «Каратэ — не только спорт». В ней автор предложил заменить название *каратист* на *каратэист*, так как слово *каратэ* является двусоставным: *кара* — пустой, *тэ* — рука. По мнению К. Преображенского, пропуск *э* в названии спортсмена удаляет из слова логический смысл.

Но так ли это? Ведь и *ватерполо* — слово по происхождению двусоставное, *самбо* — многосоставное. А от них не были образованы названия *ватерполист*, *самбоист*.

Образование слова *каратист* соответствует действующему в нашем языке правилу усечения конечного гласного в словах, производных от несклоняемых существительных (*самбо* — *самбист*, *ватерполо* — *ватерполист*); хотя существуют и отдельные образования подобных слов без усечения конечного гласного (*дзюдо* — *дзюдоист*). Кроме того, образование названия спортсмена *каратист* оправдано тем, что на почве русского языка внутренняя (этимологическая) форма слова *каратэ* не ощущается.

В рассматриваемых словах с суффиксом *-ист* модель с усечением господствует. Спортсменов, занимающихся каратэ, следует называть *каратистами*.

С. И. Глушаков

■ ГВОЗДЬ ПРОГРАММЫ, СЕЗОНА...

Происхождением подобных выражений со словом *гвоздь* интересуются В. К. Царапкин из Ждапова.

Впервые сочетание со словом *гвоздь* (*гвоздь представления*) приводится во втором издании «Ходячих и метких слов» М. И. Михельсона (1896). Оно представлено как широко распространенное образное выражение, означающее «самое главное, заметное, замечательное». В сборнике читаем: «Гвоздем представления — была живая картина, представляющая Венеру, рождающуюся из морской пены».

Как отмечал В. В. Виноградов, «образное значение слова *гвоздь* возникло в русском языке под влиянием французского словоупотребления. Выражение — *гвоздь выставки, гвоздь сезона* — это калькированный перевод французских словосочетаний типа: *le clou de l'exposition* и т. п.» (В. В. Виноградов. Из истории русской литературной лексики).

Живописно рисует картину возникновения интересующего нас фразеологизма В. В. Стасов в статье «Выставки» (1897—1898). В 1889 году на всемирной выставке в Париже «выстроена была Эйфелева башня, — эта уродливая, противная затея из железа тогда прославилась на весь мир... И, однако же, все это зло было не так велико, как то зло, что для перезванивания о новой художественной гадости, всем столько драгоценной, было тогда же выдуманно в Париже и пущено на весь свет новое слово. Это слово было «*le clou de l'exposition*» (гвоздь выставки)... Пойдите на ту сторону Невы, между Дворцовым и Николаевским мостами, войдите в зал Академии Художеств и послушайте тамшнее жужжание стройных затянутых дамочек, с высокими торчащими в потолок куриными перышками и галкиными крылышками, окиньте взором толпу черных сюртуков, и вы везде услышите раньше и чаще всего: „*Le clou! le clou!*“ (гвоздь! гвоздь!). Впрочем, они все, может быть, только повторяют то, что в печати стоит».

Совпадение во времени написания статьи В. В. Стасовым (1897—1898) и выхода в свет второго издания сборника М. И. Михельсона (1896) свидетельствует о распространении в русском языке словосочетаний со словом *гвоздь* в 90-х годах XIX века. Именно в эти годы *гвоздь* начинает интенсивно употребляться в речи, в различных словосочетаниях. В статье В. В. Стасова начала 1900 годов «Наши нынешние декаденты» читаем «...стоит в большой ~~зале~~ выставки еще одна картина, которая у декадентов признается „гвоздем выставки“...». Как видим, В. В. Стасов уже к этому времени привык к словосочетанию *гвоздь выставки*, так как оно стало привычным в обиходной речи. В афишах театральных и цир-

ковых представлений появляются сочетания *гвоздь программы*, *гвоздь сезона*.

Переносное значение слова *гвоздь* (самое главное, значительное, заметное в чем-либо) широко используется в художественной литературе: «Дошла очередь и до мазурки, считавшейся, по артурским обычаям, гвоздем каждого бала» (Степанов. Порт-Артур); «[Певвица Дюкруа] была, без сомнения, гвоздем вечера, главной приманкой для большинства приехавшей публики» (Куприн. Каприз). Появляются выражения со словом *гвоздь* в газетно-журнальной публицистике.

Особенно часто употреблял сочетания со словом *гвоздь* В. И. Ленин: «Здесь гвоздь теоретического расхождения, и на этот вопрос в сколько-нибудь серьезной дискуссии надо было бы нашим противникам обратить все внимание» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 30, с. 90); «Весь гвоздь задачи в России теперь — организовать идейный отпор оппортунистам Интернационала и Каутскому. Весь гвоздь в этом» (Т. 49, с. 22).

Л. А. Морозова

При перепечатке ссылка на журнал «Русская речь» обязательна

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОРШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *В. В. Беляев, Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 11.04.1980 Подписано к печати 09.06.80 Т-05298
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 7,8
Бум. л. 2,5. Тир. 60000. Зак. 3005]

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10